

Хасан Бакаев Тайна Жеро-Канта

Автор выражает сердечную благодарность художнику Султану Юшаеву за вдумчивое и талантливое оформление обложки данной книги и иллюстрации к ее тексту. Эти иллюстрации имеют самостоятельную познавательную ценность как творчески воссозданные документы, отражающие в себе различные этапы богатой и мужественной истории вайнахского народа.

Тайна Жеро-Канта

1. Герой без роду и племени

В чеченском фольклоре обнаруживается странный герой, которого в нем, казалось бы, не должно быть. Каждый уважающий себя чеченец и по сей день должен назвать поименно по крайней мере семь своих прямых предков и перечислить хотя бы главные их деяния и черты характера. Кроме того, чеченец должен знать название своего тайпа и указать родовую гору и родовой замок. И вдруг центральным героем фольклора и эпоса такого народа, столь свято чтущего свою генеалогию, оказывается какой-то безымянный Жеро-Кант («Сын Вдовы»).

Он, этот Жеро-Кант, Сын Вдовы, пришел в чеченскую традицию словно из другого мира, далекого и чуждого, но в силу каких-то причин сумел занять в ней не просто почетное, а центральное место. Сын Вдовы настолько популярен в сознании чеченцев, что даже известные исторические события и персонажи привязываются к его личности. Так, именно Жеро-Кант стал главным действующим лицом некоторых версий эпической поэмы (илли) об уничтожении российскими войсками равнинного чеченского селения Дади-Юрт в 1816 году.

Однако подобные реминисценции все же редки и сюжеты, органически присущие сказаниям о Жеро-Канте и разворачивающиеся через его приключения, легко узнаются. Дело в том, что эти сюжеты объединены в некий канон, чья схема, в общих чертах, такова.

От какого-то безымянного героя, который незадолго до этого то ли погибает, то ли исчезает, рождается сын, который растет под присмотром своей матери. Этот мальчик получает имя-прозвище Жеро-Кант, то есть Сын Вдовы. С самого раннего детства Сын Вдовы отличается от своих сверстников чудесной силой и честолубием. Во время мальчишеских игр он по неосторожности ломает конечности своим товарищам и те, обозлившись, начинают обзывать его безотцовщиной, бастардом. Жеро-Кант не столько разгневан, сколько опечален таким обвинением. Он идет к матери и требует назвать имя своего отца. Женщина долго отказывается это сделать, и в некоторых повествованиях Жеро-Кант даже причиняет ей боль, чтобы добиться правды о своем происхождении. В конце концов, Жеро-Кант узнает, что его отец был великим героем и мать указывает ему место, где хранятся оружие и доспехи его отца. Где-то в тайной пещере оказывается и боевой конь родителя, завещанный им сыну, причем Жеро-Канту приходится усмирить его, доказав свою силу. Сын Вдовы вооружается, облачается в доспехи отца, седлает коня и начинаются странствия и приключения вчерашнего мальчишки, который с чудесной скоростью (как и положено в сказках) становится юным прекрасным витязем.

Что он ищет в своих странствиях? Сказания дают ясный ответ на этот вопрос: Жеро-Кант ищет доказательства своего славного происхождения и желает подтвердить его подвигами. Он мстит коварным убийцам отца, спасает от похитителей или спесивого князя прекрасную

девушку, обретает верных друзей и с триумфом возвращается домой с невестой на крупе коня, на радость и счастье своей матери, исстрадавшейся в одиночестве. Такова канва бесчисленных историй о Жеро-Канте, но иногда в них вплетаются загадочные мотивы, объяснение которых открывает нам удивительные сведения.

2. Почему его зовут «сыном вдовы»?

Следует сказать, что в древних восточных традициях любая незамужняя женщина, в том числе вдова, воспринималась как девственница. Это любопытное обстоятельство отмечено в эзотерической литературе, исследующей различные аспекты жизни и деятельности Иисуса Христа. Поэтому в сакральном контексте выражение «сын девственницы» могло быть идентичным выражению «сын вдовы», то есть незамужней женщины.

Как мы знаем, в христианстве общеупотребительным обозначением Иисуса Христа является «Сын Девственницы», то есть девы Марии, которая произвела его на свет в результате непорочного зачатия. Однако некоторые древние мистические сообщества (манихеи, катары, тамплиеры, богомилы и т.д.) называли Иисуса «Сыном Вдовы».

Эпитет «Сын Вдовы», которым нарек себя во II в. н.э. персидский проповедник Мани (основатель манихейства), вновь связывает это обозначение с Иисусом, так как Мани, назвав себя «Сыном Вдовы», одновременно с этим провозгласил себя также и «Христом, вернувшимся в мир».

Все эти факты показывают, что в мистических традициях, включая и масонскую, словосочетание «Сын Вдовы» есть такой же устойчивый эпитет Иисуса, каким в христианстве является эпитет «Христос» («спаситель», «мессия»). Если читателю показалось, что мы через эти сопоставления пытаемся связать между собой Жеро-Канта (Сына Вдовы) из чеченского фольклора и эзотерический образ Иисуса Христа (Сына Вдовы), то он не ошибся – именно таково наше намерение. Но дальнейшее нашему читателю может показаться еще более необычным.

3. Поиск Святого Грааля

В Средние века, в эпоху крестовых походов, в разных концах Западной Европы вдруг стали появляться романы о рыцарских странствиях в поисках Святого Грааля (Сан Грааля). Наиболее известные романы о Святом Граале следующие: «Персеваль или сказка о Граале», написанный французом Кретьеном де Труа около 1188 года; «Роман об истории о Святом Граале», написанный французом Робером де Бороном между 1190 и 1199 годами; «Перлесваус» (искаженное «Персеваль»), написанный неизвестным английским автором почти одновременно с Робером де Бороном; «Парцефаль», написанный немцем Вольфрамом фон Эшенбахом между 1195 и 1216 годами; «Смерть Артура» англичанина Томаса Мэлори, написанный в 1407 году. Все остальные романы этого цикла являются более или менее удачными подражаниями вышеназванным авторам.

В этих средневековых произведениях упоминаются Иисус Христос и легендарный кельтский король Артур. Но главный персонаж – рыцарь Персеваль (Парцифаль), который странствует в поисках Святого Грааля. Предметом поиска является чудесная чаша, которая, как объясняют авторы романов, хранит в себе «кровь Христа». Не будем забывать, что во многих языках мира «кровь» является синонимом слова «потомство». Иногда в романах прямо говорится, что рыцарь Парсеваль ищет своего отца, а по пути женится на прекрасной деве, мстит своим врагам и, в конце концов, узнает, что является потомком самого Иисуса Христа. Словосочетание «Сан Грааль» при иной разбивке (Санг Рааль) означает на старофранцузском «королевскую кровь». И поэтому чаша Святого Грааля, содержащая в себе «кровь Иисуса Христа», действительно является лишь слегка зашифрованным эвфемизмом «королевской крови».

И все встает на свои места, когда мы узнаем, что Парсеваль представлен Кретьеном де Труа в качестве «Сына Вдовы», и это именно то обозначение, под которым мы впервые знакомимся с этим героем: *«Сын Вдовы из Безлюдного Леса, проснувшись, быстро оседлал коня и, взяв три коня, отправился на охоту...»* – так средневековый французский писатель начинает свое повествование о Персевале. И далее это словосочетание – Сын Вдовы – в отношении Персеваля многократно повторяется. Вероятно, читатель уже обратил внимания на то, что цель странствий и перечень подвигов средневекового Парсеваля («Сына Вдовы») в довольно точно дублируют приключения Жеро Канта («Сына Вдовы») из чеченских сказаний. Но это только начало удивительных совпадений.

4. Третий сын турпала Эли

Турпал Эли – так чеченцы зовут последнего из числа четырех праведных халифов, Али ибн Абу Талиба. Турпал значит «герой», «витязь». Нижеследующее имеет весьма отдаленное отношение к биографии реального халифа Али, но вот что рассказывается в одном из чеченских преданий.

Во время своих странствий турпал Эли повстречал девушку-христианку («кераст») удивительной красоты и на какое-то время остался с ней жить как с супругой. Затем ему понадобилось уехать по своим делам, и он на прощание подарил христианке медальон, наказав повесить его на шею ребенку, если родится мальчик. Вскоре после отъезда турпала Эли на свет появился его сын, которому мать дала имя Иса (Иисус).

Иса рос шаловливым ребенком и, превосходя силой своих сверстников, часто их калечил во время детских игр, впрочем, совершенно непреднамеренно. Дети, наконец, обозлились и называли Ису безотцовщиной, бастардом.

Глубоко расстроенный словами своих товарищей, Иса пришел к матери и потребовал, чтобы она назвала имя его отца. Мать отказалась, и тогда Иса, схватив ее руку, прижал ее к раскаленной сковороде. Не выдержав боли, женщина рассказала Исе, что его отец – сам великий герой Эли. Затем Иса получил от матери заветный медальон и отправился на поиски отца.

Турпал Эли и два его сына Хасан и Хусейн строили на берегу моря башню. Сыновья подавали отцу камни, на которые тот им указывал, а турпал Эли производил кладку. Он указал сыновьям на очередной камень, но им даже вдвоем оказалось не по силам поднять его. Проходивший мимо незнакомый юнец, увидев их тщетные усилия, легко поднял тот камень и подал его турпалу Эли.

Глубоко уязвленный тем, что какой-то безвестный прохожий оказался сильнее его сыновей, турпал Эли заставил их по очереди бороться с ним. Юнец без труда победил обоих. Тогда турпал Эли сам стал бороться с незнакомцем, но тоже был положен на лопатки. Во время борьбы рубашка на груди юноши разошлась и турпал Эли увидел на его шее медальон, оставленный им когда-то для еще не родившегося сына. С радостным криком турпал Эли обнял своего младшего сына, но тот, узнав, что боролся со своим отцом, со стыда бросился в море и утонул.

Прошло много лет. Турпал Эли, почувствовав приближение смерти, приказал своим сыновьям взять его чудесный меч, удлиняющийся при взмахе на 15 ладоней, и бросить его в море на том месте, где утонул их брат. Хасану и Хусейну стало жалко расставаться со столь чудесным оружием и они вернулись домой, спрятав меч в укромном месте. Турпал Эли спросил у них, что они увидели, бросив меч в море. Братья ответили, что меч просто ушел под воду. Поняв, что сыновья лгут, турпал Эли пригрозил, что он проклянет их, если они в точности не выполнят его волю и после этого Хасан и Хусейн вернулись с мечом на берег и бросили его в море. Придя домой, они рассказали отцу, что в тот момент, когда брошенный ими меч коснулся поверхности моря, вода разошлась, обнажилось дно с зеленой травой, на

траве был расстелен ковер, а на ковре возлежал их утонувший брат и читал Коран. Он протянул руку, поймал меч и вода снова сомкнулась над этим местом.

Убедившись, что сыновья на этот раз говорят правду, турпал Эли поведал им, что сын его – сам великий пророк Иса, который перед концом света вернется в мир и сразит Антихриста (Даджаля), который причинит людям много зла. И у него в руках будет тот самый меч, который они бросили в море.

Вариант этой легенды, опубликованный И.А. Дахкильговым, некоторыми деталями отличается от нашей, записанной в селении Гехи, от стариков, живущих в кварталах тайпа Нашхо. Наиболее полный вариант этого предания был нами записан от Бакаевой Сациты 1927 г.р., которая хранила в своей памяти подлинные сокровища чеченского фольклора.

Читатель может пожать плечами: каким образом халиф Али (турпал Эли) мог оказаться отцом Иисуса Христа (Исы), который жил на пять столетий раньше него? И вообще, не представляет ли собой эта легенда сплошную путаницу?

Все не так просто. Сейчас нам откроются очень странные вещи.

5. К кому взывал распятый Иисус?

Не только Коран (4:156-157), но и самые ранние евангелия, отнесенные отцами церкви к разряду «апокрифических», свидетельствуют, что Иисус Христос не был распят. В декабре 1945 года близ египетской деревни Наг Хаммади были найдены папирусные свитки с текстами древнейших евангелий, впоследствии национализированные египетским правительством и в 1977 году, после систематизации и изучения, изданные на английском языке. Среди текстов обнаружен рассказ самого Иисуса Христа («Парафраз Сета») с описанием казни:

«Я умер только с виду, это другой был на моем месте и выпил желчь и уксус. Они побили меня тростником, но крест на своих плечах нес другой, Симон. На другого надели терновый венец... А я лишь улыбался их неведению».

Итак, приведенный выше отрывок указывает, что распятию подвергся некий Симон, упоминаемый также и в канонических евангелиях от Матфея (27:30-32), Марка (15:20-21) и Луки (23:26). Однако официальная христианская догма непоколебимо стоит на утверждении, что Иисус Христос подвергся распятию на кресте. И, чтобы приблизиться к разгадке таинственного чеченского предания о турпале Эли, который представлен как «отец» Исы (Иисуса), нам важно узнать, что произнес Иисус перед смертью на кресте, обращаясь, как утверждают христианские канонические евангелия, к своему отцу («Богу-Отцу»).

В Евангелии от Матфея Иисус умирает со словами: «Или, Или! Лама савахфани?».

В Евангелии от Марка предсмертные слова Иисуса звучат так: «Элои, Элои! Ламма савахфани?».

И оба евангелия дают такой перевод этим словам: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?».

Таким образом, если на время забыть все остальные детали, Эли оказывается «отцом» Иисуса не только в чеченском предании, но и в общепризнанных в христианском мире евангелиях от Матфея и Марка.

Можно подвести некоторые предварительные итоги. Мы узнали, что в иудаистской и тесно связанных с последней эзотерических традициях «Сын Вдовы» – устойчивый эпитет Иисуса Христа. В предании о турпале Эли Иисус Христос представлен как классический Жеро-Кант («Сын Вдовы»), который, как и все остальные чеченские фольклорные персонажи из этой категории, пускается на поиски своего отца. В христианской традиции Иисус, взывая к своему «отцу», называет имя Элои (Или), и это имя звучит похоже на Эли из чеченского предания, который также представлен в роли «отца» Иисуса. Поставим вопрос: удалось ли нам нащупать важную связь между Жеро-Кантом из чеченских преданий и христианским образом Иисуса? У нас есть основания ответить на этот вопрос утвердительно.

Но в наших руках оказалось лишь начало той путеводной нити, что ведет к удивительным открытиям.

6. Халиф Али и его обожествление

Интересно было бы узнать, как чеченцы-мусульмане могли без внутреннего протеста рассказывать истории, в которых праведный халиф предстает «отцом» Иисуса Христа, то есть одного из наиболее почитаемых в исламе пророков? В наших словах нет обвинений, так как эти истории зародились очень давно и отнюдь не в Чечне.

Еще в VII веке, при жизни халифа Али ибн Абу Талиба (чеченский «турпал Эли») некий йеменский еврей Абдаллах бен Саба' принял ислам и объявил себя преданным сторонником халифа Али. Ссылаясь на Тору, бен Саба' доказывал, что у каждого великого пророка был преемник духовного завещания (васи). Халиф Али, говорил он, является преемником духовного завещания пророка Мухаммада (с.а.с.), а поскольку пророк ислама – лучший и величайший из пророков, то и Али – лучший из преемников духовного завещания.

Эти утверждения, распространившись среди последователей ибн Саба'а, постепенно доросли до полного обожествления халифа Али и к идее таваккуфа («остановки») имамата Али, отрицавшей его смертность. По преданию, халиф Али, узнав о догмах секты таваккуфистов, пришел в неопишуемый гнев и приказал предать их жестокой казни. Но некоторые из них спаслись бегством и осели в Иране. Так в исламе появилось течение, получившее название «крайний шиизм», тогда как представители «умеренного шиизма» давно отказались от идей таваккуфа и считаются одним из исламских мазхабов.

В XV в. от крайних шиитов отпочковалась еще более радикальная секта ахл-и-хакк («люди истины»), которая довела культ Али до полного его обожествления, утверждая, что Аллах воплотился в теле Али. Эти предельно кощунственные измышления постепенно распространились среди шиитов Ирана, Турции, Афганистана, Сирии и т.д. Свое дальнейшее развитие эти порочные идеи получили в турецкой секте Бекташи, тесно связанной с алавитам. Представители ордена Бекташи поклоняются «мусульманской троице» в образах Всевышнего Творца, пророка Мухаммада (с.а.с.) и халифа Али, постулируя, по примеру христиан, их «единую природу», и в своих обрядах причащаются вином и сыром.

Таким образом, чеченское предание о «турпале Эли», представленном в качестве «отца» Исы (Иисуса), имеет отчетливо прослеживаемую связь с догматической базой «крайнего шиизма» с его сектантскими ответвлениями, обожествляющими халифа Али и делающими его тождественным «Богу-Отцу» из христианской троицы. С этой извращенной точки зрения Иса (Иисус) действительно мог быть воспринят как «сын» имама Али (турпал Эли в чеченском предании). Однако поразительные вещи, связанные с образом Жеро-Канта («Сына Вдовы»), открываются не на Востоке, а на Западе, куда мы теперь должны мысленно вернуться.

7. Потомство Иисуса Христа

В 70-х и 80-х годах XX-го столетия в Западной Европе (в основном во Франции и Швейцарии) стали в большом количестве публиковаться анонимные брошюры, в которых рассказывалось о том, что Иисус Христос погиб не на кресте, а дожил до преклонного возраста и пал с оружием в руках, защищая от римлян иудейскую крепость Моссад. А задолго до этого, в 33 году новой эры Иосиф из Аримафеи, упоминаемый во всех четырех канонических евангелиях, забрал жену Иисуса Марию Магдалину и его детей и перевез их по морю в Марсель (Южная Франция), где в ту пору обитала крупнейшая в Европе колония евреев. Там следы семьи Иисуса надолго затерялись. В брошюрах повествовалось о том, что в раннем Средневековье была создана какое-то общество рыцарей, давших обет найти

потомство Иисуса и охранять его от опасностей. Эти усилия по поиску потомков Иисуса были зашифрованы как «поиск Сан Грааля», «Священного Грааля», или, как уже отмечалось выше, при иной разбивке букв в этом словосочетании («Санг Рааль») – «королевской крови». Речь идет о рыцарях Круглого Стола под предводительством короля Артура. Судя по всему, поиски увенчались успехом. Во всяком случае, таинственные брошюры отмечают, что один из прямых потомков Иисуса Мервей (жил в V в.) стал основателем первой династии французских королей – Мервингов.

Если Мервей многими историками воспринимается в качестве легендарного персонажа, то его сын Хильдерик и внук Хлодвиг – вполне реальные исторические деятели. Хлодвиг объединил в единую державу часть Галлии (современная Франция) и многие области Германии.

Здесь следует обратить внимание читателей на одно важное обстоятельство. Германские и кельтские народы, занимавшие в ту пору почти всю Западную Европу и значительные территории Центральной Европы, принимали потомков Мервея как своих естественных властителей, «королей по праву рождения». Это можно объяснить тем, что Мервинги, представленные как потомки Иисуса, воспринимались в народном сознании как «священные короли». Однако, чтобы Мервинги были восприняты в этом качестве, население Западной Европы должно было быть не только христианизированным, но и верить при этом, что у Иисуса могли быть жена и дети, что категорически отвергается всеми течениями ортодоксального христианства, настаивающими на безбрачии Христа. На первый взгляд, мы попадаем в тупик противоречий. Но противоречия эти – не более чем видимость, если вспомнить, что при приемниках императора Константина государственной религией Римской империи стало арианство, отвергающее единосущность Иисуса Христа Богу и, соответственно, признающее сотворенную, земную, человеческую его природу. Иисус Христос признавался в арианстве лишь посредником между Богом и людьми, то есть, по сути, пророком, вероучителем, наделенным священным статусом и данной ему Богом способностью творить чудеса. По мнению ряда специалистов, именно арианство являлось исконной, первичной формой христианства, а другие ученые-религиоведы считают, что арианство зародилось в IV веке, но все ученые единодушны в мнении, что это вероучение безраздельно господствовало в Западной Европе и некоторых регионах Востока до VI столетия, и именно в эту эпоху (в конце V века) на исторической арене появляется правящая династия Мервингов. Разумеется, арианство как нельзя больше подходило в качестве идеологической базы для воцарения потомков Иисуса Христа, каковыми, очевидно, предстали в глазах верующих-ариан Мервинги.

Необходимо также упомянуть, что у Мервея был предшественник – вождь или король Хлодион, правивший франками начиная с 427 или 428 года. Средневековый автор Григорий Турский, живший в VI веке, в своей «Истории франков» пишет, что Хлодион состоял с Мервеем в каком-то родстве и далее отмечает характерную деталь, касающуюся внешности первых франкских королей: *«Многие же передают, что те же самые франки пришли из Паннонии и прежде всего заселили берега Рейна. Затем отсюда они перешли Рейн, прошли Торингию и там по округам и областям избрали себе длинноволосых королей из своих первых, так сказать, более знатных родов»*. Сами франки носили коротко остриженные волосы, но все их короли из династии Мервингов отпускали длинные волосы, что позволялось лишь носителям «королевской крови», обладателям сакральной родословной. Как известно, ношение длинных волос являлось одной из обязанностей назореев, предписанной им Библией: **«Во все дни обета назорейства его бритва не должна касаться головы его»** (Числа, 6:5). Известно также, что и Иисус Христос был назореем, а его учение иудеи называли «назорейской ересью» (Деян., 24:5). Поэтому, нося длинные волосы, короли из Мервингской династии как бы подчеркивали свое происхождение от Иисуса Христа. Отметим важную деталь: длинные волосы носили не только Мервинги, считавшиеся

потомками Иисуса Христа, но и те европейские короли, которые вели свое происхождение от Водана (Одина).

Но вернемся к таинственным брошюрам, которые далее рассказывают, что после убийства короля Дагоберта II в 679 году, совершенного, как утверждают анонимные авторы, по приказу папы римского, его сын Сигиберт был спасен какими-то людьми и тайно переправлен в Ирландию. Там он подрос и перебрался затем в Англию, где женился на девушке-еврейке из старинного библейского рода. Затем Сигиберт прибыл во Францию и открыто предъявил свои права на престол. По всей видимости, за юношей стояла какая-то очень внушительная сила и поэтому узурпаторы побоялись убить его. Ему было предложено удалиться на юг Франции, где в то время обитало огромное количество евреев и арабов, и стать королем этого региона. Все так и случилось. Сигиберт основал на юге Франции еврейское государство, называвшееся «царство Разес». В некоторых средневековых документах отмечалось, что потомками разесских королей, и, следовательно, потомками Меровингов являются знаменитые герцоги Бульонские.

Общеизвестно, что один из герцогов рода Бульон, а именно Годфруа, после удачного для христиан Второго крестового похода вернул себе трон Иерусалима – как потомок Меровингов и (через меровингский род) потомок Иисуса Христа. Не будем также забывать и о том, что в канонических евангелиях одним из главных обвинений, выдвинутых против Иисуса его гонителями, являлось то, что он называл себя «царем Иудейским». Как свидетельствуют канонические евангелия, Иисус не отверг это обвинение и анонимные брошюры приводят доводы в пользу того, что он, по-видимому, обладал правами на царский титул.

Поиски, предпринятые английским исследователем Генри Линкольном (при содействии Майкла Байджента и Ричарда Лея) установили, по крайней мере, один твердый факт – таинственные брошюры публиковались французскими и швейцарскими масонскими центрами.

И здесь всплывает следующее любопытное обстоятельство. Поиск потомства Иисуса Христа был, как мы уже отмечали, зашифрован как «поиск Святого Грааля». В масонской символике это звучит как «поиск потерянного Слова». В Евангелии от Иоанна «Словом» назван Иисус Христос. Значит, как и в случае с рыцарями короля Артура, искавшими Святой Грааль (на самом деле «королевскую кровь», потомство Иисуса), масоны так же считают своим сакральным обязательством поиск и охрану потомства Иисуса, «Царя Иудейского». И тут следует указать, что «потерянное Слово» масонов звучит как «Ху», и мы сталкиваемся со странным совпадением, так как в чеченском слово «ху» – это «потомство», семя». Но мы мало что поймем в подобных совпадениях, если не коснемся той удивительной истории, которая, судя по Библии, случилась с внуками Авраама, братьями-близнецами Иаковом и Исавом, чьи потомки породили соперничающие между собой во всемирном масштабе королевские династии. Меровинги и Оदिныды, судя по всему, европейские ветви этих двух династий.

Любой потомок Иисуса, как носитель драгоценной крови, воспринимался как сам Иисус. Поэтому почитание герцога Годфруа Бульонского выходит далеко за рамки средневековых феодальных отношений. Романы о Святом Граале отмечают, что предком Годфруа Бульонского был таинственный рыцарь по имени Персеваль. Это имя, как мы уже упоминали, неотделимо от эпитета «Сын Вдовы». Интересно, что такое же прозвище («Сын Вдовы», Персеваль) получил в романах о Граале и сам Годфруа Бульонский. Следует полагать, что эпитет «Сын Вдовы» носил не только Иисус. Каждый из его реальных или предполагаемых потомков также именовался «Сыном Вдовы», как носитель священной крови, воспринимаемый в качестве сына, внука, правнука и т.д. деви Марии, которую, как уже упоминалось ранее, в иудейской и эзотерической традициях называют «вдовой». По-видимому, и «хранители священной крови» имели какие-то моральные основания именовать себя «детьми вдовы» – по крайней мере, так по сей день называют себя масоны. И пора,

наконец, сказать, что Годфруа Бульонский, будучи «Сыном Вдовы», считался, как установил Генри Линкольн, потомком (сыном или внуком) некоего сакрального персонажа по имени Эли. Сравним: Иса (Иисус) из чеченских преданий, будучи «Сыном Вдовы», оказывается потомком турпала Эли. Годфруа Бульонский, потомок Иисуса и «Сын Вдовы», является сыном или внуком некоего Эли. Совпадения налицо и теперь настала пора связать воедино открывшиеся нам факты.

8. Линии сходятся

В нашем рассказе мы затронули три сюжетные линии, которые сошлись воедино в образе Иисуса Христа. Линия первая – чеченское предание об Иисусе, «сыне» турпала Эли, и фольклорные повествования о Жеро-Канте («Сыне Вдовы»). Эта линия привела нас к схеме, в которой описано детство Иисуса (или Жеро-Канта, «Сына Вдовы»), растущего без отца; его озорство в играх со сверстниками, которым он неосторожно ломает конечности и которые из-за этого дразнят его безотцовщиной, бастардом; его жгучее желание узнать тайну своего происхождения; его поисков и обретения отца, которого он теряет, бросившись, после борьбы с ним, со стыда в море. Среди апокрифов есть одно очень любопытное евангелие, которое цитирует Генри Линкольн со своими соавторами. Это так называемое евангелие «Детства Иисуса Христа». В этом апокрифе, не включенном отцами церкви в канон, мы видим Иисуса озорным, своевольным ребенком, не умеющим еще контролировать свою силу и калечащим в играх своих друзей-мальчишек. Мы помним, что таким же шаловливым и необузданным ребенком представлен Иисус и в чеченском предании. Все сходится.

Линия вторая – романы средневековых западноевропейских авторов о Святом Граале. В этой линии мы видим «Сына Вдовы» (Персеваль), который ищет своего отца и желает раскрыть тайну своего происхождения. Персеваль, «Сын Вдовы», оказывается «отцом» реального исторического деятеля – Годфруа Бульонского, потомка Иисуса Христа, как уверяют нас анонимные брошюры, изданные французскими и швейцарскими масонскими центрами. Иногда отцом Годфруа называется рыцарь Персеваль, а иногда – Эли. У Вольфрама фон Эшенбаха Эли – не отец Годфруа, а его дед (отец Персеваля). В любом случае, мы здесь наблюдаем ту же цепочку родства, что и в чеченском предании: Эли – Сын Вдовы – Иисус, хотя генеалогическая последовательность этих персонажей может иногда меняться.

Третья линия – канонические христианские евангелия. Казненный на кресте Иисус, которого в иудейской и эзотерических традициях называют «Сыном Вдовы», в минуту отчаяния взывает к своему «отцу» – Элои. Здесь наблюдается та же схема, что и в предыдущих двух случаях: Элои – «Сын Вдовы» – Иисус. Такие совпадения трудно считать случайными.

9. Кто поймал брошенный в море меч короля Артура?

Мы оставляем без подробного разбора цикл легенд о короле Артуре и двенадцати его рыцарях, которые ищут Святой Грааль, или, как мы установили, потомство Иисуса. Упомянем только историю с чудесным мечом Артура. Этот меч держала над водами таинственная рука, которая вручила его Артуру. Король назвал этот чудесный меч Экскалибуром. Умирая после битвы со своим племянником (или сыном) лордом Мордредом, Артур приказывает Ланселоту дю Лаку, последнему оставшемуся в живых из 12 рыцарей Круглого Стола, бросить Экскалибур в море (у Томаса Мэлори в «Смерти короля Артура» эту миссию выполняет рыцарь Бедивер). Ланселот берет меч Артура, идет к морю, но ему становится жалко выбрасывать такое чудесное оружие и он возвращается к умирающему королю, спрятав его на берегу. Артур спрашивает у Ланселота, что тот увидел, бросив меч в море. Ланселот отвечает, что меч просто утонул. Тогда Артур, поняв, что рыцарь нарушил

его приказание, отсылает его к морю еще раз, пригрозив проклятием, если тот вздумает снова его послушаться. Ланселот на этот раз исполняет волю умирающего короля и, вернувшись, рассказывает, что когда он швырнул Экскалибур в море, над водой поднялась рука, поймала меч и весь мир озарился ослепительным сиянием. И Артур, выслушав Ланселота, говорит ему, что меч поймала рука Короля, который когда-нибудь придет в этот мир и установит в нем справедливость.

Легко понять, что умирающий Артур говорит о втором пришествии Иисуса Христа и поразительно, насколько детально сцена бросания чудесного меча в море напоминает аналогичную сцену из чеченского предания. И в том, и в другом случае рука, поймавшая брошенный в море меч, принадлежит Иисусу Христу, и оба умирающих персонажа (король Артур и турпал Эли) предсказывают его возвращение в мир для установления справедливости.

Чудесный меч будущего короля земли Иисуса Христа... Суфии дополняют наши знания, указав точное место, где пребывают до сужденного времени Король и Меч – это «страна Каф», или Кавказ. Именно Кавказ делает обиталищем «таинственного Короля суфиев» энциклопедист суфизма Идрис Шах. Величайший суфийский поэт Руми (Персия, XIII век) в «Диване Шамса Табризи» оставил следующие слова о Короле, то есть об Иисусе: *«Я полностью исследовал и Крест, и Христиан. Его не было на кресте. Я побывал в индуистском храме и в древней пагоде, но и там не было следов его. Я дошел до Герата и Кандагара. Я искал. Не было его ни вверху, ни внизу. Решившись, я дошел до горы Каф, но и там я нашел только птицу Анка».*

Укажем, что птица Анка – скрытый символ Иисуса, то есть Слова, сошедшего с «неба» (ан), на «землю» (ка), и оба эти слова опять возвращает нас в чеченский язык, где «ан» и «кха» в значении «неба» и «земли» и по сей день используются в живом общении. Следует также указать на то, что «скрытого Иисуса» суфии называют еще и «Тайным Королем», или «Королем-Рыбой», намекая на его пребывание под водой. Примечательно, что в первые века христианства символом Иисуса Христа был не крест, а рыба. По одной из легенд, записанной летописцем VII столетия Фредегаром, отцом Меровея, основателя Меровингской династии, был какой-то таинственный обитатель моря, в котором можно узнать зашифрованный образ «Короля-Рыбы» или Иисуса Христа. Что касается чудесного меча «Тайного Короля», неотделимого от него самого, то суфии указывают на Кавказ как на место его нахождения, так как и Кавказ, и «Меч Короля» обозначены в восточном мистицизме одинаковым числовым символом 33.

Да, Жеро-Кант поистине полон таинственности. Но окончательная разгадка его тайны – дело будущего.

Люди Волка

«Волко-люди»

Как известно, среди всех представителей животного мира наиболее почтительным отношением у чеченцев пользуется волк. Историк Кавказских войн В.А. Потто еще в XIX столетии писал: *«Кто-то справедливо заметил, что в типе чеченца, в его нравственном облике есть нечто, напоминающее Волка. Лев и Орел изображают силу, те идут на слабого, а Волк идет на более сильного, нежели сам, заменяя в последнем случае все – безграничной дерзостью, отвагою и ловкостью. И раз попадет он в беду безысходную, то умирает уже молча, не выражая ни страха, ни боли, ни стоны»*. Об особом отношении чеченцев к волку писали и другие российские авторы, отмечая, что волк, по всей видимости, являлся у далеких предков чеченцев тотемным животным. Старинная боевая песня чеченцев, ставшая в начале 90-х годов гимном Чеченской Республики, начинается со слов: «Мы родились той ночью, когда щенилась волчица». Некоторые чеченские публицисты текст этой песни ошибочно приписывают писателю Абузару Айдамирову, хотя он в своем романе «Долгие ночи» отмечал, что это – слова из старинной боевой песни чеченцев. Текст этой песни можно найти во многих изданиях чеченского фольклора и эпоса – как на чеченском языке, так и в переводах на русский. В ней упоминаются «кхакпа-элий» («продажные князья»), как объект военного нападения, что позволяет датировать ее появление XVI-XVII столетиями, когда чеченцы изгнали пришлых князей, выполнявших функции судей-арбитров, т.е. совершили то, что в научной литературе принято называть «антифеодальной революцией», «установлением тейповой республики».

«Волчья атрибутика» в фольклоре и эпосе чеченцев далеко не случайна. Она имеет глубочайшие культурно-исторические традиции. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в чеченском языке мы обнаруживаем странное слово «берзлой», которое обычно на другие языки переводят как «волки». Действительно, слово «волк» на чеченском звучит как «борз», а «волки», соответственно, «берзлой». Но здесь появляется одна загадка. Заключается она в том, что нет в природе ни одного другого животного, кроме волка, к названию которого чеченцы добавляли бы ставшее суффиксом древнейшее слово «лой», означающее буквально «люди». Необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство: эпитетом «берзлой» чеченцы обозначают, как правило, людей, бойцов, проявивших высшую воинскую доблесть.

Сам суффикс «лой» довольно часто встречается в чеченском языке в том случае, когда нужно обозначить профессию или какой-нибудь иной человеческий признак. Приведем примеры. «Темлой» по-чеченски означает «воины», а буквально это слово переводится как «люди войны» («тIом» – война, «лой» – люди). Есть в Чечне такие тайпы как БIавлой – «люди башен» («бIав» – «башня»), ТIерлой – «люди с вершины» («тIер» – «с вершины», «сверху»), Арселой – «горные люди» («арц» – «лесистая гора») и т.д. Армян чеченцы называют Эрмлой – «люди (страны) Арм», татар – «ГIезлой» (вероятно, название связано или с хазарами, или с Казанью, на этот счет нет единого мнения). Такие примеры многочисленны.

Загадка же, о которой мы говорим, проявляется в том, что слово «люди» («лой») присутствует в названии представителей животного мира, волков, причем, без этого слова, ставшего со временем суффиксом, название волков во множественном числе не употребляется. По нормам чеченского языка, слово «волки» должно бы звучать «берзаш», однако оно звучит «берз-лой» – буквально как «волко-люди», «волчьи люди». Почему? Ответ на этот вопрос открывает нам очень интересные исторические и этнографические параллели, уводящие в глубину столетий. Дело в том, что кланы профессиональных воинов, называвшихся «волчьиими людьми» существовали у очень многих народов с древнейших

времен. Но в живом языке, в актуальном применении, выражение «волчьи люди» сегодня сохранилось только у чеченцев.

Символ Волка в древних культурах

Вкратце изложим, каким в древних культурах было восприятие образа Волка. В Хеттском царстве (II тыс. до н.э.) Волк играл особую роль, воплощая в себе сакральные качества. Волк и волчья стая считались образцом сплоченности, доблести и мудрости. Кроме того, хетты полагали, что Волки наделены даром предвидения. Так, царь Хаттусили I (XVII век до н.э.) обращаясь к собранию (панкусу), призывает своих воинов «быть единым целым, как волчий род». Воины, носящие волчьи маски, выделялись у хеттов в особую категорию. Обратим внимание на то, что в хеттской клинописи для обозначения этой категории воинов использовались детерминативы BAR.RA-as и LU (LO), имеющие шумерское происхождение. Если перевести клинописные значки в буквенную графику, это сочетание звучит весьма похоже на чеченское «берзлой», тем более, что шумерограмма LU (LO) означает, как и в чеченском, «человек».

О человеке, проявившем незаурядные качества, выделившемся из общей массы людей каким-то выдающимся поступком, хетты говорили: «Он сделался Волком». В Древней Индии в подобных случаях о человеке говорили: «Он есть Волк». Чеченцы в этих формулах сразу же услышат свое: «И кIант цхъа Борз ю!» («Этот парень – настоящий Волк!»). Стоит добавить, что этот лестный для чеченцев эпитет не во всех случаях связан с проявлением воинской доблести, хотя чаще всего, конечно, Волком (Борз) или Волками (Берзлой) у чеченцев называют людей, отличившихся на воинском поприще. Отметим также, что наречение Волком, с употреблением «женского» и «тварного» классного показателя «ю» («йу»), – единственный случай в чеченской традиции, когда это не воспринимается мужчинами как оскорбление достоинства. Во всех остальных случаях по отношению к мужчине необходимо употреблять классный показатель «ву».

Знаменитый Ахиллес – образцовый воин для эллинов, имел, по словам Гомера, «волчье сердце», то есть воспринимался как воин-Волк. В Древней Греции о молодом воине, впервые убившем в бою врага, говорили: «Он стал Волком». Это в точности соответствует древнегерманской традиции, когда о воине, сразившем в бою первого своего врага, говорили: «Он будет отныне называться Волком». Вообще у древних германцев самые доблестные воины назывались «люди-волки», носили плащи из волчьих шкур и у них практиковался даже воинственный «танец Волка», чтобы поднять перед битвой боевой дух у воинов. В Древнем Риме Волк почитался как символ божества войны Марса и считалось, что появление волка перед битвой сулит победу. Отборные римские воины из преторианской гвардии, «лучшие из лучших», носили на шлемах капюшоны, сделанные из волчьих голов, и часто покрывали спину и плечи волчьими шкурами.

Волк как олицетворение воинской доблести обнаруживается повсеместно. Лучшие воины у древних балтов назывались «слугами Волка». У древних славян Волк почитался настолько, что его название было табуировано, и заменялось словом «лют», «лютый». Одно из славянских племен – лютичи – считались «детьми Волка» и отличалось неукротимостью в бою. Одним из самых почитаемых героев древних славян был Волк («Волх») Всеславович, о котором эпос повествует, что при его рождении «подрожала сыра земля, а синее море сколыбалось». Вообще, в древнем мире было много народов и племен, чьи названия означают «волки»: таковы племена Lukani в Италии, Даки на Балканах, Орки во Фригии, Урги – одно из сарматских племен на Кавказе и т.д. Но чтобы не перегружать эту работу историческими подробностями, остановимся пока на этих примерах и поговорим далее о знаменитых викинг-берсерках.

Кавказские корни викингов

У скандинавских народов (северных германцев) олицетворением мудрости и идеальным прототипом воина считался легендарный король Один (Водан) – родоначальник древнейших королевских династий Европы, пришедший со своими сыновьями и другими спутниками на север откуда-то с юга, а точнее – с Кавказа. Одну из хроник, повествующих о кавказском происхождении Одина и вообще викингов (норманнов) составил средневековый германский летописец Саксон Анналист. Множество таких же преданий, позволяющих считать именно Кавказ прародиной викингов, известны, в частности, в Исландии, где, благодаря длительной островной изоляции, в наиболее полном виде сохранилось культурное наследие викингов и их речь (старонорвежский язык).

Американский исследователь Мэнли П. Холл, ссылаясь на эти свидетельства, так пишет о кавказском происхождении Одина: *«Как явствует из северных хроник, Зигге, вождь азиатского племени Aser, в первом веке христианской эры привел племя с Каспийского моря на север Европы. Он прошел от Черного моря в Россию, где оставил в качестве правителя одного из своих сыновей; то же он сделал в Саксонии и Франкии. Затем он двинулся в Данию, которая признала в качестве правителя его пятого сына Скольда, и оттуда в Швецию, где Гильф, отдав почести удивительному страннику, посвятил его в свои Мистерии. Тут Зигге и правил. Столицей империи он сделал Зигтуну, дал новый кодекс законов и основал священные Мистерии. Сам он взял имя Один, основал жреческий клан из 12 Дроттаров, проводивших секретные богослужения, веривших правосудие и как пророки осуществлявших предсказания судьбы».*

Более определенно пишет о кавказском происхождении Одина и викингов всемирно известный норвежский путешественник и историк Тур Хейердал: *«Древнейшая родина предков викингов неизвестна. Разумеется, они в Скандинавии – пришельцы. Большинство ученых полагает, что они пришли туда по суше или приплыли по великим русским рекам откуда-то с Кавказа. В пользу такой версии говорят записанные Снорри в XIII в. исторические предания...».*

Привлекает внимание то, что, судя по древнегерманским преданиям, личность короля Одина тесным образом связана с Волком. Так, Одина в его походах всегда сопровождают два волка, и сам он часто обращается в это хищное животное. Но особенно интересно то, что постоянными спутниками, Одина, его свитой, являются 12 воинов-берсерков, которые носят название «ulf-hedhinn». Это слово в переводе со старонорвежского означает «воин-волк».

Мы уже писали выше, что у многих древних народов, в том числе и у чеченцев, отборные воины назывались Волками, носили «волчьи» атрибуты (маски, капюшоны, плащи из волчьих шкур), так что, совсем неудивительно, что эта традиция была присуща и воинственным викингам. Таким образом, получается, что этот тип воинов, составлявших в легендарные времена почетный эскорт Одина, а в исторические времена составлявших наиболее боеспособную часть варяжских дружин, носят как бы два названия: «берсерки» и «воины-волки» («ulf-hedhinn»).

С трактовкой названия «ulf-hedhinn» нет никаких проблем, так как оно имеет свое четкое объяснение в старонорвежском языке и означает, как уже отмечалось, «воин-волк», а в буквальном переводе – «воин, носящий шкуру волка». Что касается происхождения слова «берсерк», то оно до сих пор туманно и вызывает большие споры среди историков и языковедов-германистов.

Отметим, что вообще-то в оригинальном, первичном звучании это слово произносилось как «börsörk» (с умлаутом), что приблизительно соответствует русскому написанию «бёрсёрк». Так вот, одни лингвисты считают, что это слово означает «медвежья рубашка», другие предпочитают переводить его как «воины-бароны», третьи трактуют его как «воины-медведи». Но тут возникают затруднения. Дело в том, что ни один из исторических источников не упоминает о том, чтобы берсерки когда-нибудь в бою надевали на себя шкуру медведя. Напротив, они всегда и неизменно вступали в бой в волчьих шкурах,

да и само их название «ulf-hedhinn», как уже отмечалось выше, означает буквально «воин, носящий волчью шкуру».

Что касается другой трактовки («воины-бароны»), то и она отвергается большинством ученых-германистов, так как баронов среди викингов никогда не было – этот феодальный титул возник впервые у франков. В Западной Европе его носили крупные землевладельцы-дворяне, феодалы-синьоры, являвшиеся непосредственными вассалами короля. Действительно, трудно представить себе, чтобы берсерки, не знающие в жизни ничего, кроме воинского ремесла, и не обладающие почти никаким имуществом, кроме оружия, могли иметь что-то общее с богатыми феодалами – владельцами замков, земель и крепостных крестьян.

«Берсерки» – это «берзлой»?

При анализе слова «берсерк», наиболее часто встречается такая его разбивка: берс-эрк (börs-örk). Учитывая кавказское происхождение Одина в частности, и викингов вообще, и даже без учета этого происхождения, привлекает внимание схожее звучание этого слова с чеченским словом «берзлой», которое мы разбирали в начале этой статьи. «Берз-лой» («Волко-люди») и «Берс-эрк» («Волко-воины») – как мы видим, начальные компоненты этих слов, означающие «волк», в обоих случаях звучат почти идентично («с» и «з», как известно, являются глухим и звонким вариантами одного и того же звука).

Раз Один переселился в Скандинавию с Кавказа, и раз берсерки являются постоянной воинской свитой, дружиной Одина, мы вполне можем допустить, что и этот термин, смущающий своей загадочностью ученых германистов, пришел к северным германцам с Кавказа. Иными словами, Один ушел на север с Кавказа в сопровождении отборных воинов, «воинов-берзлой», потому что вялый и нерешительный человек едва ли соблазнился бы столь длительным походом с его опасностями и туманными перспективами.

Если тождество между компонентами «берс» и «берз» представляется нам очевидным, то сложнее найти точки соприкосновения между компонентами «эрк» (ork) и «лой». Но сложность эта довольно успешно преодолевается, если вспомнить, что в древнегерманских языках этим словом и его различными вариациями обозначалось войско, воины, а в более общем смысле – «вооруженный народ» (как известно, в древних обществах только воины считались полноценными гражданами). И вообще, словообразовательная основа «er», «(h)er», «ger» лежит в основе большинства индоевропейских обозначений «войска», «воинов», «героев» и т.п. Но не только в индоевропейских. Так, в шумерском словом «eri» называли «войско», «вооруженный народ», у грузин «(h)eri» – «дружина», «войско», у чеченцев «Г'айр» – «отряд наездников», «дружина». Эти примеры можно продолжать очень долго, но итогом их будет вывод о том, что термин «берс-ерк» является точной смысловой калькой «ulf-hedhinn» и обозначает, как и чеченское «берз-лой», буквально «волчья война», «воины-волки».

Известный традиционалист Мирче Элиаде, ссылаясь на скандинавскую «Сагу о Вёльсунгах», повествующую о берсерках Сигмунде и его сыне Синфотли, надевших волчью шкуру и бессильных расстаться с ними, пока не совершат воинских подвигов, отмечает: *«Трансформация в волка – то есть ритуал надевания волчьей шкуры – составляла важнейший момент инициации в мужское тайное общество. Надевая шкуру, иницируемый перенимал поведение волка; другими словами, он становился воином-зверем, непреодолимым и неуязвимым. «Волками» называли членов индоевропейских военных обществ».*

Мы можем добавить, что такие же тайные воинские союзы бытовали когда-то и у чеченцев. Странно, что во всей чеченской научной литературе удалось обнаружить только одну, прошедшую почти незамеченной, статью на эту тему, с описанием методики подготовки этих «сверх-воинов». Написала эту статью Зулай Хасбулатова, еще в начале 80-х годов. Но это – отдельная тема.

Цанары и викинги

Норвежский исследователь Тур Хейердал, ссылаясь на «Сагу об Инглингах» (Ynglinga saga), записанную около 1225 года исландцем Снорри Стурлусоном, отмечал:

«Обнаруживая основательное знание географии, автор предания о происхождении и миграциях первых скандинавских правителей помещает исконную родину этих «полубогов» у восточных берегов Черного моря, на границе Азии и Европы» (Тур Хейердал, «Древний человек и океан», М., 1982 г., стр. 101).

Обратим внимание на два аспекта: 1). Восточные берега Черного моря – это тот самый регион (Колхида), о котором, как о месте древнейшего обитания цанаров и некоторых других нахских племен, о которых мы уже писали в своей статье «Забытая война забытого народа» (см. в данном сборнике); 2). Тур Хейердал уточняет, что в Скандинавию из этой местности переселились «первые скандинавские правители», то есть ограниченное количество людей. А теперь продолжим цитирование:

«На территории Прикавказья, от реки Дон до северо-восточной Турции, говорит сага, жили древние норвежцы, управляемые династией Инглингов. В те времена они подверглись натиску бесчинствующих римских легионов, и бегство было единственным способом уцелеть. Снорри подробно описывает странствие через Европу, переход из Саксланда (Саксония) в Данию, Швецию и Норвегию» (Тур Хейердал, там же).

Здесь Тур Хейердал говорит не только о «первых скандинавских правителях», но и о «древних норвежцах», пришедших на север из региона, расположенного от реки Дона (северная граница региона) до Турции (южная граница региона). То есть, перед нами все та же местность на восточном побережье Черного моря. Но здесь примечательно другое, а именно: упоминание о «натиске бесчинствующих римских легионов» на древних норвежцев (или на племя, из которого вышли «первые скандинавские правители»). В этом контексте примечательны угрозы, которые губернаторе Каппадокии Арриан расточает в адрес нахоязычных цанаров/цанов, живущих в античную эпоху в Колхиде. Флавий Арриан, уроженец вифинского города Никомедии, жил во II в. н.э., при римских императорах Адриане и Антонине. В 131-137 г. он управлял Каппадокией в звании *legatus Augusti pro praetore* и во время этого управления совершил в 134 г. то самое плавание по Черному морю, о котором мы писали в статье «Забытая война забытого народа», и представил отчет императору Адриану. Приведем выдержку из этого отчета:

«Мы проехали мимо следующих народов: с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дрилами, а по моему мнению, это – саны: они до сих пор очень воинственны... и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны. Рядом с ними живут махелоны и ганахи; у них царь Анхиал...».

В упомянутой статье о цанарах мы уже отмечали, что в описываемый период времени Колхида внезапно опустела и приводили свои соображения о том, почему это произошло. В свете приведенных Туром Хейердалом данных, наиболее вероятной причиной миграции нахских племен из Колхиды представляется военное вторжение римлян, то есть то, что в «Саге об Инглингах» описывается как «натиск бесчинствующих римских легионов» на восточное побережье Черного моря, или, говоря другими словами, на Колхиду. Если это так, то именно вторжение римлян могло послужить тому, что цанары и другие нахские племена оказались в районе Дарьяла, а какая-то часть колхидских нахов могла мигрировать дальше на Северный Кавказ и в Предкавказье, где приблизительно на рубеже II и III вв. н.э. уже фиксируется присутствие готов – выходцев из Скандинавии. В этой связи примечательно то, что средневековый армянский историк Вардан Великий (Вардан Аревелци) в своей

«Всеобщей истории» отмечает факт династического родства между правящими домами нахоязычных царей и германоязычных готов (готов). Причем, родство это установилось очень рано, с самого момента переселения царей из Причерноморья в район Дарьяльского прохода. То есть сразу же после предполагаемых карательных акций римлян против воинственных царей/санов.

В тексте «Саги об Инглингах» говорится, что предводитель асов Один вместе со священнослужителями (Дии, или Дроттары), а также «со многими другими людьми» направился от Кавказа в страну, которую скандинавы позже называли Гардарик («страна городов»). Принято считать, что так норманны-викинги именовали Киевскую Русь, но в самой «Саге об Инглингах» вся эта местность от Черного до Балтийского морей названа «Великой (или Холодной) Швецией». Приведем цитату: *«К северу от Черного моря расположена Великая, или Холодная Швеция. Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных Людей. Северная часть Швеции пустынна из-за мороза и холода, как южная часть Страны Черных Людей пустынна из-за солнечного зноя. В Швеции много больших областей. Там много также разных народов и языков».*

Возможно, «Сага об Инглингах» называет пространства от Черного до Балтийского морей «Великой Швецией» по той причине, что приблизительно с конца II в. н.э. Крым и южные области современных России и Украины были заняты германцами-готами, которые, как повествует готский историк VI века Иордан, пришли в Причерноморье из Скандинавии (Швеции). Иордан об этом пишет так: *«С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза».* Отметим примечательный факт: перечисляя названия Кавказа на языках местных народов (к которым он, считая, что Кавказ доходит до Индии, причислял и индусов), Иордан приводит и такое наименование – Ламм. Возможно, этот ороним связан с нахским термином лам («гора»).

В историографии утвердилось мнение, что «остров Скандза» (Скандий), который Иордан называет прародиной готов, – это шведский остров Готланд в Балтийском море и юг Швеции. Видимо, именно поэтому в скандинавских сагах весь этот край от Черного до Балтийского морей, занятый «шведами»-готами, и назывался «Великой Швецией». Там Один оставил правителем одного из своих сыновей, а вместе с остальными двинулся в Саксонию. Далее переселенцы пришли в Данию и некоторые другие европейские страны, а из Дании перебрались уже непосредственно в Швецию и Норвегию. Везде в тех странах, куда доходили переселенцы, один из сыновей Одина (а в «Саге об Инглингах» отмечается, что сыновей у него было «очень много») становился королем. По мнению Тура Хейердала и других ученых, начальным пунктом этого переселения был именно Кавказ. Тур Хейердал пишет: *«Древнейшая родина предков викингов неизвестна. Разумеется, они в Скандинавии – пришельцы. Большинство ученых полагает, что они пришли туда по суше или приплыли по великим русским рекам откуда-то с Кавказа»* (Тур Хейердал, ук. соч., стр. 107).

Снова напомним, что, выявляя прародину викингов, «Сага об Инглингах» ведет речь не обо всем Кавказе, а только о восточном побережье Черного моря. То есть преимущественно о Колхиде, потому что власть Одина распространялась вплоть до территории современной Турции, а именно в этом регионе и находилась историческая Колхида – частично на территории современной Турции, частично на территории современной Грузии. Тур Хейердал отмечает это обстоятельство следующими словами:

«По Снорри, вождя викингов, приведшего свой народ на север из Причерноморья, звали Одином; после его смерти он был возведен викингами в ранг «бога». Владения Одина распространялись вплоть до Турции, пока, как говорит тот же Снорри, римские императоры не стали повсеместно наступать, покоряя все страны. Тогда-то великий

пращур норманнских королей ушел со своим народом на север и заселил сперва Данию, потом Швецию и, наконец, Норвегию» (Там же).

Таким образом, «кавказец» Один (Водан) явился (наряду с Меровеєм, о котором мы писали в предыдущей статье) основателем древнейшей королевской династии Европы. И история Старого Света во многом определялась борьбой этих двух династий, о чем, возможно, в будущем мы напишем более подробную работу. А пока что хочется надеяться, что приведенные в данных заметках сведения послужат еще одним звеном в цепи тех соответствий, что связывают викингов с нашими предками.

Забывтая война забытого народа

Цанары относятся к тем народам, чья роль в истории Кавказа настолько основательно забыта, что о них знает лишь узкий круг ученых-специалистов, занимающихся древними летописями.

О цанарах не упоминают учебники по истории, о них не пишут научные монографии, о них нет ни картин, ни фильмов, ни художественных книг. Весьма короток и перечень статей, в которых в связи с различными историческими событиями на Кавказе упоминаются цанары. Однако их именем полны средневековые и еще более древние хроники греков, римлян, армян, грузин и арабов. Цанары произвели неизгладимое впечатление на своих современников. Арабские и армянские средневековые авторы пытались доказать родство своих народов с цанарами, к их названию добавляли почтительный эпитет «храбрые горцы», к ним обращались за помощью цари и вельможи сопредельных государств.

Этот народ предан забвению, но он не исчез. В Кахетии до сих пор живут их огрузинившиеся потомки – мохевцы. В Ингушетии – клан Мальсаговых и в Чечне – тайп Чантий, – прямые потомки цанаров, одной из самых славных частей вайнахского круга племен и народов.

Зимой 853 года цанары совершили самое великое деяние в своей истории. На южных склонах Большого Кавказа, у горловины Дарьяльского ущелья, они сначала остановили и затем наголову разбили 120 тысячную армию Багдадского халифа, вторгшуюся в Закавказье. Об этой войне, об этой победе и о происхождении цанаров мы и хотим рассказать читателю.

Знаменитый арабский ученый-энциклопедист ал-Масуди в книге «Мурудж аз-захаб» («Золотые истоки»), написанной в 20-30-е годы X века, приводит такие сведения о цанарах: «... между приграничной областью Тбилиси и уже упомянутой крепостью «Аланские ворота» лежит царство Санария (Цанар), царь которого называется корискус (греческое хорэпископос), что является обычным титулом здешних царей... Они христиане. В этой стране они господствуют над многими народами. Санары утверждают, что они те, кого мы называли среди народов в стране Маариб (в Йемене)».

Что это за загадочное царство на карте средневекового Кавказа, чьи границы протянулись от окрестностей Тбилиси до Дарьяльского прохода («Аланские ворота»)? Как историки, столь подробные в своих исследованиях, могли «не заметить» целое царство? Если ответ на второй вопрос целиком лежит в сфере исследовательской этики, искаженной современной политической конъюнктурой, то на первый вопрос можно ответить более или менее подробно. Начнем издалека, от древнейших сведений, обнаруженных нами о цанарах, и с вопросов, связанных с их происхождением.

В средневековой армянской исторической традиции существовало стойкое мнение о том, что цанары являлись потомками халдов-урартийцев. В «Армянской Географии» VII века есть свидетельство о том, что «чанет (цаны-цанары) суть халтик (халды)». Об этом же, но более подробно, писал и армянский автор XII-XIII века Вардан Аревелци, связавший происхождение кахетинских цанаров с теми же халдами-урартийцами. Приведем цитату из его «Всеобщей истории»:

«Точно таким же образом некоторые мужи халдейские, вышедшие из своего отечества, пришли в Гардман (Гардабан) и сказали гардманскому князю – “Уступи нам часть Креста, данного тебе Иракием, а мы примем христианскую веру и станем твоими слугами;” что и исполнилось. Эмир багдадский, узнав об этом, стал грозить им; и они, уstraшенные, удалились к подошве Кавказских гор. При помощи Христа, в которого они уверовали, завладели они всеми (окрестными) областями, так что один из них, по имени Давид,

вступивший в свойство с царем дцоро-гетским, вступил даже на престол. Эти Халдеи назвали свою область Тцанарк' (Цанарк) на том основании, что в ней они узнали первое свое местожительство. И так как они говорили на иверийском языке, то гардманский князь пригласил для них, хорепископа».

Этот текст весьма интересен не только тем, что фиксирует происхождение цанаров от халдов-урартийцев, но также тем, что содержит в себе свидетельство каких-то брачно-родственных уз, связавших цанаров с гетами (готами) – германским народом, обитавшим в ту пору в Крыму и Предкавказье. Весьма загадочным нам представляется сведение о том, что халды-урартийцы, придя в область между Тбилиси и Дарьяльским проходом, узнали в этом крае «первое свое местожительство», то есть прародину. Что касается упоминания о том, что цанары «говорили на иверийском языке», то переводчик текста Вардана дает к нему следующий комментарий:

«“И так как они говорили на иверийском языке, то гардманский князь пригласил для них хорепископа”; – вот это место у нашего автора, которое заключает в себе грамматические неправильности, в следствие чего происходит и неясность смысла. Мы перевели его наугад, стараясь впрочем, по разумению нашему, уловить мысль автора». Следовательно, пассаж об иверском (грузинском) языке цанаров – является гадательным, недостоверным, основанным на грамматических неправильностях, допущенных Варданом или переписчиками его трудов. Приведем также сведения о цанарах, которые дает предшественник Вардана, средневековый армянский историк Товма Арцруни (IX-X вв.):

«Страна, которую занимают Тцанары, называется Тцанак'ом, и находится на севере от Армении на неприступных горных вершинах, где они живут в совершенной безопасности от неприятельских набегов. Они не признают над собою никакой власти; выбирают из среды себя начальника и находятся в самых дружелюбных между собою отношениях». Далее Товма Арцруни изображает беспримерную любовь Цанаров к свободе и описывает, как они отразили нашествие Буги аль-Кабира. Но вернемся к истории халдов (цанар).

После крушения в 590 г. до н.э. Урарту, часть его жителей продвинулась на север, и вскоре основала два новых государства на Кавказе. Оба эти государства носили название «Халдия». Одна из этих Халдий располагалась в районе озера Севан («море Эрета» в древнегрузинских источниках), а вторая – на восточном берегу Черного моря, в исторической Колхиде (по-урартийски Колха или Кулха – урартская клинопись передавала звуки «о» и «у» одним и тем же знаком). Об этих постурартских государствах подробно писали Геродот, Диодор Сицилийский, Гекатей Милетский и Ксенофонт. Последний вместе с корпусом греческих наемников прошел эти места из конца в конец и собрал все увиденное в свою знаменитую книгу «Анабасис» («Восхождение»).

О реальности «севанской» Халдии свидетельствуют не только античные авторы, но и археология. Речь идет о «межевых камнях» царя Арташеса. Крупнейший историк раннесредневековой Армении Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский), живший, согласно традиции, в V – начале VI вв. оставил нам описание того, как царь Арташес (II век до н.э.) приказал обозначить границы Армении пограничными столбами («Межевыми камнями»). На одном из таких камней, найденном археологами на берегу Севана, отчетливо читается название сопредельной страны – Халтик. Это еще одно свидетельство того, что Халдия («Халтик» в армянской транскрипции) располагалась к северу от Армении. Кроме того, эта надпись показывает, что «севанская» Халдия существовала, по крайней мере, еще во II веке до н.э., и что граница между Халдией и Арменией проходила в районе этого озера.

В контексте истории цанаров для нас гораздо важнее вторая, колхидская Халдия. Известно, что эту область (южную часть Колхиды) в начале новой эры продолжали населять племена, являвшиеся этническими потомками старого хуррито-урартского населения, издавна освоившего данный регион и образовавшего еще в конце II тысячелетия до н.э. сильное государство Диаухи, затем распавшееся на целый ряд племенных союзов.

Многие античные авторы, и среди них выдающийся греческий ученый Страбон из Амасии (64 г. до н.э. – 24 г. до н.э.), отмечают, что Южную Колхиду населяли халды (их часто еще называли халибами), моссирики, ганахи и махелоны (называемые иногда макронами). Племенное наименование халдов связано с именем верховного бога урартийцев Халди. Моссирики, по свидетельству греческих авторов Дионисия и Евстафия, получили свое название от слова моссины, что означает «деревянные башни», то есть «моссирики» никто иные как «жители башен». В этнониме ганах отчетливо выделяется широко распространенный в древней Малой Азии префикс «га», в значении «страна», «место обитания». Га-нах, таким образом, «страна нахов». Что касается махелонов, то этим словом (макалон) до сих пор обозначают ингушей осетины. По свидетельству Халида Ошаева, горные чеченцы также называют ингушей «махелонами» («махлой»). Любопытно, что слово «ганах» сохранилось в языке осетин в значении «башня».

Не отягощая эту статью системой сложных доводов и специфических сопоставлений, можно сказать, что халды (халибы), моссирики, ганахи и махелоны были единым этносом, различные племенные подразделения которого носили свои локальные названия (субэтнонимы). Это обстоятельство недвусмысленно отмечает в своей «Географии» Страбон.

Средневековое башенное строительство у вайнахов уходит своими истоками в деревянную башенную архитектуру более древних времен. «Иначе, – отмечает историк и архитектор Аркадий Гольдштейн, – архитектурные формы средневековых сооружений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии просто необъяснимы». Единственным регионом Кавказа и прилегающих областей, где известно строительство деревянных башен, являлась Колхида. Знаменитый римский архитектор Витрувий оставил нам подробное описание процесса строительства и внешнего вида колхидских башен:

«У колхов на Понте (Черное море) благодаря обилию лесов кладут лежа на землю цельные деревья справа и слева и на таком расстоянии друг от друга, какое допускает длина деревьев, а на концы их помещают другие, поперечные, замыкающие внутреннее пространство жилища. Затем скрепляют по четырем сторонам углы положенными друг на друга бревнами, и таким образом выводя бревенчатые стены по отвесу к нижним бревнам, они возводят кверху башни, а промежутки, оставшиеся из-за толщины леса, затыкают щепками и глиной. Так же они делают и крыши; обрубая концы поперечных балок, они перекрещивают их, постепенно суживая, и таким образом с четырех сторон выводят кверху в виде пирамид...».

Археологические изыскания на территории бывшей Колхиды (в частности, раскопки на поселении Симагра) подтвердили реальность описанной Витрувием техники строительства колхидских деревянных башен. Любой, кто видел вайнахские боевые башни, вспомнит стройные силуэты этих изящных сооружений, увенчанные пирамидальными крышами. Вполне возможно, что колхидские деревянные, квадратные в плане башни, покрытые пирамидальными крышами, явились древнейшими прототипами тех башен, что до сих пор высятся в вайнахских горах.

Строительство башен и слово «башни» в племенных названиях – лишь одно звено в цепи тех связей, что объединяют в этнокультурную преемственность древнее население Колхиды и вайнахов. На этот счет имеются и более конкретные данные, часть которых мы изложим ниже.

Еще в начале новой эры в Колхиде существовало совместное царство ганахов и махелонов. Страбон отмечает, что махелоны – это старое название санов. Евстафий говорит об этом более развернуто: «Махелоны – народ понтийский... Их мы называем санами или, вульгарнее цанами... и страну санов называют Цаникой, употребляющие вульгарную форму имени». Таким образом, Евстафий наряду с греческим приводит и местное, «вульгарное» название этого народа – цаны. Мы видим, что махелоны и цаны оказываются одним народом, обозначаемым двумя названиями. Добавим сюда и уже цитированное выше указание «Армянской Географии» о том, что «цаны суть халды». Следовательно, древние и

раннесредневековые авторы свидетельствуют о том, что в начале новой эры цаны (цанары), махелоны (предки западного крыла вайнахов, современных ингушей), ганахи (нахи) и халды (урартийцы) в этой части Кавказа, известном под названием Колхида, входили в единое царство и составляли этническое единство.

Затем, в том же столетии, то есть в начале новой эры, Колхида по каким-то причинам пустеет, большинство населения покидает ее. Сообщение об этом оставил нам Гай Плиний Секунд (23-79 гг. н.э.). Г.А. Меликишвили полагает, что миграция населения Колхиды была вызвана набегами на эту страну «горных племен». Однако эта причина маловероятна. Все античные авторы, начиная с Ксенофонта (430-353 гг. до н.э.), отмечали необычайную воинственность халдов (халибов) и других колхидских племен. Скорее, они сами являлись источником постоянной военной угрозы для соседей. Упомянем, что ганахи прославились еще и как свирепые пираты, грабившие греческие и римские суда не только в водах Черного моря, но и в Средиземноморском море. О воинственности колхидских племен Арриан, губернатор Каппадокии, в «Объезде Эвксинского понта» (Черное море) специально докладывает в имперский Рим:

«Мы проехали мимо следующих народов: с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дрилами, а по моему мнению, это – саны: они до сих пор очень воинственны... и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны. Рядом с ними живут махелоны и ганахи; у них царь Анхиал...».

История умалчивает о том, привели ли римляне в исполнение свою угрозу выгнать непокорных и воинственных цанов (цанаров) из Колхиды, но сама угроза весьма примечательна.

Московский ученый Муравьев С.Н., осуществивший новейший перевод Плиния, в своих примечаниях оставляет без комментариев сообщению древнего автора о «безлюдных областях Колхиды», заметив, что историкам еще предстоит объяснить эти таинственные слова. По нашему мнению, уход населения Колхиды из страны можно объяснить двумя причинами. Или римляне действительно предприняли жесткие карательные акции по отношению к воинственным цанарам, махелонам и ганахам, или их заставило мигрировать какое-то неизвестное нам пока экологическое бедствие. Во всяком случае, тот же Плиний первым среди античных авторов упоминает цанов (цанаров) в районе, прилегающем с юга к Дарьяльскому проходу. Другой античный автор Клавдий Птолемей (2-я половина II в. н.э.) упоминает цанаров (санаров) как племя, живущее за Албанией Кавказской, рядом с тусками (тушинами) и дидурами. На карте мира, составленной во второй половине IV в. н.э. римским географом Касторием, Санария помещена там же, где ее локализуют Плиний и Птолемей.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что уже с первых столетий новой эры цанары, покинув Колхиду, обитали в тех районах, где спустя почти тысячу лет застал их арабский географ ал-Масуди. Но остается невыясненным, почему ал-Масуди, как указывалось выше, связал происхождение цанаров с Йеменом? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется сделать краткий экскурс в область преданий вайнахов о своем происхождении.

Первая легенда, касающаяся этой темы, записана Страбоном. Как сообщает «отец географии», гаргареи (общепризнанные предки вайнахов) совместно с амазонками переселились на центральный Кавказ («Керавнские горы») «из Фемиксиры, что на реке Термедонте». Город Фемиксиры и река Термидонт являлись хорошо известными географическими пунктами античной эпохи и, по свидетельству древних авторов и их средневековых комментаторов, располагались в Южной Колхиде, на земле халдов-халибов, в тех районах Причерноморья, которые ныне находятся в границах Турции. О месторасположении Фемиксир и Термедонта в стране халдов (халибов) мы знаем, в

частности, из «Описания населенной земли» Дионисия и из трудов Евстафия. Как мы видим, гаргарейцы и амазонки мигрировали на Центральный Кавказ из той же страны, что и цаны-цанары, только гораздо раньше, так как ко времени Страбона это переселение успело обрести легендами и производило впечатление глубокой архаичности.

В своде древнегрузинских летописей «Картлис цховреба» («Жизнь Грузии»), составление которого приписывается монаху Леонти Мровели, сообщается, что легендарный первопредок нахских племен Кавкас, седьмой сын прародителя всех коренных кавказских народов Таргамоса, пришел в страну, названную по его имени Кавказом, с юга, «от границ Ассирийской земли». В средневековой грузинской традиции Кавказом назывался не весь регион между двумя морями – Черным и Каспийским, а лишь центральная горная его часть, населенная вайнахскими (нахскими) племенами. О заселении Северного Кавказа предками вайнахов «Картлис цховреба» сообщает следующими словами:

«Земли же к северу от Кавказа не только не были уделом Таргамоса, но не было и жителей к северу от Кавказа. Были безлюдными пространства те от Кавказа до Великой реки (то есть Волги), что впадает в море Дарубандское (Каспийское море). Потому-то и избрал Таргамос из множества героев двух – Лекана и Кавкаса. Дал Лекану земли от моря Дарубандского до реки Ломехи (то есть Терека; грузинская летопись приводит здесь древнее вайнахское название этой реки: ломе-хи – «горная река»), к северу – до Великой реки Хазарети. Кавкасу – от реки Ломехи до рубежей Кавказа на западе».

Таким образом, грузинские летописи свидетельствуют, что леки (дагестанцы) и вайнахи (кавказиане) были первопоселенцами на Северном Кавказе и граница, их разделяющая, пролегла по течению Терека (Ломе-хи).

В домусульманской легенде ингушей повествуется о древнем герое Маго (или Магале), который привел предков западных вайнахов на территорию их исторического обитания из какой-то «далекой южной страны на берегу Черного моря». Магал описывается как хранитель тайных знаний и повелитель ветров. О глубине его почитания свидетельствует древний храм Маго-йерд, сохранившийся в горах Ингушетии до наших дней. Несомненно, название ингушей в устах осетин и горных чеченцев (макалон, махлой) связано с именем Маго и, по сути, означает «люди, народ Маго». Что касается «южной страны на берегу Черного моря», откуда Маго (Магал) привел свой народ, то это, вне всяких сомнений, та самая «страна махелон и ганахов», в которой под именем махелон выступали, как уже отмечалось выше, цаны-цанары, покинувшие Колхиду в начале новой эры и переселившиеся на Центральный Кавказ.

На тот же маршрут переселения указывает и чеченская летопись-тептар, переведенная с арабского и опубликованная в Петербурге в конце XIX-го столетия Н.Семеновым. Предки чеченцев, согласно этой летописи, пришли на Кавказ с юга, из страны, которая мыслилась составителями тептара на месте современной Сирии. Весьма примечательно, что одним из пунктов, через который прошли «предки племени Нахчу», тептар называет «страну Халиб». Иными словами, чеченские летописи не только сохранили это древнейшее наименование Колхиды, но и определенно связывают с этим регионом свою миграцию на север.

Цанары не оставили нам преданий о своем происхождении, но армянская историческая традиция связывала их корни с халдами-халибами («Армянская География», Вардан). Однако ал-Масуди или не был знаком с этой традицией, или проигнорировал ее. Известно, что этот ученый, названный «Геродотом Востока», много путешествовал и, в частности, посетил Кавказ. Так что он вполне мог соприкоснуться с цанарами и услышать от них общевайнахское, по сути, историческое предание о переселении их предков откуда-то с юга. Отметим для себя, что арабы название цанаров всегда произносили со звуком «с» впереди – санары, санарийцы. Поэтому название древней причерноморской страны, откуда пришли на Кавказ предки цанаров, ал-Масуди мог воспринять как «Сана». Именно здесь, на наш взгляд, и кроется объяснение того, что ал-Масуди связал происхождение цанаров со страной Маариб (Йемен).

Дело в том, что ал-Масуди древнюю Сану в Колхиде перепутал с городом Сана – древней столицей Йемена. Его не смутило и то, что современные ему санарийцы (цанары) были христианами. Ведь и жители Йеменской Саны еще в V веке приняли христианство из Эфиопии, что было известно арабскому ученому-энциклопедисту. Все эти факты вкупе с рассказами цанаров о своем южном происхождении и породили ошибочную «йеменскую» версию ал-Масуди, нашедшую отражение в книге «Золотые истоки».

В V-VI столетиях цанары становятся одним из самых могущественных народов Кавказа. Все Закавказье было поделено между Ираном и Византией, и только цанары в числе других горских народов, обитавших на южных склонах Большого Кавказа, сумели сохранить свою независимость. Более того, согласно древнему грузинскому источнику «Мокцевай Картлисай», Иран и Византия, по взаимной договоренности, выплачивали цанарам ежегодное вознаграждение за то, что те охраняли Дарьяльское ущелье и регион Закавказья от вторжений с севера кочевых племен.

В эти и последующие годы цанары устанавливают дипломатические отношения с Персией и Византией, а так же с Хазарией. Приняв из Византии христианство, цанары в политическом и культурном отношении особенно тесно были связаны с греками и грузинами. Воздвигнув в своей стране мощные крепости, такие как Газави, Орчоби, Нахчеван, Ариши, Гардабан и другие (Гардабан являлся столицей Цанарети, и именно поэтому цанаров в старинных закавказских текстах часто называют еще и гардабанцами), цанары успешно отражали нападения как с севера, так и с юга. И доказательство тому – война цанаров против армии Буги аль-Кабира, о которой мы упомянули в начале этой статьи. Отметим, что Буга, прозванный «аль-Кабира», то есть «Великий», происходил от среднеазиатских тюрков, был вначале рабом, потом стал телохранителем халифа и дослужился до полководца.

В IX столетии Багдадский халифат переживал политический кризис. Двадцать лет (с 817 по 837 гг.) продолжалось восстание закавказских маздакитов под предводительством Бабека. Непрерывные восстания происходят в Армении и Грузии. В 852 году армянские горцы, жившие на склонах Сасуна (Сасана), убили наместника халифа в Армении. В том же году от халифата отложился тбилисский эмир Исхак бен Исмаил, провозгласивший независимость управляемой им области. Чтобы наказать мятежников, халиф Джафар ал-Мутаваккиль (847-861) отправил в Закавказье громадную по тем временам армию в 120 тысяч человек во главе с Бугой аль-Кабира. Армянские исторические тексты говорят, что численность этой армии доходила до 150 тысяч. Вот как передает ход этой войны «Летопись Картли»:

«Пришел тогда из Багдада турок Буга, холоп Амир-Мумна («повелитель мусульман», халиф), приславшего его во главе большой армии. Сокрушил он всю Армению и увел в полон всех ее мтаваров и (затем) пришел сюда и осадил город Тбилиси, ибо не повиновался ему эмир Саак (Исхак Бен Исмаил). Убил Саака, сокрушил Тбилиси, предал огню и разорил все окрестности его.

Но царь абхазов Феодосий выступил против него и стал в Кверцхоби. Поведав об этом, Буга выставил против (Феодосия) спасалара своего Зирака и Баграта, сына Ашота куропалата. Схватились и обратили абхазов вспять, погибло множество людей. Царь Феодосий бежал по Двалетской дороге.

Перед бежавшими вновь неожиданно предстали гардабанцы (цанары) в Джварис-Гверди и премного навредили отступавшему воинству. Как только Буга узнал об этом, всем своим станом двинулся и прибыл в Чарталети, расположился здесь, взял у горцев заложников триста человек, пытался вторгнуться в Овсети и дошел до Цховата».

Далее повествуется о том, как цанары, которые, очевидно, были союзниками эмира Тбилиси Исхака бен Исмаила, «принесли в жертву заложников своих», выступили против Буги аль-Кабира и нанесли ему сокрушительное поражение. Как отмечает летопись, «Бог шел им в помощь, ибо когда сразились, начался снегопад. Одарил Господь их мощью, и

погибло бесчисленное множество воинов сарацинских». Судя по некоторым данным, цанары в этой битве потеряли 16 тысяч воинов.

Следует отметить один важный момент. По свидетельству средневекового арабского историка ал-Йакуби, видя неизбежность столкновения с войсками Буги аль-Кабира, цанары заблаговременно обратились за помощью к государям трех стран: «сахибу ар-Рума» (Византия) «сахибу ал-хазар» (Хазарский каганат) и «сахибу ас-сакалиба» (Киевская Русь). Как отмечал историк А.П.Новосельцев, помощи из этих стран цанары так и не дождались.

Победа цанаров над этой огромной армией могла показаться чудом в глазах современников, однако, достоверность ее подтверждается, наряду с грузинскими источниками, также сочинениями армянских и арабских авторов. Так, ал-Йакуби с меланхолической краткостью написал об этом событии: «Буга двинулся против санарийцев, сражался с ними, но они разбили его и обратили в бегство». Этот же факт констатирует армянский историк IX-X вв. Товма Арцруни. О победе цанаров над Бугой аль-Кабира пишет в своей «Всемирной истории» («Тарих ал-Камил») также и прославленный арабо-курдский историк Ибн аль-Асир (1169-1232 гг.).

Итальянская тень шейха Мансура

1

В 1782 году в немецком городе Вильгельмсбадене прошел Всемирный конгресс иллюминатов, на котором были приняты два важнейших решения. Первое из них касалось свержения королевской власти во Франции, с одновременным объявлением войны всем европейским монархиям. Второе решение касалось только России. Эта обширная империя была объявлена «Восьмой масонской провинцией», что означало многое, и прежде всего то, что Россия попадает в сферу непосредственной политической деятельности иллюминатов.

Мы опускаем многие интересные аспекты последовавшей затем иллюминатской «работы» в России, так как в данном случае нас интересует только одна сторона этой многогранной деятельности: та, которая затрагивает непосредственно историю Чечни. Речь пойдет о движении шейха Мансура, а точнее – о некоторых загадочных обстоятельствах, сопровождавших его.

О национально-освободительном движении шейха Мансура написано достаточно много и историографический обзор работ, ему посвященных, охватывает более двух столетий. Читатели, желающие получить полное представление об этом движении, могут обратиться к специальной литературе, а наша задача скромнее – привлечь внимание читателя к нескольким деталям биографии первого лидера Кавказа и национального героя чеченского народа.

Шейх Мансур по числу легенд, созданных вокруг его имени, смело может быть поставлен в один ряд с самыми знаменитыми людьми XVIII столетия. Его деятельность до сих пор служит предметом пристального интереса многих ученых стран Запада и Востока. Во время войны шейха Мансура против России около него постоянно находились какие-то таинственные люди, уроженцы Европы, которые служили при нем то ли советниками, то ли курьерами.

Само движение шейха Мансура, помимо своей масштабности, имеет еще одну особенность, которой, на наш взгляд, почти не уделяется внимание – это был первый, хорошо организованный в военном отношении контрудар народов, ставших объектом колониальной экспансии со стороны европейских держав в Новое время. Затем следует отметить то значение, которое это движение сыграло в международной политике конца XVIII века, причем значение это нашло свое реальное отображение в дипломатических договорах, заключенных ведущими державами того времени.

Все это вместе взятое позволяет относиться к борьбе шейха Мансура против Российской империи как к явлению, которое не помещается в узкие рамки внутрикавказской региональной коллизии, а самому шейху Мансуру придает ореол более значимой исторической фигуры, возвышая его личность над теми штампами, что укоренились в большинстве публикаций о нем.

2

В любой серьезной работе, посвященной национально-освободительному движению шейха Мансура, обязательно всплывает имя Джованни Батиста Боэтти, уроженца итальянского города Монферата. Какой-то период времени эти двое людей – чеченец из селения Алде и итальянец из Монферата – существуют и действуют как бы в параллельных мирах, но затем их личности соприкасаются и общепринятым является мнение, что это один человек. Причем, в чеченской и в большинстве случаев российской историографии принято считать, что шейх Мансур – это чеченец Ушарма, сын Шаабаза из тайпа Элистанжхой, а

итальянец – всего лишь досужая выдумка любителей сенсаций. Однако в Италии и в целом на Западе думают по-иному: там полагают, что под именем шейха Мансура выступал итальянец Джованни Батиста Боэтти, а Ушарма из Алде – «чеченская легенда». В Италии шейх Мансур занесен в энциклопедию знаменитых уроженцев этой страны и, насколько нам известно, в родном городе Боэтти даже создан «музей шейха Мансура». Поскольку мы склонны считать, что реально существовали и чеченец Ушарма, сын Шаабаза, и итальянец Джованни Батиста Боэтти, предлагаем рассмотреть с предельной краткостью биографии обоих этих людей до того момента, когда они слились в единой личности шейха Мансура в Чечне 80-х годов XVIII века.

Джованни Батиста Боэтти (Giovanni Battista Boetti) родился в 1743 году в Монферате, в семье нотариуса. В 15 лет он был отправлен отцом изучать медицину. Наука юноше пришлась не по вкусу и он бежал в Милан, где завербовался в солдаты. Но и военное поприще ему довольно быстро опротивело – через пару месяцев он снова бежит, на этот раз в Богемию. Там с ним происходят разного рода приключения, он общается со многими людьми и, наконец, возвращается в Италию. Прибыв в Рим, Боэтти принимает монашество, вступив в орден доминиканцев.

Этот факт примечателен и говорит о многом. Чтобы оценить его в полной мере, нам необходимо будет коснуться истории появления и характера деятельности ордена доминиканцев. Но вначале завершим экскурс в биографию Боэтти.

Известно, что новообращенный монах увлекался учением Джироламо Сованаролы, который, кстати, тремя столетиями раньше тоже начал свою громкую карьеру обличителя грехов общества и церкви, состоя в ордене доминиканцев. Охваченный миссионерским рвением, Боэтти буквально рвался на Восток. Однако прошли пять лет, прежде чем его направили для миссионерской деятельности в Мосул (современный Ирак). Он прибыл в Венецию, чтобы сесть на корабль, но попал под арест из-за драки. Впрочем, его очень скоро освободили из тюрьмы и он перебрался на остров Кипр, целиком находившийся в то время под юрисдикцией Османской империи.

На Кипре он опять попал в тюрьму, на этот раз по обвинению в оскорблении религиозных чувств мусульман. Однако у Боэтти всегда отыскивались невидимые, но достаточно могущественные покровители, о которых известно лишь то, что они добивались его освобождения из тюрем очень быстро и без лишнего шума. Наконец, доминиканский монах добрался до города Алеппо (Сирия) и нашел приют у монахов-миссионеров ордена францисканцев. По каким-то причинам Боэтти рассорился с францисканцами и, удалившись из их миссии, начал свои странствия по Востоку и для начала посетил Стамбул.

Пожив какое-то время в столице Османской империи, Боэтти направляется в Закавказье, затем на Северный Кавказ и в Дагестан. Путешествует он, разумеется, не в монашеском, а дервишском облачении. Из Дагестана Боэтти направляется через Азербайджан в Персию, а из Персии прибывает в Багдад. В Багдаде Боэтти задерживается на длительное время, которое посвящает изучению суфизма и выучивает наизусть Коран. Занятия эти были прерваны очередным арестом, теперь уже по обвинению в шпионаже. Его заковали в кандалы и отправили в Стамбул. На этот раз один из «ангелов-хранителей» Боэтти проявляет себя: покровителем безвестного бродячего монаха оказывается консул Сардинского королевства, который добивается от турецких властей его освобождения. Выйдя из тюрьмы, Боэтти меняет маскарад дервиша на одеяние армянского купца и через Смирну пробирается обратно в Европу.

3

Совершенно ясно, что Боэтти выполнял на Востоке какую-то секретную миссию, весьма далекую от пропаганды христианства среди мусульман. Его турне по Северному Кавказу и Дагестану, а также вояж в Закавказье весьма напоминают разведку обстановки или, даже

можно сказать, рекогносцировку. Изучение восточных языков и Корана, которое завершилось его арестом в Багдаде по обвинению в шпионаже, представляется совершенно необходимым, если принять во внимание то, что ему предстояло сделать. А его отъезд в Европу выглядит как возвращение с подробным отчетом и своими соображениями к тем, кто послал его на Восток с какой-то важной миссией.

В Европе Бозетти посещает военные заводы и смело заключает с ними контракты на поставки оружия – это можно считать убедительным свидетельством того, что план дальнейших его действий был принят и утвержден. Посещает Бозетти и Петербург, где проводит около 3-х месяцев. Там он добился аудиенции у могущественного фаворита императрицы Екатерины II князя Потемкина и предложил ему план завоевания Константинополя.

Надо полагать, выдвигая князю Потемкину свой проект Бозетти хорошо знал о «завещании Петра I», которое в России до сих пор предпочитают называть «фальшивкой». Это завещание предписывало преемникам первого российского императора добиться уничтожения Турции и установления над ее территорией контроля России, которая, как «третий Рим», позиционировала себя наследницей «второго Рима» – Византии. В то время не было секретом, почему один из внуков Екатерины II был назван Константином – в кругах, близких к императрице, не скрывали, что ему предстоит взойти на трон в Константинополе – столице реанимированной Византийской империи.

Об этом знаменитом завещании современный публицист и политический деятель Егор Холмогоров пишет так: *«Петр мечтал о великой евразийской империи и не случайно в последние годы правления все чаще обращал взор на Восток. Огосударствление Церкви было лишь частью грандиозного имперского плана. Этим планом остались заморожены и все его преемники, смотревшие на азиатские просторы, и особенно на Константинополь, и не жалевшие ничего ради выполнения действительного “Завещания Петра Великого”».*

Потемкин отклонил проект Бозетти, но в самом предложении явственно ощущается стремление втянуть Россию в большую войну на юге, и это стремление исходило от тех сил, что стояли за итальянцем. Что это были за силы, наш источник умалчивает, но какое-то представление о них дают спутники Бозетти, с которыми тот возвращался на Восток – француз Клеоп Гевено, неаполитанец Камилло Рутиглиано и немецкий еврей Самуил Гольденберг. Материальную помощь оказал богатый армянский торговец Тебет-Хабиб. Как мы видим, у Бозетти сложилась интернациональная команда, спаянная какой-то общей целью, и нужно помнить, что организацией, способной сплотить для единой цели людей разных национальностей, в то время могли быть только масоны или иезуиты. Однако именно во второй половине XVIII столетия иезуиты стали относиться к доминиканцам (к которым формально относился и Бозетти) и францисканцам с нескрываемым подозрением, видя в них мятежные, еретические организации и вследствие этого вытесняя их из школ и дворцов. А сразу после Французской революции иезуиты нанесли по этим двум орденам такой удар, от которого они не смогли оправиться и по сей день. Видимо, отцы-иезуиты узнали кое-что о подрывной деятельности доминиканцев и францисканцев, или проводили об их связях с тайными обществами... В любом случае, иезуиты должны были прежде всего охранять интересы католической церкви и европейских монархий, и раз они проявили острую враждебность к этим двум орденам, то напрашивается естественный вывод, что последние какими-то действиями скомпрометировали себя нападками именно на те институты, на страже которых стояли иезуиты.

Это не должно нас удивлять. На примере тамплиеров и «Общества святой Евхаристии» (масонов) известно, что тайные общества, создаваемые для подрыва христианства, очень часто действовали под личиной христианских организаций. Ватикан и его ударный отряд – иезуиты, почти всегда оказывались обманутыми внешними вывесками (как в случае с «Модернистским католическим движением») и наносили свои, все более слабеющие, удары

лишь тогда, когда уже бывало поздно предотвратить заговоры, которыми обильно заполнено XVIII столетие.

Исследователь суфизма Идрис Шах превращает в уверенность наши подозрения о связях доминиканцев и францисканцев с масонами. Он утверждает, что восточные мистические организации крайнего толка стояли над самой колыбелью доминиканского и францисканского монашеских орденов, придавая их деятельности такие направления, которые всегда вызывали тревогу и подозрения у отцов-иезуитов. Связи эти, зародившиеся в самом начале появления этих орденов, уже никогда не прерывались, как отмечает энциклопедист восточного мистицизма. Но тот же Идрис Шах уверяет своих читателей еще и в том, что крайний мистицизм исмаилитско-шиитского толка стал «восточным отцом масонства», объединив, таким образом, в некое духовное и организационное единство доминиканцев, францисканцев и масонов. Именно поэтому католическая церковь в конце XVIII века обрушила преследования не только на масонов, но и на эти монашеские организации, чье сотрудничество с «вольными каменщиками» уже перестало быть для нее секретом.

4

Теперь кое-что проясняется. Бозэtti в своих странствиях по Востоку не расстается с балахоном дервиша, а на Западе он масон, прикрытый не внушающей особого доверия сутаной доминиканца. Проясняется и цель его странствий – разведать возможность втянуть Россию в крупную военную кампанию на юге, чтобы Екатерина II и ее советникам стало не до вмешательства в европейские дела. План свержения королевской власти во Франции был, как отмечалось выше, окончательно утвержден в 1782 году на конгрессе иллюминатов в Вильгельмсбадене. Но собиралась ли Екатерина II выступить на стороне Людовика XVI, если тому будет угрожать реальная опасность? Однозначно, да. Многочисленные исторические данные зафиксировали ее намерение раздавить революцию во Франции посредством военной интервенции.

Когда в 1997 году готовилась первая публикация этой статьи, нам так и не удалось обнаружить текст договора между Екатериной II и Людовиком XVI, в соответствии с которым российская императрица собиралась вторгнуться в охваченную революцией Францию. День ото дня росла уверенность в том, что такой договор должен был существовать, однако найти его не удавалось, сколько мы не искали его в специальной литературе по политической и дипломатической истории Европы второй половины XVIII века. А между тем, такой договор был вполне логичен, учитывая естественную ненависть монархов к революциям, а также то, что конгресс революционеров-иллюминатов в Вильгельмсбадене именно Францию и Россию определил в качестве главных мишеней социальных переустройств.

Орден иллюминатов стал источником серьезной тревоги для всех правительств Европы и объектом их пристального внимания после того, как некоторые ее документы стали доступны общественности. Произошло это по случайности, из-за гибели от удара молнией курьера, везшего секретные документы иллюминатов из Баварии в Париж. Более основательное разоблачение планов иллюминатов произвел барон фон Книгге, который рассорился с главой иллюминатов Адамом Вейсгауптом и покинул со своими сторонниками орден в 1784 году. Барон фон Книгге опубликовал целый ряд памфлетов, в которых разоблачал тайные планы иллюминатов по свержению монархий в Европе и уничтожению церкви, после чего орден был объявлен вне закона и светскими властями, и папой римским. Разумеется, французское правительство поделилось с правительством Екатерины II планами иллюминатов, угрожающими не только французской, но и российской монархии, после чего заключение договора о совместном противостоянии этой угрозе было самым естественным решением для обеих сторон.

Но это были всего лишь теоретические допущения, основанные на логике и на последующих действиях российского правительства (коалиции против революционной Франции, Итальянский поход графа Суворова и т.д.), но сам договор найти никак не удавалось. Наконец, в наши руки попала книга А.Бушкова «Екатерина II» (М., 2009), в которой обнаружили следующие сведения: *«В революционный Париж приехал личный курьер Потемкина, нагруженный большой сумой денег. Он охотно объяснял всем и каждому, что по поручению светлейшего должен раздобыть в Париже бальные туфельки для Екатерины Долгорукой... На самом деле деньги предназначались чиновнику французского министерства иностранных дел, который за хорошую плату изъяснял из архивов и передал посланцу Потемкина кучу важнейших документов о переговорах насчет союза меж королем Людовиком XVI и Екатериной: в Петербурге не хотели, чтобы столь серьезные материалы попали в руки к новым революционным властям...»*.

Между тем, союз этот, судя по всему, не являлся секретом для иллиминатов, имевших при дворе в Петербурге, как и в окружении французского короля, множество агентов. В число последних во Франции входил даже первый принц крови Филипп, герцог Орлеанский («Филипп Равенство»). И именно союзом между французским королем и российской императрицей объясняются, по нашему мнению, усилия секретных миссий, в том числе и миссии Джованни Батиста Ботти, по вовлечению России в какую-нибудь крупную войну на стороне, чтобы ей стало не до вмешательства в подготовленные уже к осуществлению революционные события во Франции.

5

О том, увенчались ли эти миссии успехом, мы скажем ниже, но факт заключается в том, что к началу революции во Франции (14 июля 1789 года) Россия уже 4 года (с 6 июля 1785 года) вела ожесточенную полномасштабную войну с кавказскими горцами, охватившую весь регион от Каспийского до Черного моря. Одновременно с этим Россия вела войну и с Османской империей. Следует сказать, что единственный раз за всю историю Османской империи султан попытался помочь кавказцам в их освободительной войне против России, прислав экспедиционный корпус во главе с Батал-паши (по некоторым данным, он был этническим чеченцем). Корпус Батал-паши был разгромлен в конце сентября 1790 года на берегу Кубани, в том самом месте, где ныне располагается город Черкесск (бывшая станица Баталпашинская). Шейх Мансур 22 июня 1791 года был ранен при попытке взорвать пороховой погреб в осажденной русскими турецкой крепости Анапе и в бессознательном состоянии попал в плен. Он закончил свои дни 13 апреля 1794 года, будучи узником Шлиссельбургской крепости. Однако победа России над коалицией кавказских народов и Турцией была призрачной, потому что Ясский мирный договор от 29 декабря 1791 года хоть и оставлял в силе прежние договоренности об аннексии Россией Крыма и Тамани, но признавал независимость Кавказа, граница с которым проходила по реке Кубань. Таким образом, шейх Мансур своей самоотверженной борьбой добился того, что Российская империя признала независимость Кавказа.

Чеченские историки и те из читателей, которые интересуются нашей историей, хорошо знают, с каким упорством царские и затем советские ученые пытались обвинить шейха Мансура, имама Шамиля и других лидеров национально-освободительного движения на Северном Кавказе в «связях с Турцией». Местные кавказские ученые с таким же упорством пытались отместить эти обвинения, как будто в связях с Турцией было что-то порочащее наших предков. Многие наши «ученые-патриоты» предпочитают видеть в чеченцах XVIII и XIX столетий людей с ограниченным кругозором, не знавших, что происходило за околицами их селений, лишь бы их не обвинили в поиске союзников против колониальной экспансии Российской империи. Во времена Сталина, как известно, на самом высоком уровне была принята установка считать шейха Мансура и имама Шамиля «англо-турецкими

шпионами», и такая оскорбительная для национального самосознания формулировка, конечно, побуждает в наших историках желание оспаривать ее. Разумеется, ни шейх Мансур, ни имам Шамиль не были ничьими «шпионами», а являются великими сынами Кавказа. Но это не означает, что они не искали союзников в своей неравной борьбе против Российской рабовладельческой империи. Шейху Мансуру удалось обрести такого союзника в лице Османской империи, а имаму Шамилю этого не удалось добиться, потому что по Адрианопольскому мирному договору, подписанному Россией и Турцией 2 сентября 1829 года, Турция признала Кавказ частью России. И поэтому в XIX веке, в отличие от века предыдущего, кавказцам пришлось воевать против наступающей империи без внешней поддержки.

Турецкий султан был не только царем турок, но и халифом всех мусульман-суннитов, в том числе чеченцев и дагестанцев. Поэтому искать помощи у своего халифа, надеяться на нее и требовать ее было самым естественным проявлением религиозного сознания кавказских горцев-мусульман. Вследствие этого не просто трудно, а попросту невозможно представить себе, чтобы кавказские мусульмане-сунниты не поддерживали связей с Турцией и не ожидали от нее действенной помощи. Снова отметим, что шейху Мансуру удалось получить такую помощь, а имаму Шамилю – нет. Именно этим объясняются два взаимосвязанных факта из политической биографии имама Шамиля: то, что последний называл турецкого султана «вероотступником и предателем», и то, что имамат Шамиля стал вторым (после Саудовского королевства) независимым от Османской империи мусульманским государством, основанным на тех же социально-политических идеях Ибн Таймийи, что и королевство Саудитов. Но это – уже другая история.

6

Вернемся к похождениям Джованни Батиста Боэтти. Описывая биографию этого человека, мы пользуемся, преимущественно, работой российского военного историка В.А. Потто, который, в свою очередь, пользовался при этом статьей «Авантюрист XVIII века», опубликованной автором, обозначившим себя буквой «М», в VII, июльском номере журнала «Русская мысль», изданного в 1884 году в Петербурге. Между тем, автор «Авантюриста» лишь переложил на русский язык изыскания итальянского и французского журналистов Анкона и Ганьера в туринском государственном архиве, где сохранились письма и документы Боэтти, подписанные им мусульманским именем «Мансур». Часть собственноручных писем Боэтти (Мансура) хранилась в конце XIX века у его внука в Монферате.

Из этих документов и писем видно, что Боэтти со своими спутниками прибыл в Турецкий Курдистан и попытался поднять там восстание под религиозными лозунгами. Эта попытка кончилась неудачей. Курды были разбиты турецкими войсками. И после этого, по словам нашего источника, Боэтти прибывает в Чечню, и с этого момента его личность как бы сливается с личностью чеченца Ушарма из селения Алде.

По данным из турецких архивов, извлеченным и опубликованным в 1964 году французским исследователем А.Беннигсеном, на момент начала военных действий против России Ушарме было всего 15-16 лет. Однако по другим, более достоверным российским источникам того времени, Ушарма начал свою деятельность в 26 лет, но впервые шейхом (суфийский термин «учитель») его стали называть еще в 1783 году, за два года до начала военных действий, что свидетельствует о длительном подготовительном периоде, предшествовавшем публичным проповедям, которые Ушарма начал в 1785 году. Следует отметить, что шейх Мансур в своих письмах и обращениях неоднократно называл себя «пастухом». Так, к примеру, в своей прокламации к жителям ингушского селения Ангушт, составленной на арабском языке и сохранившейся в чрезвычайно корявом переводе на русский, Ушарма пишет: *«Будучи я, то есть имам Мансур, пастухом...»*. Видимо, из-за

этого в современных жизнеописаниях шейха Мансура нередко встречаются утверждения о том, что он до своей религиозно-политической деятельности был «сельским пастухом». Однако термин «пастух» имеет совершенно определенный суфийский смысл. Как отмечает специалист по суфизму, *«ни один человек не может быть суфийским учителем, если он не прошел через целый ряд важных переживаний. Человек, обладающий таким опытом, полностью изменился, и обычным человеком он продолжает оставаться только внешне. Теперь у него другие функции – он стал “пастухом”»*. Таким образом, используя в своей прокламации в отношении себя термин «пастух», Ушарма подчеркивал свое право быть шейхом (наставником, духовным лидером) мусульман.

7

О религиозном и светском образовании шейха Мансура источники говорят по-разному, и если остановиться на этом аспекте его биографии, перед нами, даже без учета других данных, проступают как бы две личности, совершенно друг на друга не похожие. К примеру, русские документы («Кизлярский комендантский архив») свидетельствуют, что шейх Мансур «кроме чеченского языка никаким говорить не умеет». Как свидетельствуют современники имама Шамиля, в частности полковник А. Руновский, служивший приставом при пленном имаме, последний живо интересовался судьбой и деяниями шейха Мансура. Для имама Шамиля, как пишет А. Руновский, шейх Мансур был «непререкаемым авторитетом как в делах религиозных (нравственных), так и в политических (военных)». Имам Шамиль опрашивал людей, лично знавших шейха Мансура, и с их слов говорил Руновскому, что он (шейх Мансур) не знал ни письменной грамоты, ни иных языков кроме чеченского, но при этом обладал редким даром красноречия, завораживающим людей, был очень красив и мужествен лицом и высок ростом. Неграмотность шейха Мансура неоднократно отмечалась и на судилище, устроенном над ним российскими властями после пленения, о чем имеются соответствующие архивные документы.

Но есть и обратные свидетельства. Так, в Ватиканском архиве был обнаружен небольшой документ, представляющий собой реляцию на русском и французском языках, без подписи ее составителя. В 1900 году этот документ был опубликован П. Прокоповичем в журнале «Русский архив» (М., 1900, кн.2, №5-8, стр. 349). Основываясь на содержании реляции, П. Прокопович предположил, что она составлена в первой половине 1786 года. В ней отмечается, что русские войска ведут неудачную для них войну с *«имамом Мансуром, татарским вождем, авантюристом великого ума и мужества. Он распространил слух, что он из рода Игамас Келикан. Недавно в Ливорно он принял христианство. Он много путешествовал по Европе, Африке и Азии. Он хорошо говорит по-татарски, арабски, новогречески, французски и итальянски, он пользуется суеверием для того, чтобы лучше удерживать под своим знаменем народы, над которыми он властвует. Турки его поддерживают оружием, амуницией и провиантом...»*.

Это сведение заслуживает несколько замечаний. Во-первых, он показывает, что документальное свидетельство о тесных связях шейха Мансура с Европой появилось впервые не в конце XIX века с подачи итальянского журналиста Анкона (1881 год) и его французского коллеги Ганьера (1884 год), как пишут современные историки, а столетием раньше, еще при жизни шейха Мансура – в 1786 году. И это очень важное обстоятельство, которое выбивает опору из-под утверждений, что Бозетти – «досужая выдумка» Анкона и Ганьера. Во-вторых, этот серьезный архивный документ показывает, что шейх Мансур владел множеством восточных и западных языков, то есть был весьма образованным для своего времени человеком. Иными словами, в Ватиканском документе речь идет о человеке, имеющем в смысле образованности мало общего с Ушармой, который по признанию современников и по его собственному свидетельству был неграмотен. Что касается утверждения, что шейх Мансур, якобы, принял в Ливорно христианство, то и это

объясняется очень легко, если вспомнить, что в Европе Боэтти, называющий себя Мансуром, появлялся в виде монаха-доминиканца. И, наконец, под «татарами» в реляции следует видеть кавказских мусульман, так как в России в те времена (и гораздо позже – вплоть до начала XX века) этим названием обозначали в том числе и чеченцев (например, в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», работу над которой он завершил в 1904 году).

Затем следует упомянуть немецкого историка Ц.В. Цинкайзена, который в 1859 году, то есть за два с лишним десятилетия до названных выше журналистов – итальянца и француза, выпустил работу, в которой в общих чертах повторяет сведения, изложенные в Ватиканском документе. Но при этом ясно, что он пользовался в качестве источника не этим документом, так как Ц.В. Цинкайзен дает более подробные сведения, включая количество войск шейха Мансура и противостоявших ему русских. Здесь в лице шейха Мансура перед нами снова предстает широко образованный человек, имеющий родственные связи и недвижимость в Европе. Таким образом, перед нами снова возникает личность, разительно отличающаяся от реального – чеченского – шейха Мансура.

Чеченский историк Ш.Б. Ахмадов, написавший наиболее полное исследование о жизни и деятельности шейха Мансура, не считает сведения о Джованни Батиста Боэтти заслуживающими сколько-нибудь серьезного внимания. Парадоксально, но именно в его работе мы обнаружили ряд фактов, свидетельствующих, что рядом с шейхом Мансуром, то есть чеченцем Ушармой из селения Алде, находился еще один человек – личность чрезвычайно скрытная, даже таинственная. Эта таинственная личность, по нашему мнению, и есть Боэтти, который выполнял при шейхе Мансуре широкий диапазон обязанностей – советника, переводчика, секретаря, дипломата, курьера.

Ш.Б. Ахмадов приводит в своей книге сведения о том, что под домом шейха Мансура была вырыта «весьма крепкая» землянка, то есть подвал, и супруга его регулярно носила туда еду и питье, причем, сам дом и подвал тщательно охранялись наиболее верными ему людьми, перекрывавшими вход туда всем посторонним. Некоторые чеченские исследователи считают, что шейх Мансур проводил в подвале суфийский обряд уединения и поста «халбат». Но, учитывая, что такого рода обряды проводились в ямах, вырытых во дворе, чтобы святость и выдержка испытуемого были доступны проверке, подвал под домом шейха Мансура с такой же вероятностью мог оказаться также и укромным жильем для гостя, которого по каким-то причинам он не желал демонстрировать односельчанам и приезжим. Кроме того, о каком многодневном посте можно говорить, если в цитируемом Ахмадовым документе упоминается о том, что жена шейха Мансура носила в этот подвал еду!

Когда в Алде приезжали чужеземные гости, встречать их шейх Мансур выходил в весьма странном одеянии и почему-то с замотанным лицом, причем, легко общался с ними на арабском или тюркском языках. Был ли это Ушарма? Если да, то как быть с надежными свидетельствами, в том числе и его собственным, что он не знал иных языков кроме чеченского? И для чего он скрывал от людей свое лицо? Напрашивается вывод, что встречать гостей, часто не владеющих чеченским языком, выходил, замотав лицо, Боэтти, знавший множество языков, в том числе, как свидетельствует Ватиканский документ, «татарский и арабский». Упомянем также еще об одном обстоятельстве: в архивах сохранился донос, написанный какими-то «старейшинами» из Алде русским военным властям. В этом доносе шейх Мансур описывается как совершенно посторонний, незнакомый алдинцам человек, поразивший их своим необычным одеянием: *«В деревне оказался какой-то человек, оделся в разноцветное платье такое, что на свете никогда не видели»*. Понятно, что в отношении своего односельчанина, знакомого им с детства, старейшины Алде никогда бы не употребили выражение «какой-то человек», а назвали бы его по имени – Ушарма, сын Шаабаза. Совершенно очевидно, что в этом доносе под «шейхом Мансуром» подразумевается какой-то пришелец.

Словом, есть немало оснований считать, что рядом с шейхом Мансуром находилась еще какая-то таинственная личность – человек, прибывший в Чечню из Турции и считающий

нужным скрываться. Примечательно, что для российских военных властей на Кавказе не осталось секретом, что рядом с чеченцем шейхом Мансуром пребывает еще какой-то человек, которого они считали «турецким шпионом». Так, в своем письме кумыкским князьям кизлярский комендант Вешняков прямо пишет, что *«именующийся имамом (то есть шейх Мансур. – Авт.) есть никто иной, как только подставной плут, а управляющий им и приводящий людей в смутность, вкравшийся единственно со стороны турецкий шпион, который как видно нарочно для сего возмущения подослан...»*.

Оставим на совести Вешнякова корявый язык письма и слово «плут» – для нас в данном случае важно то, что российские власти знали, что рядом с шейхом Мансуром находился человек, имеющий на него немалое влияние. Что касается национальности этого человека, то прибывшего из Турции итальянца, прекрасно владеющего турецким, арабским и многими иными языками и хорошо знающего Коран, легко было спутать с турком.

Интересно также свидетельство современника шейха Мансура, известного дагестанского ученого-алима и поэта Абубекера Аймакинского, которое приводит в своей книге «Шейх Мансур» французский исследователь Александр Беннигсен. Абубекер Аймакинский выступил с злобными нападка на шейха Мансура, обвинив его в безграмотности и незнании «ни арабского, ни русского языков», но при этом называет его «чужеземцем». О шейхе Мансуре писал и другой дагестанский ученый-историк и мусульманский правовед XIX века Гасан-Эфенди Алкадари (1834-1910 гг.), который имел в своем распоряжении многие письма, обращения и записи, сделанные непосредственно первым имамом Кавказа. Гасан-Эфенди Алкадари в своей известной книге «Асари Дагестан» тоже называет шейха Мансура чужеземцем, пришельцем из Турции, но, в отличие от Абубекера Аймакинского, называет первого имама Кавказа «человеком весьма выдающейся ученности» и даже приводит отрывок найденного им в старых книгах стихотворения шейха Мансура:

*«Пришел, мусульмане, к нам свет этим летом.
Не стройте иллюзий о мире вы этом.
Ведь тысячу сто девяносто девятом
Имамом открыто явился Мансур.
Пришел к правоверным здесь всем он на радость,
Его отвергающим будет он в тягость.
Проявит суда он загробного святость,
Имамом открыто явился Мансур».*

Отметим, что 1199 год хиджры, называемый в стихотворении годом появления имама Мансура – это 1785 год христианского летоисчисления. Если вдуматься в этот текст, то трудно предположить, чтобы шейх Мансур писал о себе в третьем лице и сравнивал себя со светом, озарившим мир. Возможно, этот стих написан кем-то из окружения шейха Мансура и почему бы не предположить, что его автором являлся Джованни Батиста Боэтти? О том, что шейх Мансур пришел на Кавказ из Турции, Гасан-Эфенди Алкадари пишет и в своей непереведенной на русский язык книге «Диван ал Мамнун».

Как мы видим, для прошлых и современных исследователей биографии шейха Мансура наиболее спорными остаются два вопроса: его грамотность и его происхождение, причем, ответы на эти вопросы даются самые противоположные. С одной стороны, шейх Мансур предстает перед нами неграмотным и не знающим иностранных языков чеченцем из селения Алде, а с другой стороны, шейх Мансур рисуется широко образованным и знающим многие языки пришельцем. Примирить эти противоречия невозможно, если не допустить, что у шейха Мансура была «итальянская тень» – Джованни Батиста Боэтти.

Если наша версия верна, и Джованни Батиста Боэтти действительно находился рядом с шейхом Мансуром и выполнял важную миссию, о которой мы говорили выше, то появляется дополнительный вопрос: а удалось ли ему выполнить эту миссию? Российско-кавказскую войну 1785-1791 гг. инициировал, конечно, не Боэтти, – ее начали чеченцы во главе со своим военным и духовным лидером шейхом Мансуром, чтобы добиться освобождения Чечни и всего Кавказа от российских завоевателей. В изданной в 1797 г. книге «Всеобщее историческое и топографическое описание Кавказа» немецкий путешественник и ученый доктор Яков Рейнегтс приводит данные, что в армии шейха Мансура состояло 40 тысяч чеченцев и несколько тысяч дагестанцев.

О размахе этого движения свидетельствует также приводимый историком Х.А. Хизриевым («К вопросу о военной тактике и стратегии Мансура») архивный документ, в соответствии с которым шейх Мансур заказал в Кабарде 30 тысяч седел, а также заказал у чеченских и дагестанских оружейников большое количество холодного и огнестрельного оружия. Легко представить себе, какие это были финансовые затраты. Примечателен также и тот факт, что именно шейх Мансур впервые в истории кавказских народов организовал регулярное войско с разбивкой по европейскому образцу на отдельные роты, батальоны, полки. Он также организовал интендантскую службу и склады с запасами амуниции, оружия, боеприпасов и продовольствия. Возможно, все эти финансовые затраты и военные реформы были проведены не без участия Османской империи и специалистов, которых привлек Боэтти. Однако это участие не стоит и преувеличивать: каждый чеченец боеспособного возраста имел в ту эпоху все необходимое для войны вооружение и боевого коня. То же самое можно сказать и о других горских народах Кавказа, которые воспитывались с сознанием, что между понятиями «мужчина» и «воин» не должно быть различий.

Иными словами, Боэтти мог только воспользоваться сложившейся на Северном Кавказе военно-политической ситуацией и, опираясь на возможности организации, чьи интересы он защищал, попытаться придать идущей войне еще больший размах и организованность. А это нужно было для того, чтобы задуманная иллюминатами революция во Франции прошла без помех со стороны Петербурга. На наш взгляд, этой цели ему в немалой степени удалось достичь, так как прямым следствием движения шейха Мансура явилась разразившаяся в 1787-1791 гг. война между Россией и Турцией. Война эта закончилась признанием Россией суверенитета кавказских народов, а тем временем Французская революция также была победно завершена. В «Истории дипломатии» (М., 1959 г, т. I, стр. 419) прямо отмечается, что послать войска для подавления Французской революции Екатерине II помешало, прежде всего, война с Турцией, начавшаяся из-за столкновения интересов обеих держав на Кавказе. Иными словами, именно движение шейха Мансура, вызвавшее военное столкновение двух евразийских империй, помешало Екатерине потопить в крови «гидру» французской революции.

9

Необходимо сказать, что движение шейха Мансура сыграло выдающуюся роль не только в судьбах Европы, но и, конечно, в первую очередь в истории Чечни. По сути, чеченцы, сопротивляясь в XIX веке колониальным притязаниям России, считали, что продолжают великую освободительную войну шейха Мансура. Так, в 1800 году, пытаясь объяснить активизацию военного сопротивления чеченцев в этот период, генерал-лейтенант российской армии Карл Кнорринг отмечал: «Чеченцы ведут себя дерзко. Тому причиною есть питаемая ими гордость за смелые действия под предводительством известного Ших-Имам-Мансура, их соотчича».

Хотелось бы привести также один малоизвестный и загадочный факт, имеющий прямое отношение к шейху Мансуру и ждущий своего расследования. Его приводит Т.Х. Муталиев в

сборнике научных статей «Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века» (Грозный, 1992 г.). Т.Х. Муталиев пишет:

«...считаем возможным обратить внимание исследователей на публикацию Нарта под названием “Очерки из жизни Мансура, первого имама кавказских горцев”, увидевшую свет в 1925 г. в Праге в сдвоенном № 2-3 журнала “Кавказский горец”. Данная публикация интересна в силу следующих обстоятельств: во-первых, сам журнал, являвшийся изданием ЦК Союза горцев Кавказа в Чехословакии, известен всего в трех номерах (№ 1 вышел в 1921 г.) и является весьма малодоступным. Во-вторых, автор “Очерков” Нарт, по его словам, является прямым потомком шейха Мансура, его праправнуком и сообщает целый ряд важных сведений о биографии имама».

Далее Т.Х. Муталиев, ссылаясь на Нарта, сообщает, что у Мансура были две дочери Серижа и Азхарий, скончавшиеся в детстве, и сын Мисарби, доживший до преклонных лет. У последнего родился Садо, у Садо – Солтахан, являющийся отцом автора «Очерков». И, таким образом, выясняется, что знаменитый Садо Мисирбиев, друг Льва Толстого, неоднократно спасавший жизнь великому писателю, являлся внуком шейха Мансура. Добавим от себя, что в 1934 году писатель А.Виноградов выпустил небольшую книжку «Шейх Мансур», сведения для которой почерпнул из неоднократных бесед с Л.Н. Толстым в 1909 году. Это является вероятным свидетельством того, что Л.Н. Толстой из бесед со своим другом Садо многое почерпнул о шейхе Мансуре и не обошел его личность в своем собственном творчестве. В повести «Хаджи-Мурад» писатель так описывает шейха Мансура и его правление:

«Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески, каялся в грехах и клялся не делать ничего дурного. Старики говорили: тогда все люди жили, как святые - не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шесты и ставили на дорогах».

В завершение этой статьи хотелось бы отметить, что сведения об итальянце Джованни Батиста Боэтти, которые мы привели выше, ни в коей мере не умаляют заслуг великого сына чеченского народа шейха Мансура. Мы просто желали показать нашему читателю, что движение шейха Мансура, учитывая его последствия, имело поистине всемирное значение. Мы также намеревались доказать, что круг прямо или косвенно вовлеченных в это историческое событие лиц был гораздо шире, чем это отражено в нашей историографии.

Язык вайнахов в системе родственных языков

1.

Всех исследователей, занимающихся историей и этнографией Кавказа, больше всего поражает необычайная языковая пестрота этого региона. Еще Геродот заметил, что «много разных племен обитает на Кавказе». В своей Географии Страбон также отметил эту особенность Кавказа: «В город (Диоскуриаду) собираются 70 народностей (согласно другим... даже 300). Все они говорят на разных языках». Арабский средневековый ученый и путешественник Аль-Масуди лаконично назвал Кавказ «горой языков». Как мы видим, обилие кавказских языков было объектом удивления с давних пор, но предметом научного изучения оно стало сравнительно недавно.

Традиционная теория, в соответствии с которой автохтонные языки Кавказа объединяются в т.н. иберо-кавказскую или яфетическую семью языков, несмотря на свою распространенность, с самого начала, однако, не являлась общепризнанной. Более того, классификация кавказских языков по группам внутри семьи также возбуждает споры среди специалистов, занимающихся этой проблемой.

Основатель кавказского языкознания, известный российский ученый П.К. Услар, опубликовавший монографии по семи кавказским языкам, в 1888 году сформулировал вывод: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света... должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты. Армянский язык есть язык индоевропейский, грузинский, по-видимому, есть язык кавказский и, по всей вероятности, самый замечательный в целом семействе».

Примечательно, что П.К. Услар не безоговорочно причисляет грузинский язык к общей семье кавказских языков. Как мы увидим далее, картвельские языки действительно занимают неоднозначную позицию по отношению к другим языкам Кавказа.

Известный ученый-кавказовед Е.И. Крупнов, который уделял много внимания проблемам кавказских языков, так охарактеризовал семью, которая их объединяет: «...с изучением прошлого многонационального Кавказа связывается и проблема этногенеза определенного круга древних и самобытных народов, образующих особую языковую группу... Как известно, она резко отлична от всех других языковых семей мира и оказывается связанной только с древнейшими народами Передней и Малой Азии еще до выступления на историческую арену индоевропейских, семитических, тюркских и угро-финских народов».

Более масштабное рассмотрение кавказских языков заставляет обратиться к работам ученого-языковеда С.А. Старостина, который в соавторстве с А.Ю. Милитаревым выдвинул гипотезу о существовании наряду с ностратической языковой суперсемьей еще одной суперсемьи, названной им сино-кавказской. Эта обширная семья языков объединяет, по мнению авторов гипотезы, китайский, тибетский, северокавказские, гималайские и некоторые индокитайские языки. Один из соавторов С.А. Старостина по северокавказской реконструкции С.Л. Николаев выдвинул еще одну гипотезу – о родстве северокавказских языков с языками группы племен на-дене (индейцы Калифорнии). В сино-кавказскую суперсемью отнесены также и енисейские языки Сибири. А.Ю. Милитарев отмечает в этой связи: «Итак, возникает новая обширная семья языков. И с этого момента поиск дальнего языкового родства неизбежно начинает вращаться в первую очередь вокруг двух центров – ностратического и сино-кавказского».

Любопытно, что краевед Н. Семенов еще в конце XIX века обратил внимание на схожее оформление некоторых чеченских и китайских топонимов, например, названий населенных пунктов с компонентом «чу» в конце. О параллелях в вайнахской и

дальневосточной лексике писал и исследователь З.И. Ямпольский, выявивший созвучие вайнахского «хи» («вода», «река») с китайским «хэ», мансийским «гэ», ненецким «кэ», камчадалским «хиг» и японским «ка» – везде «вода», «река». Видимо, в этот же ряд можно отнести и ацтекское «хи» – «вода».

С.А. Старостин и С.Л. Николаев относят распад сино-кавказской суперсемьи языков к IX-VIII тыс. до н.э. Интересно, что известный антрополог В.П. Алексеев, исследовав краниологические признаки индейцев на-дене, пришел к двум важным выводам, косвенно подтверждающим гипотезу С.Л. Николаева. В-первых, индейцы на-дене резко отличаются по антропологическим данным от других групп североамериканских индейцев, которым присущ смешанный европеоидно-монголоидный тип и, во-вторых, индейцы на-дене, как исключение в Америке, сильно напоминают сибирских монголоидов. На языковую особенность индейцев этой группы обращали внимание еще М. Сводеш, сближавший диалекты на-дене с урало-алтайскими языками, а также Н.Я. Марр, Н.Ф. Яковлев и Г.М. Василевич, которые проводили мысль о родстве американских языков с европейскими и азиатскими. Как мы видим, гипотеза С.А. Старостина и С.Л. Николаева подтверждает эту мысль. Однако на наш взгляд, гипотеза о сино-кавказской языковой суперсемье требует более веских обоснований для того, чтобы иметь статус научной теории.

2.

Касаясь языковой ситуации собственно Кавказа, многие лингвисты считают несомненным фактом существование общесеверокавказского праязыка.

Сложнее вопрос о картвельских языках. Известные специалисты по кавказскому языкознанию Г.А. Климов и М.Е. Алексеев, отмечая, что «картвельская группа способна претендовать на промежуточное положение между ...обеими группами северокавказских языков», не скрывают, тем не менее, своего сомнения в родстве этих трех групп и, по-видимому, склонны солидаризироваться с мнением лингвиста Д.М. Йобы, согласно которому в отношении фонологической структуры картвельские языки оказываются более близкими к индоевропейским языкам Кавказа – армянскому и осетинскому, чем к остальным кавказским. С.А. Старостин также осторожно сформировал мысль о том, что «процент словарных совпадений как нахско-дагестанских, так и абхазо-адыгских языков с картвельскими не превышает 4-5%, что лежит на границе случайности». О.М. Джапаридзе, сопоставив самые противоположные взгляды на этот вопрос, приходит к выводу, что «родство картвельских языков с языками Северного Кавказа нельзя считать окончательно доказанным». Есть немало других специалистов, которые также ставят это родство под сильное сомнение или вообще отрицают его (Н.С. Трубецкой, Т.В. Гамкрелидзе, Г. Деетерс, К. Шмидт, Г. Фогт, А. Мейе и др.). Академик И.А. Джавахишвили в свое время лаконично заметил, что родство картвельских с северокавказскими языками «больше похоже на веру, чем на научную гипотезу». Видимо, окончательным вердиктом по данной проблеме можно считать выдвижение картвельских языков в особую семью, входящую в ностратическую суперсемью языков, сделанное Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым в своем фундаментальном труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы».

Судя по основательным разработкам лингвистов в несомненном родстве между собой оказываются коренные северокавказские языки, распавшиеся еще в V-IV тыс. до н.э. Однако за 5-6 тысяч лет самостоятельного существования эти языки разошлись так далеко, что некоторые ученые-языковеды (к примеру, О.С. Широков) говорят о самостоятельных северокавказских семьях языков.

Если мало кто среди ученых выражает сомнения в родстве между нахско-дагестанскими и абхазо-адыгскими языками, то неоднозначное отношение вызывает у специалистов объединение нахских и дагестанских языков в одну группу. Ведущий

специалист по нахским языкам профессор Ю.Д. Дешериев так определял место последних среди коренных языков Кавказа: «Внимательное ознакомление с данными нахских языков показывает, что последние обладают структурными, материальными и функциональными особенностями, отличающими их как от абхазо-адыгских, так и от дагестанских языков. Эти особенности и обуславливают необходимость выделения нахских языков в особую – третью – ветвь горских иберийско-кавказских языков». Это мнение, поддержанное целым рядом специалистов по кавказскому языкознанию, в целом согласуется с историко-археологическими и этнографическими данными. Согласуются они также с мнением, поддержанным чеченскими лингвистами Я.С. Вагаповым и А.Д. Вагаповым, в соответствии с которым нахские языки оказываются по ряду базовых параметров, в том числе по словарному составу, ближе к индоевропейским, чем к остальным кавказским языкам, в том числе и дагестанским. Языковед Арби Вагапов, продолжает работать по выявлению нахско-индоевропейских лингвистических связей и опубликовал по этой теме целый ряд ценных научных работ.

3.

Необходимо уделить внимание и вопросам родства кавказских языков с некоторыми древними языками. Начнем с хуррито-урартского языка.

Решающую, на наш взгляд, роль в выявлении родства хуррито-урартских языков (ряд ученых считает хурритский и урартский диалектами одного языка. – Авт.) с северокавказскими сыграл выдающийся ученый-востоковед И.М. Дьяконов, чьи труды позволили обосновать мнение о генетическом родстве хуррито-урартских и нахских языков. Свой весомый вклад в установление этого родства внес и Ю.Д. Дешериев. В середине 80-х годов прошлого столетия это родство было признано академической наукой в лице такого авторитетного ученого как А.П. Новосельцев, который писал: «В наши дни окончательно решена этническая принадлежность урартов (алародиев), которые, как это основательно доказано, говорили на языке ныне исчезнувшей языковой группы (ближе всего к ней относятся некоторые современные центрально-северокавказские языки – чеченский и ингушский)». В это же время родство вайнахских языков с хуррито-урартскими стало отмечаться в вузовских учебниках и издаваемых на академическом уровне материалах по истории.

Хаттский язык, судя по всему, был весьма близок к языкам абхазо-адыгской группы. Это мнение в ряде работ довольно убедительно обосновал абхазский ученый В.Г. Ардзинба. Вяч.Вс. Иванов, много лет занимавшийся этой проблемой, опубликовал в свое время обширный лексический материал, подкрепляющий гипотезу хаттско-абхазо-адыгского родства. В конце своих сопоставлений ученый отметил, что «хотя некоторые из предложенных этимологий гадательны, тем не менее наиболее надежные из них и основанные на них фонетические соответствия не оставляют сомнения в том, что по своей лексике (как и грамматике) хаттский является языком древнесеверокавказской семьи, сохраняющим многие черты, общие с западнокавказскими». Однако, как отмечает тот же ученый, хаттский язык имеет немало параллелей и с нахскими, как, впрочем, хуррито-урартские имеют их с абхазо-адыгскими, что, возможно,шний раз подтверждает древнейшее генетическое единство всех этих живых и мертвых языков.

Немалый интерес представляет собой гипотеза о родстве северокавказских языков с этрусским. О.С. Широков, касаясь вопроса о генетическом родстве картвельских языков с баскским и этрусским, заключает, что для обоснования этого родства «еще не найдено достаточно убедительных доводов». Более обнадеживающими выглядят сопоставление этрусского (как и баскского) с языками северокавказской семьи. Вяч.Вс. Иванов не только уверенно включает этрусский язык в северокавказскую семью языков, но и называет его

одной из диалектных ветвей хурритского языка, отмечая, что в целом ряде случаев (к примеру, в обозначении чисел) этрусский материал близок к вайнахскому. На основе своих собственных изысканий к аналогичному выводу пришли также С.А. Старостин и его соавтор по северокавказской реконструкции В.Э. Орел.

Заслуживает внимания и гипотеза о родстве северокавказских языков с баскским. Наличие баскско-кавказских языковых параллелей отмечалось в работах Р. Лафона, К. Боуды, А. Тромбетти, Ж. Дюмезиля, а известному ученому К. Уленбеку результаты исследований в этой области позволили сделать вывод о том, что «с генетической точки зрения становится невозможным отделять Пиренеи от Кавказа». Ученый-языковед В.А. Чирикба опубликовал около 100 баскских слов и их северокавказские параллели, которые существенным образом подкрепляют гипотезу о родстве этих языков.

Этот краткий обзор родственных связей, обнаруживаемых коренными кавказскими языками с языками древних и современных народов обширного региона, охватывающего Ближний Восток и все Средиземноморье, позволяет снова вернуться к давней гипотезе академика Н.Я. Марра. В соответствии с этой гипотезой, кавказские (яфетические) языки были широко распространены по всей Европе и значительной части Азии до появления народов индоевропейского, семитского и тюркского этнического облика. И перед учеными встает интереснейшая проблема: как увязать эту языковую данность с результатами археологических и антропологических исследований.

Происхождение вайнахов по данным археологии

1

Древнейшими очагами возникновения и становления производящей экономики следует, по-видимому, считать Анатолию (Чатал-Гуюк) и Палестину (Иерихон). Специалисты относят появление зачатков земледелия и скотоводства в этих регионах к VIII-VII тыс. до н.э. Поразительны достижения этих древнейших земледельцев и скотоводов, умевших воздвигать мощные каменные оборонительные сооружения, строить храмы с яркими фресками, употреблять в быту костяные ложки для еды и производить разнообразные ювелирные украшения и бытовые предметы, в том числе и изящные обсидиановые зеркала.

Это была эпоха неолита (новый каменный век) и кавказские племена той эпохи также очень рано перешли к производящим формам экономики. Несмотря на сравнительно небольшое число раскопанных памятников этого времени, их количество все же свидетельствует о том, что в VII-VI тыс. до н.э. древние жители Кавказа также приобщились к земледелию и скотоводству. Впрочем, важную роль в жизни этих племен продолжали играть и традиционные промыслы – охота и рыболовство. Древнейшим товаром, который экспортировался с Кавказа, являлся обсидиан (вулканическое стекло), которым особенно богато Армянское нагорье. Следовательно, мы можем говорить о том, что в те древнейшие времена уже зародилась обменная торговля.

Памятников следующей, энеолитической, эпохи открыто на Кавказе не менее 70. Большинство поселений этой эпохи обнаружено в Азербайджане (более 50), остальные – в Грузии, Армении и Дагестане. Древнейший из этих памятников, получивший название Шомутепе, датируется по С-14 серединой VI тыс. до н.э., но большинство относится к периоду V – начала IV тыс. до н.э.

Энеолитическая культура Закавказья подразделяется на два комплекса, отличных друг от друга по ряду характерных признаков. Северный комплекс (типа Шомутепе), локализующийся в бассейне реки Куры, характеризуется примитивной гончарной продукцией и некоторыми другими чертами, чья совокупность свидетельствует о том, что шомутепинский комплекс является эволюционировавшей формой более древней местной неолитической культуры. Южный комплекс (типа Кюльтепе), расположенный в бассейне реки Аракс, имеет значительно более развитый характер. Специалисты отмечают, что наличие лощеной, иногда расписной посуды, медных изделий и т.п. приближает его по облику к энеолитическим культурам остальных регионов Передней Азии. Если Шомутепе, как уже отмечалось, датирован серединой VI тыс. до н.э., то Кюльтепе по С-14 датируется первой третью IV тыс. до н.э.

Известно, что в V-IV тыс. до н.э. в Северной Месопотамии существовала так называемая халафская культура, очень тесно связанная с энеолитической культурой Закавказья. Следовательно, мы можем предположить, что комплексы типа Кюльтепе имели конкретный источник культурных импульсов, обусловивших их своеобразие. Однако ряд ученых-кавказоведов, в частности, Р.М. Мунчаев и Н.Я. Мерперт, не исключает и сильное обратное влияние, что указывает, по всей видимости, на смутно вырисовывающуюся общность халафской культуры с кюльтепинским вариантом кавказского энеолита. Проще говоря, мы можем предположить, что уже в эту древнейшую эпоху какие-то племена продвигались из Передней Азии на Кавказ и в обратную сторону. Мы почти ничего не знаем об этническом облике этих племен, но можем с уверенностью констатировать, что именно среди них находились наши древнейшие предки-кавказиане.

Памятники типа Кюльтепе своим расположением указывают на свое происхождение. Они своеобразным клином как бы рассекают ареал распространения более

архаичных, выросших на местной основе памятников шомутепинского типа, который в позднем энеолите охватывал не только восточные, но и западные области Закавказья. Причем, рассекают по направлению с юга на север. Р.М. Мунчаев пишет об этом так: «Вся указанная группа памятников (*Восточного Закавказья. – Авт.*) связана, по-видимому, генетически с ...позднеэнеолитическими памятниками Западного Кавказа и характеризуют особую культуру энеолита Кавказа, отличную в значительной степени от той, которая представлена в Центральном и Южном Закавказье».

На современном уровне изученности раннеземледельческой культуры Кавказа едва ли можно согласиться с мнением известного грузинского ученого-кавказоведа О.М. Джапаридзе, который прародиной древних кавказцев считал Западный Кавказ. Ведь подавляющее большинство раннеземледельческих памятников открыто на Восточном Кавказе, где зафиксированы и древнейшие из них. Кроме того, мнение О.М. Джапаридзе вступает в противоречие с результатами плодотворных изысканий дагестанских археологов, в частности, Х.А. Амирханова, который много лет подряд изучал уникальное Чохское поселение.

Х.А. Амирханов приходит к выводу, что «на уровне неолитического слоя памятника (*Чохского. – Авт.*) появляются: первые (древнейшие на Кавказе) искусственные жилища, керамика, культурные злаки, домашние животные, примитивные сельскохозяйственные орудия, изделия для переработки растительных продуктов. Имеются, таким образом, очевидные свидетельства перехода обитателей горного Дагестана от присваивающего к производящему хозяйству». Древнейший неолитический слой Чохского поселения датируется Х.А. Амирхановым началом – первой половиной VI тыс. до н.э. Выводы Х.А. Амирханова получили признание в научном кавказоведении.

Чохское поселение, удивительное своей древностью, не имеет пока аналогов в горных районах Северного Кавказа, хотя эти районы по своим природным условиям не менее благоприятны для зарождения древнейшего земледелия. Видимо, отсутствие в горах Северного Кавказа, в частности, в соседней с Дагестаном Чечне, поселений, синхронных Чохскому, следует объяснять слабой археологической изученностью всего этого региона. Другой дагестанский кавказовед М.Г. Гаджиев замечает по этому поводу: «В археологическом отношении горная Чечня еще слабо изучена, здесь пока неизвестны памятники раннеземледельческой культуры, относящиеся к более раннему времени, чем эпоха средней бронзы... Однако находки кремневых орудий неолитической эпохи в районе горного озера Кезеной-Ам дают основания надеяться на открытие памятников эпохи энеолита и ранней бронзы, которые, быть может, подтвердят заселенность межгорных котловин горной Чечни раннеземледельческим населением».

Однако памятники энеолита (в отличие от памятников неолита) обнаружены теперь практически по всему Северному Кавказу. М.Г. Гаджиев считает, что эти памятники представляют собой единый культурный тип от Дагестана до Кабардино-Балкарии. «Западнее Кабардино-Балкарии эта индустрия (*имеется в виду производство каменных орудий характерного типа. – Авт.*) уже не встречается, – пишет ученый. – На Северо-Западном Кавказе в обработке камня господствовала иная традиция». Таким образом, раннеземледельческая культура Северо-Восточного и Центрального Кавказа по ряду характерных черт сильно отличается от синхронной ей культуры Северо-Западного Кавказа. Отличается она и от современных ей культур Закавказья.

Итак, перед нами вырисовываются четыре локальных культурных ареала, на которые разделялся Кавказ эпохи энеолита. Они своеобразны, эти культуры, по происхождению, по своим характеристикам, и было бы соблазнительно связать их с предками автохтонных кавказских народов, которые ныне проживают на территориях бывшего распространения этих древнейших культур. Однако такое допущение было бы голословным, ибо нам известно, что этническая ситуация на Кавказе в последующие эпохи менялась много раз. Единственное, на что можно указать с достаточной долей уверенности, это на то, что общие предки кавказиан

(хуррито-урарто-нахской общности) в те далекие времена обитали на юге, в различных регионах Передней Азии, в частности на Армянском нагорье, где, по мнению антропологов, зародился кавкасионский антропологический тип и откуда в последующем мы видим их исход как на юг, в Переднюю Азию, так и на север – в Закавказье и далее, на Северный Кавказ.

2

В IV тыс. до н.э. на Кавказе складывается куро-аракская культура, занимающая весьма обширный регион – почти все Закавказье и Северный Кавказ, где она охватывает Дагестан, Чечню, Ингушетию и некоторые районы Северной Осетии. На юге эта культура занимала северо-западную часть современного Ирана и Восточную Анатолию. Отдельные элементы куро-аракской культуры отчетливо прослеживаются даже в Сирии и Палестине, где они составляют так называемую кирбет-керакскую культуру. В мировой археологии едва ли найдется культура такой древности, которая охватывала бы столь огромные пространства.

Важным является вопрос о происхождении куро-аракской культуры. По авторитетному мнению Р.М. Мунчаева эта культура первоначально зародилась на территории куро-аракского двуречья и всего Армянского нагорья, где наблюдается наибольшее скопление памятников этой культуры. Весьма важен еще один момент: между раннеземледельческой и куро-аракской культурами лежит стерильный слой земли, лишенный всяких археологических находок. Следовательно, куро-аракская культура не является продолжением более древней энеолитической культуры Кавказа, чьи локальные варианты мы рассмотрели выше. Куро-аракская культура возникает как бы ниоткуда, без всяких генетических связей с предшествовавшими культурами.

За несколько лет до того, как Рауф Мунчаев опубликовал свое заключение, некоторые авторы попытались доказать, что между шомутепинской и куро-аракской культурами существовала еще одна, переходная, промежуточная культура. Аргументы этих ученых основывались главным образом на некотором количестве грубой светлой керамики, которая встречалась как в энеолитических, так и в куро-аракских комплексах. Впрочем, более подробно ознакомившись с работами этих авторов (К.Х. Кушнарева, Т.Н. Чубинишвили, а также А.И. Джавахишвили) можно понять, что отмеченная керамика не столько присутствует в энеолитических комплексах, сколько теоретически допускается, что она имеет энеолитический облик, а находят ее почти всегда вместе с куро-аракскими предметами. Тем не менее, некоторые ученые, такие как О.М. Джапаридзе, К.Н. Пицхелаури, Ш.Ш. Дедабришвили и Г.М. Гаджиев склонны считать, что куро-аракская культура зародилась в недрах кавказской энеолитической культуры и представляет собой эволюционировавшую форму последней. Однако мнение это, как мы видели, опирается на довольно шаткую основу.

Многие дагестанские ученые считают, что на Северо-Восточном Кавказе археологические культуры, непрерывно эволюционируя, развивались, начиная с мезолита, по линии: неолит (Чохское поселение) – энеолит (поселение Гинчи) – куро-аракская культура. Это мнение наиболее полно сформулировал М.Г. Гаджиев: «На протяжении почти четырех тысячелетий с рубежа VII-VI тыс. до н.э. до 2-й половины III тыс. до н.э. культурно-историческое развитие Северо-Восточного Кавказа протекало в целом стабильно, в условиях сохранения на всех этапах безусловной культурной преемственности». Из этого ученый делает вывод: «Северо-Восточный Кавказ входил в первичный ареал формирования и длительного развития куро-аракской культуры».

Возможно ли такое, чтобы одна и та же культура зародилась одновременно в двух различных, отдаленных друг от друга местах? Это невозможно. Ведь культура – это не единичный предмет, который можно создать в идентичной форме в разных местах, это

целый комплекс характерных предметов и идей, а комплексы никогда не смогут совпасть без взаимосвязей и взаимного влияния тех, кто их создает. Поэтому совершенно исключено, что различные очаги единой куро-аракской культуры возникли независимо друг от друга на таких, довольно отдаленных друг от друга территориях, как Дагестан и южное Закавказье. Но где тогда зародилась эта культура? В Дагестане? В Южном Закавказье? На северо-западе Ирана? В Палестине или Сирии? Это далеко не праздные вопросы. От ответа на них зависит слишком многое в реконструкции этнической истории народов Кавказа, в том числе и вайнахов.

Древнейшие памятники куро-аракской культуры зафиксированы в Закавказье, там же наблюдается и наибольшая их густота. Куро-аракские памятники Северного Кавказа датируются серединой и второй половиной III тыс. до н.э., когда в Закавказье, по словам Р.М. Мунчаева, «жизнь на большинстве куро-аракских поселений прекращается». Следовательно, куро-аракская культура появилась на Северном Кавказе, во-первых, позднее чем в Закавказье и, во-вторых, под влияние Закавказья. Последнее доказывается тесным сходством куро-аракских памятников Чечни, Ингушетии и Северной Осетии с аналогичными памятниками Грузии.

Если же, вслед за некоторыми дагестанскими учеными, признать центром формирования куро-аракской культуры Дагестан, остается необъяснимым множество фактов, и в особенности такой: куро-аракская культура проникла в Чечню и Ингушетию из Закавказья. Почему не из Дагестана? Ведь если Дагестан – центр зарождения этой культуры и если закавказские племена заимствовали эту культуру из Дагестана, то почему понадобилось без малого целое тысячелетие, чтобы куро-аракская культура проникла на территорию Чечни, когда Чечня и Дагестан являются непосредственными соседями и между ними нет никаких ландшафтных преград? Трудно предположить, что куро-аракская культура, зародившись к концу IV тыс. до н.э. в Дагестане, распространилась далеко на юг, а затем, к концу III тыс. до н.э. «вернулась» в Чечню и Ингушетию, описав гигантскую дугу, охватившую такие отдаленные регионы как Иран, Сирия и Палестина. Не проще ли признать очевидное – что и в Дагестан эта культура проникла с юга? Или есть какие-то факты, которые делают это признание невозможным? Нам они не известны.

3

Куро-аракская культура в значительной степени хранит в себе тайну происхождения кавказских народов. Эта культура примечательна еще и тем, что по времени совпадает с началом письменного периода в истории человечества, то есть с появлением первых цивилизаций. Не следует недооценивать то обстоятельство, что южная граница распространения куро-аракской культуры примыкала к Месопотамии, где впервые зародилась одна из таких высокоразвитых цивилизаций – шумерская.

Кто создал куро-аракскую культуру? На этот счет существует несколько гипотез. Так, И.М. Дьяконов считал создателями этой культуры хурритов, основываясь на том, что «границы куро-аракской культуры в эпоху ее расцвета не выходят за пределы распространения хурритского языка». В другой работе И.М. Дьяконов уже пишет о группе языков – хуррито-урартских и нахско-дагестанских, как о языках создателей куро-аракской культуры. Такого же мнения придерживается и М.Г. Гаджиев, который к тому же считает, что «предки носителей современных нахско-дагестанских и хуррито-урартских языков обитали на этой территории (*то есть на Северо-Восточном Кавказе. – Авт.*) по крайней мере с эпохи раннего металла».

Серьезные позиции занимает и гипотеза об индоевропейском облике племен, создавших куро-аракскую культуру. Многочисленные и разнообразные картвело-индоевропейские параллели, выявленные на базе пракартвельского языка, позволили Г.А. Меликишвили

высказать мысль о «возможном индоевропейском происхождении носителей древней закавказской куро-аракской культуры, впоследствии в значительной мере ассимилированными по языку носителями языков переднеазиатского типа, в частности картвельскими, для которых означенное индоевропейское население сыграло роль субстрата...». Последнее обстоятельство важно в том отношении, что, по мнению специалистов, «процесс “индоевропеизации” картвельского лингвистического типа, возможно, протекал в условиях тесного и длительного контакта между племенами, говорившими на картвельских и древних индоевропейских диалектах еще до разделения общекартвельского языка-основы на самостоятельные языки». Отсюда следует, что контакты древних картвело-свано-менгрельских племен с предками индоевропейцев происходили приблизительно в конце III тыс. до н.э. Картвельские (грузино-свано-менгрельские) племена переселились в Закавказье из Передней Азии в последних веках III тыс. до н.э. и застали здесь куро-аракское население, говорившее на индоевропейских диалектах. Длительное соседство этих двух языковых общностей привело к тому, что во всех трех группах картвельской языковой семьи (грузинская, сванская, менгрельская) ныне обнаруживается значительный слой индоевропейской лексики.

В своем фундаментальном труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы» Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов приводят множество доводов лингвистического, мифологического и археологического характера в пользу гипотезы об индоевропейском облике куро-аракских племен. Прародина индоевропейцев, по мнению этих ученых, помещалась «в областях на северной периферии Передней Азии, то есть к югу от Закавказья до Верхней Месопотамии».

Мнение об индоевропейском характере куро-аракских племен поддерживают такие ученые как Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова, Ш. Дедабришвили, Г. Мирцхулава, причем последние двое авторов допускают возможность проникновения носителей куро-аракской культуры в Европу вплоть до Пиренейского полуострова.

Особую позицию занимает по этому вопросу Р.М. Мунчаев, который пишет: «Обширен, как мы видим, ареал куро-аракской культуры. На каких языках говорили ее носители: на хуррито-урартском, хаттском или картвельских, нахско-дагестанских или абхазо-адыгских? Можно предполагать, что в разных областях ареала куро-аракской культуры говорили на каком-нибудь из этих языков. Причем в причерноморских районах Кавказа говорили на абхазо-адыгских языках, близких к хаттскому, в Центральном и Южном Закавказье – на хурритском и картвельском, а на Восточном Кавказе – на нахско-дагестанских языках. Следовательно, нам представляется, что общекавказского языкового единства во всяком случае в III тыс. до н.э. здесь не было».

Как мы видим, спектр мнений об этнической принадлежности куро-аракских племен весьма широк. С одной стороны предлагается видеть в них хурритов и генетически родственные последним племена. С другой – индоевропейцев. А с третьей – предков всех нынешних кавказских автохтонов и некоторые древние народы, родственные им. Но если мы попытаемся вникнуть в систему доводов авторов всех перечисленных гипотез, мы увидим, что противоречий в них не так уж и много.

Действительно, трудно не согласиться с мнением И.М. Дьяконова о том, что границы распространения куро-аракской культуры почти полностью совпадают с границами расселения хурритов. Однако, как справедливо подмечается целым рядом ученых, в том числе и западных, именно вторжение хурритов привело к гибели куро-аракской и равнозначной ей кирбет-керакской культур Закавказья, Сирии и Палестины. Иначе говоря, хурриты явились не создателями куро-аракской культуры, а ее разрушителями в последних веках III тыс. до н.э. И нет ничего удивительного в том, что археологи открывают куро-аракские и кирбет-керакские памятники в тех районах, где древние письменные источники фиксируют присутствие хурритов. Нужно эти два факта разъединить во времени и тогда все встает на свои места. То есть оказываются правы и те ученые, которые видят в создателях

куро-аракской культуры индоевропейцев, и те их коллеги, которые отмечают факт совпадения границ этой культуры с границами расселения хурритов: последние своими вторжениями или вытеснили, или ассимилировали старое индоевропейское население этих мест. Сказанное подкрепляется присутствием довольно обширного слоя индоевропейских заимствований в хуррито-урартском, а также наличием в нахских языках столь многочисленных параллелей с базовой индоевропейской лексикой, что некоторые ученые-лингвисты, в частности А. Вагапов, включают нахские языки в индоевропейскую семью языков.

Теперь другой вопрос: могла ли быть куро-аракская культура коллективным творением всех коренных кавказских народов, как предполагает Р.М. Мунчаев? Разумеется, нет. Ведь северокавказский праязык распался уже на рубеже V-IV тыс. до н.э., задолго до появления куро-аракской культуры (конец IV тыс. до н.э.). И за тысячу лет, прошедшие после распада северокавказского праязыка, носители новообразовавшихся диалектов и языков должны были расселиться на значительные расстояния. А ведь единую культуру не могут создать различные этнические общности, живущие в различных регионах. Культура в ее археологическом выражении создается какой-либо одной компактной и стабильной общностью, а затем она перенимается соседями и соседями соседей. Так культура расходится по смежным областям и ее носители могут впоследствии оказаться обладателями различных языков. Но создает культуру всегда одна этническая группа. И прав Г.А. Меликишвили, когда замечает, что «более приемлемо связывать куро-аракскую культуру не с «иберийско-кавказской общностью», а с какой-либо одной иберийско-кавказской группой». Но с какой?

Если хурриты и древние картвелы в конце III тыс. до н.э. вторглись в Закавказье и это вторжение привело к гибели куро-аракской культуры, то они, то есть хурриты и пракартвелы, никак не могут считаться ее создателями. Предков нахов (вайнахов) в эту пору невозможно рассматривать в отрыве от хурритов, поскольку нахи выделились из хурритской общности гораздо позже рассматриваемой нами эпохи. Следовательно, и предки вайнахов не могут претендовать на роль создателей куро-аракской культуры. Что касается хатто-абхазо-адыгской общности, то на месте их древнейшего обитания бытовала совсем иная культура – майкопская, так что странно, что такой выдающийся ученый-кавказовед как Р.М. Мунчаев вообще упоминает эти племена в перечне возможных творцов куро-аракской культуры. Возможно, это объясняется тем, что ранее Р.М. Мунчаев высказывал мысль о том, создателями майкопской культуры, распространенной от западной части Чечни до черноморского побережья Кавказа, могли быть или шумеры, или, что по его мнению более вероятно, хурриты. Даже если допустить, что хурриты и имели какое-то отношение к созданию блестящей майкопской культуры, все же, на наш взгляд, более убедительны те из ученых (М.М. Трапш, А.Н. Соловьев, З.В. Анчабадзе, В.Г. Ардзинба, Г.А. Меликишвили и др.), которые роль создателей майкопской культуры отводят предкам абхазо-адыгских народов и родственным им малоазийским кашкам (каскам) и хаттам.

Остаются дагестанские племена, но, во-первых, дагестанские ученые настаивают на непрерывности проживания этих племен на территории Дагестана начиная с мезолита и, во-вторых, независимо от первого обстоятельства, куро-аракская культура проникла на Северный Кавказ с юга, из Закавказья, и творцы ее жили в Закавказье, а не в Дагестане.

Поэтому, как нам представляется, действительно именно индоевропейцы явились создателями куро-аракской культуры, которая впоследствии была уничтожена нашествием воинственных хурритских племен, обитавших в те времена в Северной Месопотамии и на своей древней прародине на Армянском нагорье. Только эта гипотеза, по нашему мнению, наилучшим образом согласуется с известными в кавказоведении историко-археологическими фактами.

На позднем этапе своего существования куро-аракская культура стала современницей другой, весьма интересной и своеобразной археологической культуры Кавказа – майкопской.

Ареал распространения майкопской культуры довольно широк – от Таманского полуострова на северо-западе вплоть до границ Дагестана на юго-востоке, без захода в горные районы края. Наибольшая концентрация майкопских памятников и наиболее древние из них открыты в Прикубанье, в бассейнах притоков Кубани – Белой и Фарса. Древнейшие памятники этой культуры не имеют аналогов на территории Чечни и Ингушетии, где встретились и частично смешались куро-аракские и майкопские племена. Это является убедительным свидетельством поэтапного продвижения майкопцев с запада на восток.

По общепризнанной периодизации наиболее древние памятники майкопской культуры относятся к середине III тыс. до н.э. (Майкопский курган – 2500-2400 гг. до н.э.), а наиболее поздние – к концу III тыс. до н.э. (Новосвободненские дольмены – 2300-2000 гг. до н.э.). Однако, как отмечает Р.Ж. Бетров, «нельзя исключать того, что... наиболее ранние памятники (*майкопской культуры*. – *Авт.*) могут относиться к первой половине III тыс. до н.э., а позднейшие – к началу II тыс. до н.э.».

Культура майкопских племен была столь высока, искусство столь развито, что некоторые ученые считают вероятным существование на Кавказе в III тыс. до н.э. бесписьменного государства. Впрочем, в различных источниках иногда всплывают сведения о надписях, оставленных майкопскими племенами, однако ничего более определенного об этом в данном случае сказать невозможно.

По мнению Я.А. Федорова, майкопскую культуру создали предки адыгских народов (адыгейцы, черкесы, кабардинцы и др.), а далеких предков абхазов он считал создателями дольменной культуры, которая входила в зону майкопской. Своеобразно выглядит мнение В.А. Сафронова, который роль создателей майкопской культуры отводит каким-то пришлым племенам семитского происхождения. В.А. Сафронов, как можно судить по его работе, выдвинул это мнение, основываясь, главным образом, на тех связях, которые обнаружены между майкопскими памятниками и памятниками древнейших арамейцев Харрана, находившихся под сильным влиянием шумерских и эламских культурных традиций.

Впрочем, эти связи можно объяснить и иным, не столь радикальным, образом, как это и сделал, к примеру, Я.А. Федоров. Мобилизовав обширный археологический, антропологический и лингвистический материал, Я.А. Федоров пришел к выводу о господстве в восточном Причерноморье в рассматриваемую эпоху абхазо-адыгско-хаттской языковой общности. Внутри этой общности вполне могли перемещаться какие-то культурные элементы семитского мира, с которыми она соприкасалась на юге и юго-востоке. А хатты – древнейшие «родственники» абхазо-адыгов, не только соприкасались с цивилизациями Ближнего Востока, но и сами в значительной мере повлияли на этнокультурный и хозяйственный облик этих цивилизаций.

Один из народов хаттского происхождения – кашки – и явились, судя по всему, тем этносом, который принес с собой на Северо-Западный Кавказ элементы ближневосточных цивилизаций. Я.А. Федоров пишет: «На заре медно-бронзового века связи с Ближним Востоком еще более окрепли. Этому могли способствовать события, в корне изменившие обстановку в Малой Азии в III тыс. до н.э. Речь идет о вторжении в Малую Азию индоевропейцев (лувийцев)». Далее говорится о продвижении кашков, оттесненных лувийцами, по Анатолии к Кавказу. События эти происходили в начале III тыс. до н.э., то есть прямо предшествовали времени появления майкопской культуры.

Л. Клейн поддерживает это мнение, основываясь на своих собственных исследованиях. Ученый пишет: «Кашки... никогда не подчинялись Хеттской империи, вечно тревожили ее

набегами и наконец, как недавно установлено, сломили ее мощь. Ассирийские источники донесли до нас и другое название кашков – апешла. Позже античные авторы рассказывали об апсилах. Снова совпадение: это другой западнокавказский народ – абхазы. Армяне до сих пор называют их апшилами, самоназвание абхазов – апшуа. Значит, древние «кашки-апешла» ближайшие родственники современных абхазов и адыго-черкесов, а предки их всех – на юге, там, где культура Гавра. Ее бросок на север и появление майкопской культуры – единственная возможность объяснить появление западнокавказских языков на Кавказе: позже археологии не сыскать обширной миграции из очага древневосточных цивилизаций на запад и северо-запад Кавказа, на Кубань. Один из царей этих пришельцев с юга и лежал в Майкопском кургане». Следует добавить, что адыгейцы и черкесы носят название косоги, кашак, гашк, что имеет несомненное созвучие с древним этнонимом кашки. Кстати, не исключено, что этноним косога (кашак) лег в основу названия «казак».

К концу III тыс. до н.э. племена майкопской культуры, продвигаясь с запада на восток, сталкиваются на территории современной Чечни с племенами куро-аракской культуры. Происходит частичное смешивание «авангардов» этих двух потоков, что должно было сыграть определенную роль в этнокультурных процессах той эпохи.

Говоря о майкопской культуре, невозможно обойти молчанием факт существования на Северо-Западном Кавказе и в Абхазии дольменов. Эти странные памятники древних времен не менее загадочны, чем изваяния на острове Пасхи, террасы Баальбека или храмы на Мальте. И то обстоятельство, что дольменная культура и ее творцы в какой-то мере повлияли на генезис северокавказских народов, в том числе и вайнахов, делает эту проблему для нас еще более интересной.

Огромную работу по исследованию кавказских дольменов проделал В.И. Марковин. Подробно изучив сооружения подобного типа, которые буквально опоясывают земной шар, ученый пришел к выводу, что кавказские дольмены генетически связаны с аналогичными памятниками лишь одного региона – Пиренейского полуострова. Автор предполагает, что какие-то племена на кораблях пересекли Средиземное море с запада на восток и в рассматриваемую эпоху расселились в причерноморских районах Кавказа. Более полно В.И. Марковин рассмотрел проблемы, связанные с кавказскими дольменами, в специальной монографии. В этой работе автор уделил большое внимание и лингвистической стороне пиренейско-кавказских связей. Он подобрал солидную сводку высказываний видных языковедов, отстаивающих гипотезу родства языка басков с языками северокавказских народов, в особенности с абхазо-адыгскими языками.

В.А. Сафронов и Н.А. Николаева считают, что происхождение дольменов кавказского Причерноморья связано с проникновением в этот район с северо-запада племен, создавших культуру шаровых амфор и воздвигавших в некоторых местах своего распространения дольмены. В.И. Марковин ответил на эту гипотезу статьей, в которой решительно ее отверг, подкрепив свои прежние соображения новыми аргументами. Я.А. Федоров, соглашаясь с мнением об абхазо-адыгском этническом облике племен – создателей дольменной культуры, считает, что навыки строительства дольменов принесли на Кавказ из Малой Азии кашки. В.И. Марковин отозвался об этом мнении не без иронии: «Это утверждение странно, так как сами “кашки” дольменов не строили и в Малой Азии они не найдены». Против этого довода нечем возразить, но один пункт в статье В.И. Марковина требует, на наш взгляд, уточнения. Он отмечает, что не имеется «комплексов куро-аракской культуры на Кубани и характерные для нее предметы не найдены в дольменах». Однако археолог В.Л. Ростунов выявил целый комплекс куро-аракских признаков в дольменной керамике и сделал важный вывод о том, что «процесс активного взаимодействия куро-аракской и дольменной культур происходил в конце III тыс. до н.э. ... в западных районах Северного Кавказа». Следовательно, мы имеем основания считать, что куро-аракские племена взаимодействовали с не только с майкопскими племенами, но и со строителями дольменов.

Определенное влияние на этногенетические процессы, происходившие в ту эпоху на Северном Кавказе, оказали и степные племена так называемой ямной культуры. Интересно отметить, что в зоне стыковки майкопской и куро-аракской культур на территории Чечни (Бамутский могильник) особенно отчетливо прослеживаются комплексы, указывающие, по мнению Р.М. Мунчаева, «не только на связи местной культуры с северными степными племенами, но даже на проникновение отдельных групп этих племен на данную территорию». О тесных взаимосвязях степных племен с населением Северного Кавказа в рассматриваемую эпоху писал в специальной статье Я.А. Федоров. Влияние древних кавказцев на степные племена было огромным. Достаточно назвать один факт, который приводит специалист по древним металлам Е.Н. Черных: «около 86% изделий, изготовленных из медно-мышьяковистых сплавов и обнаруженных в степях Причерноморья должны рассматриваться в качестве кавказского импорта». Целый ряд ученых склонен видеть в племенах ямной культуры III тыс. до н.э. древнейшую индоевропейскую общность, хотя такая концепция не является общепризнанной в научном мире.

5

Мы уже отмечали, что еще в 1965 году Г.А. Меликишвили на основе историко-археологического и лингвистического анализа пришел к выводу, что гибель куро-аракской культуры Закавказья и идентичной ей кирбет-керакской культуры Сирии и Палестины следует связать с вторжением на эти территории воинственных хурритских племен. Археологический материал позволил ученому датировать появление хурритов в Сирии началом XXIV в. до н.э. В Закавказье хурриты начали проникать со второй половины III тыс. до н.э., но массовое вторжение их в этот регион началось после XXIII в. до н.э., когда вследствие этого куро-аракская культура прекратила свое существование.

Независимо от Г.А. Меликишвили, на основании своих собственных многолетних исследований к аналогичному выводу пришел В.Л. Ростунов, крупнейший специалист по куро-аракской культуре. Гибель этой культуры В.Л. Ростунов также относит к периоду конца XXIII – начала XXII вв. до н.э. и связывает с вторжением в Закавказье хурритского племенного союза Уллив (Уллибан), входившего впоследствии в племенную номенклатуру Наири-Урарту и впервые упоминаемого в аккадских и шумерских надписях XXIII в. до н.э.

Известно, что на смену куро-аракской культуре, уничтоженной хурритами, пришла так называемая триалетская культура. Б.А. Куфтин в свое время датировал эту новую культуру серединой II тыс. до н.э., однако последующие археологические изыскания позволили значительно удревнить эту культуру и стало ясно, что время ее зарождения непосредственно примыкает к времени завершения куро-аракской культуры. Совокупность исторических и археологических данных позволила Г.А. Меликишвили признать ареал распространения триалетской культуры северной периферией мощной хурритской империи Митанни, и создателями триалетской культуры, соответственно, хурритов.

Исходя из общепризнанного родства хуррито-урартского и вайнахского языков, автор данной работы в одной из своих статей предложил связать начальный этап этногенеза вайнахов именно с проникновением хурритов на Кавказ на рубеже XXIII и XXII вв. до н.э. В той же статье впервые была высказана мысль о том, что хуррито-урартийцы и родственные им нахи в историческом прошлом жили не изолированно друг от друга, а были связаны между собой цепью родственных племен, известных нам из древних и средневековых письменных источников – эры, гергеры, ганахи, махелоны, цанары, двалы, кахи и др. Названные (и не названные в этом перечне) племена сыграли выдающуюся роль в истории Закавказья и Передней Азии, создавали свои царства и княжества и внесли ощутимый вклад в этногенез армянского и грузинского народов, и это делает актуальным тщательное исследование истории этих племен.

Если хурриты явились по отношению к местным закавказским племенам суперстратом («верхним слоем»), то последние должны были быть субстратом («нижним слоем») этногенеза вайнахов. Смешение вторгнувшихся хурритов с куро-аракскими племенами, в которых мы видим индоевропейцев, привело к появлению новых культур – триалетской, о которой уже упоминалось, и сачхерской. Если приведенные доводы верны, то в языке вайнахов должен наличествовать значительный слой индоевропейской лексики. Есть ли индоевропейская лексика в вайнахском языке? Безусловно, есть.

Стоит оговорить, что древние арийские племена, обитавшие на Ближнем Востоке, который, возможно, являлся их прародиной, очень тесно соприкасались с хурритами. «Среда, в которой оказались индоевропейцы, была преимущественно хурритской», – отмечает польская исследовательница Ю. Заблоцка. Поэтому и вайнахский язык, близкородственный хурритскому, должен отражать в своем словаре лексику не отдельно взятого индоевропейского языка (диалекта), а языка-основы, праязыка. И мы убедимся в дальнейшем в верности этой предпосылки.

Если мы сопоставим вайнахскую лексику с индоевропейской, то уже на уровне древнейшего праязыка проявляют себя поразительные совпадения. По стословнику М. Сводеша процент соответствия вайнахской и индоевропейской лексики составляет более 30 единиц. Это очень много. Как отмечают в своей фундаментальной работе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов, «При обнаружении совпадений и при достаточно большом числе... таких совпадений (порядка 20-30 или более)... вероятность случайного совпадения равна нулю и, следовательно, требуется другая гипотеза для истолкования этого сходства». Укажем для сравнения, что совпадения между грузинским, сванским и менгрельским по тому же индикатору-стословнику М. Сводеша составляют те же 30% и поэтому ни один ученый не ставит под сомнение тот факт, что это – родственные языки, имеющие общее происхождение. Еще один факт. Если сопоставить между собой современные северокавказские языки по тому же методу М. Сводеша, то процент их совпадений не превысит 15-20 единиц. Отсюда следует принципиальный вывод, что по своему словарному составу вайнахский язык оказывается ближе к индоевропейским, нежели к абхазо-адыгской и дагестанской группам.

Все сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что начальным этапом этногенеза вайнахов является конец III тыс. до н.э., когда хурриты мигрировали на Кавказ, на территорию проживания племен – носителей куро-аракской культуры. В этих племенах, как мы неоднократно подчеркивали, можно видеть или индоевропейцев, или, по крайней мере, сильно индоевропеизированный этнический массив. Вполне очевидно, что вайнахи, чей язык проявляет тесные связи не только с хуррито-урартским, но и с индоевропейскими языками, представляют собой потомков тех племенных групп, которые образовались от смешения пришлых хурритов с местными индоевропейскими племенами – носителями куро-аракской культуры.

Вайнахско-индоевропейские языковые параллели исчисляются тысячами. Решающий вклад в их выявление и классификацию внес блестящий чеченский лингвист Арби Вагапов. Добавим к этому и вывод крупнейшего российского ученого-антрополога В.П. Алексеева о том, что кавказионский антропологический тип, наиболее характерными представителями которого являются именно вайнахи, зародился на Армянском нагорье, древнейшими обитателями которого были хурриты. Следовательно, вайнахи не только по языку, но и по своему физическому облику проявляют тесное генетическое родство с хуррито-урартцами.

Однако в вайнахском языке присутствует обширный слой индоевропейской лексики, что свидетельствует о сложных процессах в этногенезе чеченцев и ингушей. В этой связи следует упомянуть и о том, что в физическом облике вайнахов-кавказионцев наличествуют некоторые черты, которые роднят их с северными европейцами (германцами) – эти черты выявил другой крупный российский антрополог А.В. Шевченко. Так же необходимо учесть мнение видного чеченского ученого-языковеда Якуба Вагапова, полностью поддержанное

его коллегой и однофамильцем Арби Вагаповым, что «индоевропейские и нахские языки состоят в более близких генетических отношениях, чем нахские и дагестанские». Объясняют это ученые тем, что нахские и дагестанские языки, включаемые обычно в единую языковую семью, разделились между собой раньше, чем нахские отделились от индоевропейских (А.Д. Вагапов, *«Славяно-нахские лексические параллели»*, Грозный, 1994, Предисловие). Таким образом, мы видим, как факты из смежных исторических наук, дополняя и подкрепляя друг друга, показывают два корня происхождения вайнахов – хурритский и индоевропейский.

Заметки о Хурритах

I

После окончания одной из самых длительных и кровопролитных войн в истории человечества – Кавказской, в 60-х годах XIX столетия десятки тысяч вайнахов, под нажимом царской администрации, решили навсегда покинуть страну своих предков. Около 50 тысяч чеченцев – часть этих переселенцев – расселились в верховьях реки Хабур, на территории современной Сирии, недалеко от турецкой границы.

В 1889 году, хороня своего покойника в склоне окрестного холма, именуемого арабами Телль-Халаф, чеченцы из селения Рас-эль-Аин (селение это существует и поныне, и до сих пор в нем живут сирийские чеченцы) наткнулись в могильной яме на каменные изваяния животных с человеческими головами. Посчитав их воплощением злых подземных духов-джиннов, чеченцы могилу закидали землей, умершего похоронили в другом месте и, во избежание несчастий, поклялись никому не говорить о своей находке.

Но окрестные кочевники-бедуины каким-то образом узнали о случившемся и вскоре рассказали обо всем Макс фон Оппенгейму, немецкому путешественнику и любителю древностей, гостившему в то время у местного шейха. Оппенгейм, взяв охрану из 25 человек, немедленно прибыл в Рас-эль-Аин и попросил жителей показать ему холм с «джиннами». Последовал вежливый отказ, жители селения утверждали, что понятия не имеют, о чем идет речь. Вспыльчивый барон обозвал чеченцев лжецами и чуть не поплатился за это жизнью – не менее вспыльчивые кавказцы обнажили свои кинжалы и стали надвигаться на барона и его людей. Дело принимало скверный оборот, но Макс фон Оппенгейм успел крикнуть разозленным людям, что они совершат ужасное преступление, убив гостя в своем доме. Чеченцы опомнились, и им стало стыдно за свою горячность.

«Глубоко взволнованные чеченцы признали свою вину. Они сознались в том, что солгали гостю и, полные раскаяния, обещали показать ему холм, где нашли каменные изваяния, когда копали могилу для покойника. В их устах впервые прозвучало название этого холма – Телль-Халаф... В течение уже многих десятилетий оно встречается в каждом научном труде по археологии Ближнего Востока – от Москвы до Сан-Франциско, от Нью-Йорка до Лондона, Парижа и Берлина – это ставшее знаменитым название Телль-Халаф. 19 ноября 1899 года смирившиеся чеченцы повели немца к Телль-Халафу», – так пишет об этом Эрих Церен («Библейские холмы»).

Находчивость Макса фон Оппенгейма не только спасла ему жизнь, но и послужила открытию Вашшуканне, столицы государства Митанни – одной из самых загадочных древних цивилизаций Ближнего Востока. И, может быть, какой-то символ заключен в том, что именно вайнахи стали невольными первооткрывателями руин великого города, в котором три с половиной тысячи лет назад звучала речь их далеких предков – хурритов. Таковы странные зигзаги истории и неведомы пути, по которым случай приводит людей к забытым истокам их существования на этой земле.

II

Кто такие хурриты? Каким был этот древний и могущественный народ, имеющий общее происхождение с вайнахами? Какими деяниями отпечатали они свой след в истории древнего мира? Мы попытаемся в доступной мере ответить на эти вопросы, собрав воедино сведения о хурритах, разбросанные по различным источникам. И, если сведения эти покажутся читателю неполными и фрагментарными, следует помнить, что хурриты, несмотря на некоторые успехи в их изучении, до сих пор остаются наименее известными историкам среди древних народов Ближнего Востока.

Древнейшей прародиной хурритов, по-видимому, являлось Армянское нагорье. Крупнейший востоковед И.М. Дьяконов, касаясь этого вопроса, отмечал: «...в армянском есть хуррито-урартские слова, названия местных флоры, фауны, социальных обычаев, а в хуррито-урартском языке нет армянских слов. Поэтому ясно, что сначала на нагорье (Армянском. – Авт.) господствовал хуррито-урартский язык, а уже затем сюда пришел индоевропейский – армянский, заимствовавший у предшественников местные термины, но не наоборот».

Армянское нагорье (общая площадь этого нагорья – 350 тыс. кв. км.) расположено между Анатолийским нагорьем на западе и Иранским нагорьем на востоке и как бы связывает их, являясь частью обширного приподнятого региона. Средняя высота нагорья равна 1700-1800 м над уровнем моря, то есть на 500-600 м выше средней высоты Анатолийского и значительно выше Иранского нагорий. На севере и северо-востоке Армянское нагорье обрамляют Черноморская и Куро-Араксинская депрессии (разделенные Дзирульским массивом), на юге – Месопотамская низменность и Средиземноморская впадина. В пределах нагорья выделяются мощные складчатые системы: Понты на севере, Киликийский и Армянский Тавры – на юге, хребты Малого Кавказа – на востоке. Горные цепи чередуются с межгорными котловинами, вытянутыми вдоль Аракса, Куры и истоков Евфрата; из наиболее значительных котловин следует отметить Арагатскую (высота около 700м над уровнем моря), Ванскую и Тигранакертскую (южнее Армянского Тавра).

Именно здесь, в этой гористой области, получившей впоследствии название Армянского нагорья, и зародился этот древнейший народ. И отсюда он распространился по огромным территориям Ближнего Востока и Кавказа. Хурриты изначально были горцами, и эта географическая особенность оставила, как мы увидим, неизгладимый отпечаток на всей их культуре и этнической психологии.

Многочисленные племена этого народа имели свои локальные названия, но общим самоназванием являлось имя «хурриты». Что оно означает?

Ученые считают, что это название происходит от слова «хурре», что значит «утро», «восход», «восток»; отсюда хурриты – «жители востока», «восточные люди». Известна также хеттская форма написания этого этнонима – *Hurla* (ед. ч.) и *Hurlaš* (мн. ч.). Возможно, компонент *la* (*laš*) в этом названии родственно нахскому «ло/луо» – «человек» (первоначально «смертный»). Это же слово в том же значении известно и в шумерском (*lu*). Таким образом, есть основания полагать, что самоназвание хурритов могло варьироваться от *Hurri* («восточные») до *Hur-laš* («восточные люди»). Интересно, что Сирия, в которой хурриты обитали уже с середины III тысяч. до н. э., первоначально называлась Суре, то есть «западная страна», «страна заката, вечера». Подобное же противопоставление востока (утро, восход) с западом (вечер, закат) наличествует и у вайнахов: *1уьйре* – («утро», «восход солнца», «восток») и *суьйре* (инг. *сайре*) – («вечер», «закат», «запад»). Сирия расположена к западу от Северной Месопотамии, откуда, заселяя эти земли, продвигались хурриты, и поэтому древнейшее название этой страны в устах хурритов звучало Суре (или Сур) – «западная (страна)». В античные источники это название перешло в форме «Сюриа». Интересно, что и ассирийцы, непосредственные соседи хурритов, именовали Сирию «Амурру», то есть «западная (страна)». Вайнахи, позабыв название, данное этой стране их предками, называют теперь Сирию арабским именем Шама (Шам).

Сирия от Египта расположена в восточном направлении. И закономерно, что из египетских текстов XVI в. до н. э. мы узнаем, что египтяне Сирию и всю Палестину называли «Хару» (то есть страной хурритов); в Библии в этих местах часто упоминается народ «хоритов». Таким образом, название этого народа в устах египтян и древних евреев звучало, соответственно, хару и хори, что важно для нас в определении хурритских топонимов (географических названий), которые в изобилии встречаются на страницах Библии, особенно ее начальных книг.

Причины, заставившие хурритов в течение III-II тыс. до н. э. непрерывно расширять границы своего обитания, кроются, по-видимому, в гористом характере их прародины. Известный советский ученый Н. И. Вавилов в свое время отмечал, что интенсивные миграции характерны именно для земледельческих обществ в горных областях, вследствие быстрого увеличения населения и ограниченности географического ландшафта, занятого возрастающим населением. На пути их продвижения хурритам часто противостояли многочисленные цивилизованные народы, контакты с которыми носили различный характер – от мирной культурной интеграции до свирепых войн.

Однако несомненно, что с конца III и до конца II тыс. до н. э. хурриты являлись доминирующим народом не только Ближнего Востока но и даже некоторых европейских территорий (остров Кипр, Италия и т.д.). Их присутствие мы обнаруживаем от Египта на западе до Ирана на востоке, и от Средней Месопотамии на юге до Центрального Кавказа на севере. Один из крупнейших знатоков истории и культуры хурритов и урартийцев академик Б.Б. Пиотровский писал: «В III и II тысячелетиях, ... в Передней Азии доминирующую роль играли хурритские племена, которые имели два крупных объединяющих их центра – Верхнюю Месопотамию (Митанни) и район Ванского озера (Урарту). Даже на территории Ассирии, где семитизация произошла очень рано, субстратом является определенный хурритский элемент».

Из этого следует, что ассирийцы во многом являлись потомками хурритов, перешедшими на семитский язык (ассирийский диалект аккадского языка). То, что хурриты были древнейшим населением Ассирии, доказываются и хорошо установленным фактом, что именно они являлись основателями знаменитой Ниневии, древней столицы Ассирии, «логовища львов» как ее называли в Библии. Польская исследовательница Юлия Заблоцка отмечает этот факт такой фразой: «Ниневия, как это видно из ее названия (хурритское слово), также первоначально была населена хурритами». Отметим, что в основе этого названия лежит словосочетание «Нин-Хебат» («Мать Хебат – одно из главных женских божеств хурритского пантеона).

В Анатолию (Малая Азия) хурриты проникают примерно в XXII веке до н. э., а к середине II тыс. до н. э. начинают господствовать на этой территории в военно-политическом и культурном отношениях. В Малой Азии располагалась мощная Хеттская держава, носившая отпечаток глубокого хурритского влияния. В частности, хеттские цари к указанному периоду носили «тронные» хурритские имена, в религии хеттов доминировал хурритский культ и хурритский язык являлся литературным и официальным языком Хеттского государства.

Около 1700 года до н. э. хурриты Сирии и Палестины, приведя в движение своих семитских вассалов, вторгаются в Египет и полностью завоевывают эту страну. По словам историка П. Мельгунова, владычество хурритов (египтяне называли их гиксосами т.е. «царями-пастухами») над Египтом «было похоже на владычество татар над Русью. Во внутренние египетские дела они вмешивались мало, довольствовались только тем, что поставили гарнизоны в главнейших пунктах и собирали дань».

В дельте Нила раскопаны руины одной из хурритских крепостей, откуда осуществлялся контроль над завоеванной страной, и куда свозилась дань. Господство гиксосов над Египтом длилось до 1570 года до н. э., то есть 130 лет, а затем, по мнению большинства современных историков, они были изгнаны в результате восстания египтян. Впрочем, древнееврейский историк Иосиф Флавий («Иудейские древности») отмечает, что хурриты (гиксосы) были выведены из Египта пророком Моисеем (мир ему) вместе с двенадцатью израильскими коленами.

Как бы то ни было, господство хурритов принесло Египту не только порабощение, но и некоторую пользу – именно от них египтяне заимствовали навыки коневодства и боевые колесницы, запряженные конями, и само египетское название боевой колесницы (wrjt)

происходит от соответствующего хурритского термина (варат). Читателям будет интересно узнать, что вайнахское обозначение повозки (ворд, вард) имеет то же самое происхождение.

Хурриты, жившие далеко на востоке от своих сиро-палестинских и малоазийских соплеменников, консолидировались в государства сравнительно поздно. В районе озера Ван в конце II тыс. до н. э. образовалось царство Урарту, а в окрестностях озера Урмия (современный Иран) примерно в то же время начало складываться Маннейское царство.

О хурритах в Закавказье мы поговорим позже, а теперь коснемся проблемы древнейших хурритских государств на Ближнем Востоке.

III

Читая в различных изданиях разработки исследователей о политической жизни и расселении хурритов, мы насчитали названия более 40 больших и малых государств, созданных этим народом на протяжении времени с конца III и до начала II тыс. до н. э. в различных районах Ближнего Востока. Большинство этих государств известны нам лишь по названиям и по тем отрывочным данным, которые сохранились о них в шумеро-аккадских, древнеассирийских, хеттских и египетских письменных источниках.

О некоторых хурритских государствах нам известно больше, зачастую из клинописных текстов самих хурритов. Наиболее полные архивы хурритских текстов сохранились в древней Аррапхе (и на хурритском, и на вайнахском это название обозначает «равнинное поселение»), и эти тексты дают нам представления о хозяйственной, политической и социальной жизни хурритских обществ начала и середины II тыс. до н. э.

Археология улавливает присутствие хурритов в Северной Месопотамии с середины IV тысячелетия до н. э. С начала III тыс. до н. э. (приблизительно с XXIX века до н. э.) хурритов уже упоминают (под названием субареи, субир) шумеро-аккадские клинописные тексты. Следует указать, что само появление письменности датируется примерно этим временем и, таким образом, мы можем утверждать, что о хурритах писали в самых древних письменных источниках, известных на Земле. Это трудно объяснить исторически, но шумеры назвали свою страну тем же названием, каким они обозначали хурритов – Субир/Субер. Возможно, это обстоятельство каким-то образом связано с выявленным востоковедом И.М. Дьяконовым обширным слоем хурритской лексики в первичной шумерской терминологии, о чем мы скажем ниже.

Древнейшие хурритские государственные образования датируются последней четвертью II тысячелетия до н. э. В аккадской надписи, посвященной «богу Нергалу, владыке города Хавилума» упоминается хурритский царь, которого звали Аришена. Аришена и его предшественник Тишдаль называли себя царями городов Уркеша (в Верхней Месопотамии) и Навара (территория будущей Ассирии). Сохранилось еще одно имя хуррита Аришены, царя Карахара (в Загросе), датируемое тем же периодом. Во время их царствования хурриты разгромили Ашшур и другие староассирийские города и установили свое господство на среднем течении реки Тигр. Из Уркеша до нас дошла первая надпись на хурритском языке, датируемая XXII веком до н. э. и составленная жрицей по имени Тишари.

Цари Шумера и Аккада при III династии Ура (самый конец III тыс. до н. э.) предпринимают два похода на север, чтобы остановить экспансию хурритов, угрожающую самому существованию Южно-Месопотамской цивилизации, однако нам неизвестно, насколько успешными оказались эти походы. Известно только, что в 2004 (или 2003) году до н. э. хурриты (совместно с союзниками из государства Элам) под командованием Хутрантема, царя Симашки, вторглись в Шумер и захватили его столицу, город Ур.

В дошедшем до нас тексте «Плача о гибели Ура» так описывается этот захват:

*«Людьми, а не черепками покрыта окрестность,
Стены зияют, ворота и дороги завалены телами,*

*На улицах где собирались веселые толпы, разбросаны, они лежали,
На всех улицах и дорогах лежали трупы,
На открытых полях, что были пляшущими полны,
Кучами они лежали...
Кровь страны заполнила трещины земли, как медь свою форму,
Тела разлагались как жир на солнце...».*

Ур в течение еще нескольких поколений после этого лежал в руинах, а царь этого города Ибби-Суэн в оковах был уведен в плен. По-видимому, это была месть хурритов за предыдущие походы против них царей Шумера и Аккада.

В первой четверти II тыс. до н. э. появляется еще целый ряд хурритских государств – Шушарра, Аррапха, Уршу, Хашушу, Гаргамиш (Каркемиш), Ямхад (со столицей в городе Халпа), Хурри, Арцава, Киццуадна, Алзе, Куммухи, Аласия (на острове Кипр) и, наконец, государство Митанни, объединившее большинство этих и других государств в единую мощную державу – первую империю хурритов.

К моменту своей консолидации (XVIII век до н. э.) Митанни не имела соперников на Ближнем Востоке. Египет, как уже говорилось, был завоеван в 1700 году до нашей эры (вторжение хурритов-гиксосов), позднее были захвачены Вавилон и Ассирия, а Хеттская держава целиком находилась под политическим и культурным влиянием хурритов. Это была эпоха культурного и политического расцвета хурритов, пик их военного могущества, когда в течение нескольких столетий Митанни оставалась единственной великой державой древнего мира. Ниже мы изложим (по доступным нам сведениям) краткую историю возникновения, расцвета и падения Митанни.

IV

В глубокую древность некоторые природные материалы играли стратегическую роль, и борьба между народами за контроль над их месторождениями была не менее драматичной, чем ныне. Юлия Заблоцка пишет: «На рубеже XVII-XVI веков до н. э. в Верхней Месопотамии, в чрезвычайно запутанной политической и этнической обстановке, происходила интенсивная консолидация хурритов. Главной причиной перемен была резко возросшая потребность в меди, свинце и олове, к которым хурриты имели легкий доступ. Вавилония и Египет находились гораздо в худшем положении. Основные источники сырья находились в Анатолии, на Армянском нагорье и в Северной Сирии».

Как было уже отмечено, регионы Анатолии, Северной Сирии и Армянского нагорья, богатые месторождением металлов, необходимых для производства бронзы, с конца III тысячелетия до н. э. контролировались хурритами. Именно с этого периода хурриты включились в международную торговлю и образовали свои первые государства, в большинстве своем – полисы (города-государства). Великие державы того времени нередко совершали нападения на разрозненные хурритские города, предпочитая наживаться не торговлей с ними, а простым грабежом. Потребность в металлах возрастала непрерывно, грабежи становились все более жестокими. В этих условиях хурриты осознали все выгоды объединения в единое государство, чтобы сообща и организованно защищать свои города и месторождения металлов. Именно потребность хурритов охранять свои земли от грабительских вторжений и послужила причиной возникновения державы Митанни.

Египет был нейтрализован хурритским завоеванием 1700 года до н. э. и на целых 130 лет выключен из международной политики. В Сирии и Палестине безраздельно господствовали цари хурритского Ямхада, который затем стало называться царством Халиб (по наименованию столицы, города Халпа – современный Алеппо) и Алалаха на реке Оронт. Значительный процент жителей этих государств составляли и западные семиты. Уже в те времена в городах Сирии и Палестины существовало разделение функций: хурриты

осуществляли политическое господство и служили в армии, а семиты (предки финикийцев и древних евреев) занимались, в основном, ремесленным производством и торговлей.

В середине XVI века до н. э. хеттская армия во главе с Хаттусили I вторглась в Сирию и захватила Алалах и Уршу, лишив Хaleb выходов к Средиземному морю. Последовал страшный ответный удар – хурритская армия государства Ханигальбат (так семиты называли Митанни) двинулась в Малую Азию и завоевала почти все города и области хеттов, за исключением Хаттусы – родного города царя.

Неизвестно, кто был основателем царства Митанни и когда точно оно возникло. К тому времени, когда оно начало фигурировать в документах, царство Митанни было уже зрелым государством с укоренившимися традициями. Поэтому ученые относят его возникновение (на территории старого царства Хурри в бассейне реки Хабур) к периоду конца XVIII – начала XVII веков до н. э.

В 1595 году до н. э. хеттский царь Мурсили I (сын Хаттусили I), вновь объединивший хеттские области и города в единое царство, предпринял поход на Халиб в Сирии и на Вавилон, которому вновь угрожали захватом хурриты. Союзниками хеттов выступали малоазийские горцы-касситы, которым удалось захватить Вавилон и лишить власти царя Хаммурапи, знаменитого законодателя. Однако вслед за этим в Хеттском царстве начались внутренние раздоры и Митаннийское государство вновь усилило свое влияние в Малой Азии и Сирии.

Наиболее могущественным царем Митанни был Саусаттар (или Саусадаттар), носивший титул «царя Митанни, царя воинов Хурри». Следует отметить, что, в отличие от других царей-деспотов древнего Востока, власть хурритских царей ограничивалась функцией военных предводителей, и именно в этом смысле следует воспринимать титул Саусаттара «царь воинов Хурри» (т.е. хурритов). Митаннийские цари, таким образом, были чем-то вроде чеченских военных предводителей-бабчи, но в отличие от последних власть передавали по наследству. В то же время дворцы и дворцовое имущество митаннийских царей считалось общественным (государственным) достоянием, что также можно рассматривать как исключительное явление в истории древнего Востока, да и всего древнего мира, когда не только дворцы, но и сами страны с подданными считались имуществом царей. Саусаттару удалось добиться влияния в другом сильном хурритском царстве Аррапхе и объединить его с Митанни. Кроме того, Саусаттар заключил союз с хурритским царством в Малой Азии Киццивадной (Киццуватна) и подчинил себе хуррито-семитское царство Алалах в Сирии. Он же захватил и столицу Ассирии город Ашшур, посадив в нем на трон своего ставленника. Помимо этого, в состав Митанни вошли многие, в прошлом автономные, города в Малой Азии, Верхней Месопотамии и Сирии. Именно при Саусаттаре Митанни стала империей в полном смысле этого слова.

В конце XVI века до н. э. усилившийся Египет обращает свои взоры на восток. Впервые в истории этой древней страны египетская армия под командованием Тутмоса I достигает берегов Евфрата, однако митаннийские войска успешно отразили это вторжение. Война египтян и митаннийцев шла с переменным успехом целых сто лет и, наконец, между двумя державами установился мир, скрепленный браком фараона Тутмоса IV с митаннийской принцессой, дочерью царя Артадамы. Заключение этого мира объясняется тем, что к тому времени опять усилилась Хеттская держава (в ее армии, кстати, находилось немало этнических хурритов), представлявшая собой угрозу как для Митанни, так и для Египта.

В последующем происходит целая серия войн Хеттского царства с Митанни, в котором начинаются внутренние неурядицы и династические распри. Тем не менее, митаннийский царь Тушратта, опираясь на дружбу с Египтом, справился с Хеттской угрозой и сохранил могущество своей страны. Союз Митанни с Египтом был скреплен браком дочери Тушратты Таду-Хебы с фараоном Аменхотепом IV. Еще до прибытия митаннийской принцессы в Египет слава о ее красоте дошла до египтян и они нарекли ее именем Нефертити, что

означает «идет красавица». Интересно отметить, что, по мнению целого ряда историков, именно принцесса Нефертити склонила своего супруга-фараона к религиозным реформам, итогом которых стало введение в Египте монотеистического солярного культа Атона. После этого фараон Аменхотеп IV принял новое имя Эхнатон – «угодный Атону».

После смерти Тушратты начинается самый драматичный период в истории Митанни. Оттеснив от власти сына Тушратты Шаттивасу, на царский престол вступает престарелый и больной брат Тушратты Артадама II, давний его соперник. Но фактически страной правит сын Артадамы Шуттарна. В династические интриги вмешиваются хетты, а также хурриты из царства Алзи (долина реки Арацани, современная Мурадсу на Армянском нагорье). Помимо них, определенное влияние на событие в Митанни оказывает царство Ашшур (Ассирия), все еще находящееся в вассальной зависимости от хурритских царей.

Заключив под стражу большую группу знати – сторонников умершего Тушратты, Шуттарна, сын Артадамы II, пытается переслать их для заключения в Ашшур, но ассирийцы предпочитают пока не вмешиваться активно в митаннийские распри ввиду неопределенности ситуации. Тогда Шуттарна приказал казнить арестантов. Положение остальных сторонников династии Тушратты было трагическим – хетты открыто поддерживали Артадаму, который в знак благодарности позволял им хозяйничать в сирийских провинциях Митанни.

Сын Тушратты Шаттиваса, законный наследник митаннийского престола, спасаясь от начавшихся репрессий со стороны узурпаторов, собрал своих сторонников и вместе с ними, на двухстах боевых колесницах, тайно бежал в хурритскую Аррапху, надеясь на поддержку. Но жители Аррапхи, подчинившись категорическому ультиматуму Артадамы и его сына Шуттарны, отказались помочь опальному принцу и тот отправился к касситам, давним союзникам хеттов и, соответственно, врагов хурритов. Из последующих событий становится ясно, что касситы ложными посулами заманили Шаттивасу в ловушку.

Злоключения брата Нефертити продолжались – касситский царь вероломно напал на людей Шаттивасы, когда они устроили привал неподалеку от границ его страны. Произошла жестокая схватка, в итоге которой почти все хурриты были убиты. Однако они ценой своих жизней спасли принца и дали ему возможность спастись. И, в сопровождении всего двоих воинов-телохранителей, на одной единственной колеснице, не имея даже сменной одежды, Шаттиваса прибыл к хеттам – своим заклятым врагам. И тут ситуация изменилась почти как в сказке: хетты встретили беглеца по-царски, хеттский владыка Суппилулиума выдал за него замуж свою дочь и предоставил в его полное распоряжение многочисленное войско во главе со своим сыном.

Шаттиваса двинулся в сторону Вашшуканне. Высланные ему навстречу митаннийские войска переходили на сторону законного наследника трона, не желая проливать кровь за узурпаторов. Наконец, перед стенами Вашшуканне произошла битва хеттской армии с преданными Артадаме войсками. Шаттиваса одержал решительную победу и с триумфом вступил в столицу страны. Победив, царевич проявил редкое по тем временам великодушие – он не только не казнил своего вероломного дядю, который к тому времени был очень стар, но и оставил его на троне, и принял царскую власть лишь после его смерти.

Между тем, итогом всей этой романтической истории явилось то, что царство Митанни потеряло свое былое могущество – на западе возобладали хетты, на востоке поднялась Ассирия, прежде до крайности утесненная хурритами. События, описанные выше, произошли в 1359-1360 годах до н. э., а через сто лет усилившаяся Ассирия завоевала Митанни и владела ею вплоть до своей собственной гибели. Падение Митанни возвестило рождение новой сверхдержавы Древнего Востока – Ассирии.

V

Мы видели, что политическое влияние хурритов на древнем Ближнем Востоке было весьма значительным. В разное время они завоевывали и им подчинялись практически все

великие государства древнего мира – Египет, Хеттия, Ассирия, Вавилон и даже Шумер. Естественно, что народ, обладавший такой активностью, не мог не оказать на своих соседей и культурного влияния. И теперь мы вкратце остановимся на этом вопросе.

Культура хурритов важна для нас и как совокупность признаков, по которым мы можем дополнительно (к языковым сопоставлениям) обосновать их родство с вайнахами.

Хурриты, как уже отмечалось, изначально были горцами. Жили они в многоярусных каменных башнях, называвшихся *burgana* – название, удивительно созвучное германскому термину «*burg*» – крепость, замок. На нижних этажах башен содержался домашний скот. Такие же башни до сих пор широко распространены и на Центральном Кавказе. Многие специалисты отмечают, что очагом зарождения кавказской башенной культуры являлась страна вайнахов, которую до сих пор часто называют «страной башен». По мнению ряда ученых, в частности, И. М. Дьяконова, хурритские башни типологически и функционально весьма близки к вайнахским.

Широкое распространение хурритов по всему древнему Ближнему Востоку привело к тому, что в III – II тыс. до н. э. они оказались соседями многих народов и племен, находившихся на различных ступенях цивилизованности. Соответственно, различались между собой и отдельные группы хурритов, разбросанные на обширных территориях Сирии, Палестины, Анатолии, Междуречья, Армянского и Иранского нагорий, Кавказа и Европы (Кипр, Сардиния, Италия и т. д.). Некоторые из этих групп сложились в самостоятельные этносы, чье происхождение от хурритов доказывается лишь тщательными историко-лингвистическими изысканиями (например, этруски), некоторые смешались с индоевропейскими (хетты и лувийцы) и семитскими (ассирийцы) народами, потеряв свой язык, но привнеся в культуру этих народов отчетливо различимый отпечаток своей этнической индивидуальности.

Влияние хурритов явственно обнаруживается еще в древнейших месопотамских цивилизациях, в частности, в шумерской (период III династии Ура). В большинстве случаев шумеры заимствовали у хурритов тексты с заклинаниями против различных несчастий, приемы гадания и магию. Интересно, что хуррито-урартское слово *пал* – «знать», «ведать» имело в древности такое значение, как и современное вайнахское *пал* – «гадание» и производное от этого слова «*пел-хо*» – «маг», «чародей».

Жители Шумера и Аккада переняли от хурритов немало терминов культурно-хозяйственного значения. К примеру, хурритское слово «*аццами*», что значит «жрец», попало в шумерский язык в виде «*ацу*» – «жрец». Это слово сохранилось и в вайнахском: *ц1у* – «языческое божество». Хурритское «*зид*» – «женщина» и аккадское «*зидури*» в том же значении сохранилось в вайнахском *зуд* – «женщина», *зудари* – «женщины». Хурритское «*каккари*» и аккадское «*каккару*» в значении «лепешка, хлеб», возможно, сохранилось в вайнахском *хъаккхар* – «тесто». Хурритское «*чари*» – «кольчуга» и аккадское «*ширийам*» в том же значении сопоставляются с вайнахским словом *ч1ор* (чкьор) – «скорлупа, кора». Хурритское «*хуради*» – «воин» почти без всяких фонетических и семантических изменений попало в аккадский словарь («*хураду*» – «воин»).

Это не все. Шумерское слово «*ансе*» – «лошадь», «осел» заимствовано из хурритского «*эсе*» – «лошадь». Особенно много заимствовано из хурритского языка растительных терминов. Хурритское *амурд* – аккадское *амурдину* – «барбарис» (ср. с вайнахским *муьрг* – «калина»); хурритское *хинцори* – шумерское *хасхур* – «яблоня» (ср. с вайнахским *хъамц* – *мушмула*); хурритское *таскар* – аккадское *таскаринну* – *бук* (ср. с бацбийским *стагар* и чеченским *стайр* – «платан»); хурритское *сенн* – аккадское *шеннуру* – «слива»; хурритское *зилумба* – шумерское *зулумма* – «финик» (ср. с чеченским *ц1олам* – «заросли, кустарник»); хурритское *асу* – аккадское *асуху* – «ель»; хурритское *цар* – аккадское *царцару* – «роща» (ср. с чеченским *сара* – «прут, ветка»); хурритское *кири* (кирийанне) – аккадское *кирийанне* – «сосновая шишка»; хурритское *канаги* – аккадское *канагитхи* – «мастика, смола»; хурритское *карахи* – аккадское *карапху* – «поле под паром» и т. д.

Все эти и многие другие заимствования свидетельствуют о том, что хурриты не только являлись древнейшим народом Ближнего Востока и Кавказа, но и не уступали в культурном отношении своим цивилизованным южным соседям в Междуречье. В контексте культурного влияния хурритов на своих соседей особого внимания заслуживает этимология имени главного божества вавилонского пантеона Мардука, почитание которого уходит вглубь времен, в эпоху III династии шумерского Ура (XXII век до н. э.). Исследователи подразделяют имя этого божества на две части – мар и дуку. При этом Мар-Дуку переводится как «сын Дуку».

Однако в языке вавилонян, насколько нам известно, отсутствует слово мар в значении «сын». Зато это слово хорошо известно в хурритском, где оно обозначает «знатный человек», «мужчина». Что касается слова «дуку», то им шумеры называли «священный холм», «жилище богов». По-вайнахски дукъ – «горный хребет». Это слово не найдено пока в хурритских текстах, но если вспомнить, что из всего богатейшего хуррито-урартского языка нам известно всего несколько сотен слов, то нельзя исключить наличие в нем и этого слова в отмеченном значении. Подобное предложение основано на наличии многочисленных хуррито-урартских топонимов с корнем «дук» (дуку) в горах Иранского и Армянского нагорий и Малого Кавказа. Поэтому не исключено, что теоним Мар-Дук имеет хурритское происхождение и означает не «сын Дуку», а «человек Дуку», «человек священной горы, обители богов».

В связи с историей хурритов большой интерес представляет личность пророка Авраама (с.а.), почитаемого во всех трех монотеистических религиях. Долгое время считалось, что древнейшее самоназвание евреев связано с именем Авраама и/или его предка Эвера. Буквальное же значение слова «иври» трактовалось как «перешедший» (от корня ивр «перейти»), то есть, по смыслу, как «пришелец с той стороны реки Евфрата» или «находящийся по другую сторону от всех народов». Однако в последнее время ряд еврейских ученых выдвигает предположение, что самоназвание евреев, как и имена праотцов евреев (Авраама и Эвера) происходят от хурритского термина «эври», которым обозначали главу общины. Таким образом, «Аврам/Авраам» воспринимается в качестве хурритского титула, звания, и дает возможность определить этническую принадлежность «общины Авраама», которая, судя по Библии, вышла из шумерского города Ур, чтобы переселиться в хурритский город Харран, а оттуда двинулась в Палестину (Ханаан), где впоследствии подверглась семитизации. Следует указать, что патриарх – «эври» был у хурритов не только главой рода, общины, но и выполнял священнические функции, что, в целом, совпадает с функциями «царя и главного священника» в одном лице, которые в своей общине выполнял Авраам (с.а.).

По всей видимости, пришельцы из Ура и Харрана во главе с Авраамом (с.а.) попали в Палестине в финикийскую (западносемитскую) языковую среду. Потомки же общины Авраама (с.а.), восприняв со временем финикийский язык, все же сохранили какие-то ментальные и диалектные отличия от последних, хотя древние авторы с трудом отличают евреев от финикийцев, чаще всего воспринимая их как один и тот же народ. Так, эпический поэт Херил Самосский (VI-V вв. до н.э.) жителей Иерусалима называет финикийцами, и их язык – финикийским. Философ Теофраст (IV-III вв. до н.э.), напротив, жителей финикийского города Тира называет евреями.

Обращает на себя внимание также хурритское (и нахское) звучание названия города, из которого вышел Авраам – Ур. Это название, как известно, в шумерском означает «город». Бросается в глаза связь этого названия с вайнахским термином урам – «улица» (первоначально «группа домов», «поселение», «квартал»). Происходит этот термин от корневой основы уйр – «связь», «родственные узы». Учитывая, что первоначально поселения, в том числе и вайнахские, были родовыми, понятия «родственные узы», «поселение», «город», «улица», «квартал» и т.д. объединены в ассоциативный блок терминов, среди которых находит свое место также и шумерское слово ур – «город».

Сказанное заставляет по-новому взглянуть на распространенный в Чечне и Ингушетии термин «юрт», который принято воспринимать как заимствование из тюркских языков. В свете древневосточных сходжений и нахских этимологий такое мнение, по крайней мере, спорно. Укажем также на то, что и нахский термин «эвл»/«ойл» («село») связан, вероятно, не с тюркским «аул»/«аил», а с детерминативом «ALU» в значении «город», «село», «населенный пункт», который употреблялся во всех древних клинописных текстах, в том числе и в хуррито-урартских. Нахская этимология этого термина связана, по нашему мнению, с понятием «алу» – «очаг». В обоих рассмотренных случаях вполне допустимо предположить, что эти термины заимствованы прототюрками из древнего ближневосточного региона.

Истоки нартского эпоса

Проблема происхождения Нартиады представляется весьма сложной. Существующие ныне версии генезиса нартского эпоса подчас взаимно исключают друг друга (иранская: В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль, Ю.С. Гаглойти, Т.А. Гуриев и др.; абхазо-адыгская: Е.М. Мелетинский, А.А. Аншба, Ш.Д. Инал-ипа, А.М. Гадагатль и др.). Прослеживались также попытки найти компромисс. Так, Е.М. Мелетинский, М.А. Кумахова, З.Ю. Кумахов, в разное время В.И. Абаев предлагали считать, что имели место два центра формирования нартского эпоса – осетинский и абхазо-адыгский. Существенно отметить, что во всех случаях вайнахи, балкарцы и карачаевцы исключаются из круга возможных создателей эпоса.

Ряд других ученых (Е.И. Крупнов, А.А. Петросян и др.) ставят вопрос шире, увязывая возникновение эпоса с пракавказской этнической общностью – основой формирования современных автохтонных народов региона. Наконец, Вяч.Вс. Иванов, В.Г. Ардзинба и с различными оговорками В.А. Кузнецов предлагали искать создателей нартского эпоса за пределами Кавказа – среди древних хурритов и хаттов.

Выявление первоначальной основы, ядра нартского эпоса может в немалой степени содействовать решению проблемы происхождения и древнейшего этапа генезиса этого замечательного памятника устного творчества народов Кавказа. В этой связи хотелось бы прокомментировать интересный анализ некоторых мотивов Нартиады, произведенный В.Г. Ардзинба, и дополнить этот анализ своими соображениями.

Во всех вариантах Нартиады присутствуют следующие устойчивые мотивы: рождение героя из камня, борьба нарттов с небожителями и похищение огня. Рассмотрим эти стержневые мотивы и поищем им аналогии в мифологиях древних народов.

В.Г. Ардзинба сопоставил мотив рождения героя из камня с хурритским мифом о рождении из скалы мощного исполина Улликумми.

Известен также фригийский миф, изложенный Арнобием, повествующий о том, как Зевс, домогаясь взаимности Кибелы, сочетался с камнем, отчего на свет появился Агдистис – двуполое существо.

Что касается мифа о рождении из скалы Митры, записанного Псевдо-Плутархом в Закавказье, то отсутствие аналогичного сюжета в традициях классического митраизма наводит на мысль о местном, кавказско-малоазийском происхождении и последующей трансформации этого мифа.

Следующим сюжетом, распространенным во всех национальных версиях Нартиады, является похищение огня. Близкую аналогию этому мотиву мы находим в известном греческом мифе о Прометее. Особая близость проявляется между образами титана Прометея и чеченского нарта Пхармата (пхар – «мастер», мат – «священный»), похитившего огонь у громовержца Селы (Стелы). В обеих легендах – греческом и чеченском – совпадает почти все, вплоть до мелочей. То обстоятельство, что в греческом мифе Прометей оказывается прикованным к скале на Кавказе, показывает, по мнению ряда ученых, на кавказское происхождение этого предания.

Мотив похищения огня, очевидно, является составной частью идеи борьбы с небожителями, которая пронизывает весь эпос о нартах. Нарты, в конце концов, гибнут в этой борьбе, или оказываются заключенными в глубоких подземных пещерах. Здесь напрашивается аналогия с титанами, которые, сразившись с богами Олимпа, частью погибли в этой войне, а частью были заключены в бездонный Тартар. Эпизод с десятилетней войной между олимпийскими богами и титанами является частью более обширного мифического повествования о борьбе и смене богов, изложенного в «Теогонии» Гесиода. По всеобщему признанию, миф о борьбе и свержении младшими поколениями богов старших заимствован древними греками у хурритов – вероятно, через хеттское посредничество. Это отмечают

такие ученые как Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов, В.Г. Ардзинба, Й. Лукач, И. Тренчени-Вальдапфель, Г.Г. Гютерброк, С.А. Токарев и др.

В греческом мифе первым среди богов воцарился бог неба Уран. Младший сын Урана Кронос свергает отца и занимает его место. Затем сын Кроноса, Зевс, свергает отца и воцаряется на Олимпе. По хурритскому мифу первым царем среди богов стал бог неба Ану, которого свергает его сын Кумарби, чтобы самому взойти на трон. Затем сам Кумарби становится жертвой переворота: его свергает сын Тейшуб, который занимает главное место в хурритском пантеоне.

На стороне Кроноса в его борьбе с Зевсом выступают могучие титаны и Зевс со своими братьями и сестрами с величайшим трудом побеждает их и низвергает в мрачный Тартар. Кумарби для борьбы с узурпатором Тейшубом порождает из скалы каменного исполина Улликумми и лишь в результате невероятных усилий богам удается уничтожить его.

Как уже отмечалось, между чеченской легендой о нарте Пхармате и греческим мифом о Прометее существует глубокая связь. Поскольку в обозримом прошлом вайнахи не контактировали с эллинами, общие истоки этих двух сюжетов следует искать в той этнической общности, которая тесно взаимодействовала как с древними греками, так и с предками вайнахов. Такой этнической общностью, вероятнее всего, были хурриты, занимавшие сплошным расселением или анклавами обширные территории от кавказских гор до средиземноморского побережья и некоторых островов в море. Ряд ученых (С.А. Старостин, С.Л. Николаев В.Э. Орел, Вяч.Вс. Иванов) считает, что хурритами по происхождению были и этруски, много веков контактировавшие с греками, проживавшими на Апеннинском полуострове и в Сицилии.

В вайнахском языке выявлен довольно обширный слой лексики, имеющий убедительные сходства с хуррито-урартским языком. Работы таких ученых как И.М. Дьяконов, Ю.Д. Дешериев, А.П. Новосельцев, А.Ю. Милитарев, С.А. Старостин и др. убедительно обосновывают теорию о генетическом родстве и общности происхождения вайнахских и хуррито-урартских языков и, следовательно, их носителей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие хурритские мифы нашли свое отражение в вайнахском фольклоре.

Что касается культурных контактов хуррито-урартских народов с древними греками, то здесь прослеживается несомненное влияние первых на вторых. Помимо мифологических заимствований из хурритского в греческий, эллины, как отмечал урартолог Б.Б. Пиотровский, восприняли у хуррито-урартийцев архитектурные стандарты в строительстве храмов, предметы вооружения (в частности, шлемы с гребнями), культовые атрибуты, традиции скульптуры и т.д. Более того, в древнегреческом языке выявлен довольно обширный пласт заимствований из северокавказской семьи языков (С.Л. Николаев), в которую в единой группе с нахскими входят и хуррито-урартские языки. Без какого-то общего для обоих народов источника столь разительное совпадение вайнахского и греческого мифов о похищении огня трудно объяснить. Поэтому вполне закономерно предположить, что именно из древнейших мифологических традиций Ближнего Востока, где многие столетия подряд отмечено политическое и культурное доминирование хурритов, мотив похищения огня распространился как на север, на Кавказ, так и на запад, в греческую среду.

Прежде чем непосредственно обсудить возможность «трансплантации» некоторых древнейших мотивов хурритских мифов на Кавказ, попробуем более детально разобраться в образе каменного исполина Улликумми.

Известно, что в историческом прошлом народы давали своим реальным или эпическим героям прозвища, связанные с местом их рождения или совершения подвига. Исходя из такой предпосылки, попробуем разобраться в значении имени Улликумми. Прежде всего отметим, что бог Кумарби породил этого каменного великана с определенной целью:

«Кумарби в душу свою мудрость вбирает.
Как злодей он День дурной породит.
Он против бога Грозы зло замышляет:
Он соперника богу Грозы породит».

Так начинается «Песнь об Улликумми». Из приведенного отрывка следует, что Кумарби породил мстителя, который должен расплатиться с его сыном Тейшубом, свергнувшим отца и узурпировавшим трон богов. Когда новорожденный малыш был извлечен из скалы, Кумарби подбирает ему имя, вкладывая в него ясный смысл:

«Как мне сына назвать,
Что богини Судьбы и богини-защитницы дали мне?
Он из чрева родного, как меч, при рождении прыгнул,
Пусть идет он. Его назову Улликумми.
Пусть на небо идет он и станет царем.
Славный город Куммия Улликумми растопчет,
Улликумми ведь бога Грозы поразит...».

Итак, предназначение Улликумми – уничтожить город Куммию и свергнуть бога грозы Тейшуба. Город Куммия реально существовал в хуррито-урартском мире. По мнению Б.Б. Пиотровского, он считался древнейшим центром, связанным с культом бога Тейшуба, то есть являлся как бы «местом обитания» Тейшуба. Английский ученый О.Р. Герни, выявляя степень влияния хурритской мифологии на хеттскую, замечал, что имя Улликумми может означать «разрушитель Куммии», или что-то в этом роде. Во всяком случае, в перечне известных нам мифов о рождении героя из камня хурритский миф об Улликумми – самый ранний. Исходя из этого обстоятельства, мы можем с высокой долей вероятности считать, что именно от хурритов этот миф распространился на Кавказе и вошел в нартский эпос.

Таким же образом можно объяснить и появление на Кавказе термина «нарт», по расшифровке которого предложено не менее десятка различных вариантов. Между тем, еще в 1925 году С.М. Ашхацава сопоставил слово «нарт» с Наири – древним названием той территории, на которой обитали хуррито-урартцы, которое впервые фиксируется в ассирийских надписях второй половины II тыс. до н.э. Через пять лет эту же версию выдвинул В.А. Алборов. В 1976 году Ш.Х. Салакая снова вернулся к этой версии. Однако наиболее обоснованной представляется версия, которую выдвинул В.А. Чирикба, который сопоставляет термин «нарт» с хуррито-урартским словом «нара» («народ», «люди», «племя»).

Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что основные мотивы, присутствующие во всех национальных версиях Нартиады, как и само название «нарт», имеют хорошо прослеживаемые связи с хуррито-урартским миром. И поэтому хуррито-урартская версия происхождения нартского эпоса имеет право занять подобающее ей место в ряду самых основных и самых аргументированных версий генезиса Нартиады.

Теперь несколько слов относительно датировки некоторых древнейших сюжетов нартского эпоса. У разных исследователей время возникновения эпоса или основного его ядра варьируется от эпохи бронзы до средневековья, то есть расхождение составляет около 4 тысяч лет. Хотелось бы в этой связи обратить внимание нартоведов на следующие обстоятельства.

В осетинском варианте эпоса упоминается странное астрономическое явление:

«Свершилось вдруг неслыханное чудо:
Взошли два солнца в небе изумрудном.
И вот, как два единокровных брата

Остановились над землею нарттов».

Предания о двух солнцах известны из мифологии многих древних народов и долгое время их считали вымыслом. Однако в 1912 году среди клинописных табличек в Вавилоне был обнаружен звездный каталог, восходивший еще к шумерам, и в нем упоминалась ныне неизвестная «гигантская звезда» на границе созвездий Паруса и Кормы. В 1968 году австралийские астрономы, направив радиотелескоп в этот сектор неба, нашли там пульсар (PP0833-45) – след колоссального небесного взрыва сверхновой звезды. Находясь сравнительно близко от Земли и довольно низко над горизонтом, это внезапно вспыхнувшее светило, по мнению специалистов, в течение долгих месяцев вполне могло соперничать с солнцем по своей величине и яркости. Взрыв этот, по расчетам астрономов, произошел в промежутке между VI и IV тыс. до н.э.

Возвращаясь к мифу о борьбе олимпийских богов с титанами, выступившими на стороне свергнутого Зевсом Кроноса, аналогии которой обнаруживаются как в хурритской мифологии, так и в нартском эпосе, укажем, что и в этом случае ареной действий греческих мифов является Кавказ. Так, античный автор Ферекид, повествуя о битве Зевса со стоглавым чудовищем Тифоном, рассказывает, что преследуемый Зевсом Тифон «бежал на Кавказ и оттуда, когда эта гора загорелась, бежал в Италию». Гора Кавказ (Эльбрус), как известно, является «спящим» вулканом. В историческом прошлом последнее ее извержение происходило во II в. н.э. Но, поскольку Ферекид жил в V в. до н.э., под «горящим Кавказом» он, очевидно, подразумевал более древнее извержение Эльбруса, которое произошло около XIII в. до н.э. Таким образом, у нас есть убедительное доказательство того, что многие греческие мифы, так или иначе связанные сюжетно с Нартиадой, имеют кавказское происхождение или, по крайней мере, тесно связаны с Кавказом. Причем, связи эти уходят в глубокую древность и прямо или опосредованно приводят нас в хуррито-урартскую и нахскую этническую среду.

Одиннадцать признаков Дюмезиля

Корни возникновения нартского эпоса уходят в далекую древность. Исследователь пишет: «Раньше всех работа по изучению нартского эпоса развернулась в Осетии, и уже в 20-е годы XX в. осетинский вариант эпоса был опубликован с наибольшей полнотой, в то время как другие национальные версии эпоса были известны в меньшей степени». Как отмечает далее тот же автор, «появление доказательств о широком бытовании нартского эпоса и у других народов Кавказа... воспринималось как факт культурного заимствования».

В.И. Абаев определял время зарождения нартского эпоса по периодам с VII-VI вв. до н.э. до XIII-XIV вв. н.э., то есть со времени появления в Предкавказье скифов до окончательного формирования осетинского этноса. Е.И. Крупнов относил время появления основного ядра эпоса к IX-VIII вв. до н.э. Если В.И. Абаев исходил из как бы само собой подразумевающегося авторства в создании эпоса ираноязычных кочевников, то Е.И. Крупнов в своей датировке руководствовался временем появления на Северном Кавказе коневодства, учитывая при этом, что «даже по абхазскому эпосу (наиболее архаичному), нарт Сосрыква появился вместе с крылатым конем «карашем». Однако известно, что коневодство появилось на Кавказе, в том числе и на Северном, уже в эпоху куро-аракской культуры, то есть на 2 – 2,5 тысячи лет ранее, и поэтому главный признак, по которому Е.И. Крупнов датировал возникновение нартского эпоса, не отражал в его время тех археологических данных, которые стали известны ныне.

Вопрос датировки нартского эпоса тесно связан с вопросом о его создателях. Французский ученый Жорж Дюмезиль выделил 11 признаков, которые, по его мнению, «неопровержимо доказывают» иранское происхождение Нартиады. Проанализируем каждый из этих признаков и посмотрим, столь ли они неопровержимы, как полагал французский исследователь.

1.

Нарты проводят жизнь в набегах, разнообразя ее охотой на диких животных. Нарты очень любят коней, причем эти кони обладают волшебными свойствами. Характерно, что кони достаются юным нартам в наследство от отцов и они должны приручить этих благородных, но диких и свирепых животных в доказательство того, что сыновья достойны славных отцов. Сравнивая эти особенности жизни нартов с описанием алан, принадлежащим перу Аммиана Марцеллина, Ж. Дюмезиль уверенно ставит между ними знак равенства.

Однако, если мы возьмем в руки любой сборник вайнахских преданий, легенд или эпоса, мы в изобилии встретим на его страницах и описания странствий, и описания набегов, и всякие охотничьи приключения. А сюжет с волшебным конем, достаемым юному Сыну Вдовы в наследство от славного отца, настолько распространен в вайнахском фольклоре и эпосе, что составляет одну из характернейших их черт. Причем, конь, который много лет стоял в темном подземелье или пещере, свирепо бросается на юношу, но после того, как он усмирит и оседлает его, начинает преданно служить юному герою, помогая ему выпутываться из всяческих передряг.

2.

«Нарты дьявольски воинственны, и их самая постоянная черта в том, что они не ведают страха смерти. Среди них встречается даже мать-спартанка», – отмечает Ж. Дюмезиль и далее приводит для сравнения слова Аммиана Марцеллина, относящиеся к аланам: «...у них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов...».

Боевые качества и храбрость горцев Кавказа отмечены многими исследователями, в том числе и самим Ж. Дюмезилем. Весьма точно выразился в этом отношении русский автор XIX века Н. Семенов: «В пору агнатических союзов образ мужчины-воина, дружинника, защитника союза, поднимается на степень всеобщего народного идеала, накладывающего свою печать на всю жизнь во всех ее проявлениях. Как должен был рисоваться этот образ перед умственным взором древнего кавказского горца, – об этом мы можем судить по воззрениям чеченцев, народа, весьма слабо поддающегося влиянию времени и обстоятельств. Истинный воин, по этим воззрениям, прежде всего должен обладать всеми свойствами и качествами воина героической эпохи человечества; он должен быть очень равнодушен к жизни, должен любить не мир и покой, а всякого рода опасности и бранные тревоги, должен быть отважен, непоколебимо тверд, терпелив и вынослив».

А что касается образа матери, жены, сестры или невесты, благословляющей воина на ратный подвиг, то он распространен во всем мире, в том числе и среди вайнахов. «Глубокоуважаемой и мудрой гражданкой страны, а нередко и храбрым воином предстает перед нами чеченская женщина во многих сказках и поэмах, которые сохранились в памяти народа. В них мы встречаем образ гордой и требовательной девы, умеющей постоять за себя и заставляющей уважать себя», – пишет исследователь. Другой автор отмечает, что «в фольклоре вайнахов девушка (мать, сестра) довольно часто выступает в роли кровного мстителя за убийство отца, брата, любимого». Одним словом, Ж. Дюмезиль не заметил, что характер нартов буквально скопирован с характера кавказских горцев, в том числе и вайнахов.

3.

Ж. Дюмезиль сравнивает обычай нартов скальпировать убитых врагов с аналогичным обычаем скифов, описанным Геродотом. Однако самые архаичные предания и легенды вайнахов доносят до нас подобный же варварский обычай. Подобный трофей на чеченском языке именовался «цет» («цѣт»).

4.

Священное отношение к очагу и очажной цепи, клятву, которую нарты произносят, держась рукой за очажную цепь, и которая считается нерушимой – все это Ж. Дюмезиль сравнивает с обычаем скифов клясться богами царского очага, описанным Геродотом. Священное отношение к очагу, огню, обычай клясться огнем и очажной цепью – все это существовало и у вайнахов и детально описано в научной литературе.

5.

В пятом пункте сравнений Ж. Дюмезиль довольно долго описывает способы гадания, существовавшие как у скифов, так и у осетин. Способы эти столь многочисленны и разнообразны, что им просто невозможно не найти аналогий у любого, названного наугад, народа. Большинство описанных Ж. Дюмезилем способов гаданий известны также и вайнахам.

6.

Ж. Дюмезиль, берясь за очередную «привычку» нартов, пишет: «тема маленького ребенка, который причиняет боль своей матери, чтобы вынудить ее открыть имя убийцы отца, довольно распространена на Кавказе». Здесь нечего добавить.

7.

В седьмом пункте своих сопоставлений Ж. Дюмезиль сравнивает похоронные обряды осетин и скифов. Не совсем ясно, причем тут нарты, о которых в данном случае вообще не говорится ни слова.

8.

В следующем пункте Ж. Дюмезиль возвращается к теме коня. Сравнивая обычай скифов хоронить лошадей вместе с хозяином с эпизодом проникновения раненного Созырыко в подземное царство при помощи выпотрошенного коня, Ж. Дюмезиль считает, что у этих мифологических мотивов есть что-то общее. Трудно судить.

9.

Ж. Дюмезиль обращает внимание на обычай отрубания поверженным врагам руки, существовавший как у скифов, так и у нартов. Такой же обычай существовал и у кавказских народов, в том числе и у вайнахов.

10.

«Волшебная чаша нартов», указующая героя, сравнивается с обычаем скифов преподносить на пиру первую чашу герою, отличившемуся в битве. В глубокую доисламскую старину у вайнахов существовал обычай, в соответствии с которым девушка подносила кубок герою, отличившемуся в бою.

11.

Ж. Дюмезиль описывает обряд братания у осетин: «У осетин обряд братания следующий: наполняют чашу водкой или пивом, бросают туда монету и пьют каждый по три раза, клянясь друг другу в верности». Этот обряд сравнивается не с чем-то конкретно, а с характерной чертой скифов соблюдать верность в дружбе. Но соблюдать верность в дружбе было свойственно не только скифам, но и любому другому народу, а осетинский обряд братания точно соответствует чеченскому, который описывается этнографом так: «Обряд совершения братства был таким: двое желающих побрататься пили пополам стакан вина или молока, в который бросали серебряную или золотую монету».

Как мы видим, у Ж. Дюмезиля было очень мало оснований считать, что обычаи и нравы нартов отражают обычаи и нравы скифов и алан. Характер нартов – это характер кавказских горцев, от которых, несомненно, ираноязычные предки осетин позаимствовали, в числе многих других культурных аспектов, и эпос о нартах.

Легенды в истории, или история в легендах

Старинные вайнахские летописи (тептары) повествуют, что «предки племени Нахчу» в далеком прошлом переселились на Кавказ из Сирии («страна Шам»). В летописи, переведенной с арабского на русский и опубликованной в 1895 г. Н. Семеновым, выделяется следующий маршрут продвижения переселенцев: Сирия – Нахчуван – Эрзерум – Халиб – Абазак – Нашах. Это продвижение, судя по тексту тептара, длилось несколько столетий. Предки нахчу надолго оседали по пути своего продвижения, вступали в конфликты или родство с народами, встречавшимися им по пути, основывали селения и воздвигали башни.

Сирия (Шам) была заселена хурритами – народом, родственным нахам – в середине III тыс. до н.э. Эту страну хурриты называли Сур, то есть словом, обозначающим понятия «запад», «вечер», «закат». Аналогичное значение слово «сур/суьйре» имеет и в нахских языках. Современное наименование Сирии происходит от этого древнего хурритского названия. Древнейший город, основанный хурритами в Сирии, назывался Халпа (современный Алеппо, Халеб). Название этого города и на хуррито-урартском, и на нахских языках означает «верхний город/поселение» (хьал – «верх», «верхний» и пха – «поселение»). За свою длительную историю хурриты и урартийцы основали немало городов с названиями аналогичного типа: Цал-па («соленый город», «место добычи соли»; слово «соль» в этом названии – хеттское), Арра-пха («равнинный город», «поселение на равнине»), Туш-па («укрепленный город», «поселение-твердыня») и т.д. Следует уточнить, что в библейской трактовке «страна Шам», «земля Шам» – это «священная земля», некая сакральная местность, располагающаяся в регионе древнего Ханаана. Поэтому сведения из чеченского тептара можно трактовать таким образом, что какая-то часть предков «племени Нахчу» переселилась на Кавказ из «священной земли», то есть из древнего Ханаана.

В конце III тыс. до н.э. (XXII-XXI вв.) хурриты вторглись в Закавказье и дошли до его центральных районов. Эта экспансия, хорошо установленная с помощью археологических раскопок, привела к тому, что значительная часть центральных и западных районов Закавказья оказалась северной окраиной мощной хурритской державы Митанни, которая сложилась в начале II тыс. до н.э. (предположительно в XIX-XVIII вв.). Сами хурриты называли эту обширную державу «Меттане» («страна») и, судя по египетским текстам, «Нахарина», что можно перевести как «край/страна нахов». Название «Меттане» также имеет аналогии в нахских языках, где термины метте, меттане означают «место», «местность», «край». На примерах таких древних народов как шумеры, аккадцы, эламиты и др. мы знаем, что в те далекие эпохи народы и племена места своего обитания часто называли нарицательным термином «страна», а свои этнические самоназвания составляли из слов, обозначающих «люди», «мужчины».

Относительно названия «хуррит» можно сказать, что оно по авторитетному мнению И.М. Дьяконова сложилось из термина «хурри», что значит «утро», «восход», «восток». Выходит, что этноним хуррит означает «восточный народ», «народ восхода». По мнению многих специалистов-языковедов, слово «хурри» родственно вайнахскому «Юьйре» – утро, восход.

Нахчуван, упоминаемый в тептаре, имеет реальную географическую привязку. Это древнее поселение до сих пор существует в Турции, в Кагызманском районе Карсской области. Еще один город Нахчеван был известен в древности около озера Урмии на территории хурритского государства Мана (или, по-другому, Матиена). Это государство – ровесник Урарту, пережило последнее и впоследствии вошло в состав Мидии, а затем и Персидской державы.

Третий населенный пункт с подобным названием – азербайджанский город Нахичевань (Нахчеван), в армянской традиции связывался с древнейшим периодом истории человечества и основателем его считался библейский Ной (по-еврейски Ноах). Историк Левон Бабахян

писал, что еще задолго до новой эры Нахчеван был процветающим городом и печатал свою монету со словом «нахче». Четвертый Нахчеван – крепость в Кахетии, упоминается в грузинских хрониках IX-XI вв. Эта крепость принадлежала нахоязычным цанарам – сильному народу, жившему, согласно сведениям средневекового арабского историка и географа Аль-Масуди, на территории от Тбилиси до Дарьяльского прохода.

Все эти четыре Нахчевана располагались на территориях расселения хуррито-урартских и нахских племен, и их название расшифровывается как «поселение нахче». Наличие в Закавказье таких топонимов как Ереван (урартское Эребуни) – «поселение эров»; Шарван (с XV века Ширван) – «поселение шаров»; Гурдживан – «поселение грузин»; Курдиван – «поселение курдов» и т.д. свидетельствует о том, что подобные названия давались по этническому признаку. Поэтому мы с полной уверенностью можем перевести название Нахчеван как «поселение нахче».

Город Эрзерум – следующий пункт, упоминаемый в тептаре, до эпохи раннего средневековья носил название Арзу – «орел». В VII веке этот город был сожжен арабами и после восстановления стал называться Арзерум, то есть «Арзу римский (византийский)». Слово «арзу» имеет чрезвычайно древнее происхождение, оно известно из хуррито-урартских клинообразных надписей и означает, как и в вайнахском, «орел». Город Арзерум находился на территории бывшего хурритского государства Диаухи и, очевидно, был основан хурритами.

Особый интерес представляет «страна Халиб» – третий пункт, через который прошли переселенцы. Эта древняя страна являлась частью хурритской Колхиды и впервые упоминается в хеттских текстах XIV в. до н.э. («горная страна Халив»). Упоминаются халибы и в «Илиаде» Гомера («страна Алиб»), а также в многочисленных ассирийских, урартских и античных источниках. Страбон свидетельствует, что халибы – это другое название халдов, как называли себя урартийцы («халдине», то есть «принадлежащие богу Халди»). Тот же Страбон писал, что гаргареи (древнее название вайнахов) совместно с амазонками переселились на Северный Кавказ «из Фемиксиры, что на Термодонте». Город Фемиксиры и река Термодонт находились в стране халибов. Таким образом, еще в античную эпоху существовало предание о переселении предков вайнахов на место их нынешнего обитания из страны халибов, что в целом согласуется со сведениями из тептара. Но и это еще не все. Армянская традиция («Армянская география», историк Вардан) связывали происхождение нахоязычных цанаров, занимавших в средние века территорию от окрестностей Тбилиси до Дарьяльского прохода, с теми же халибами-халдами. Упоминание халибов в чеченском тептаре свидетельствует о чрезвычайной устойчивости этого предания, впервые зафиксированного Страбоном две тысячи лет назад.

К югу от халибов жили тибарены, которых ассирийцы называли табалами, а урартийцы – халту (халды, халибы). По сути, табалы и халибы являлись одним племенем, которое, как это часто бывает в мировой этнонимии, имело два названия. В Библии упоминается некий Тубал – «мастер искусный во всякой медной и железной работе». Известно множество высказываний античных авторов о халибах как о «железоделателях», как о людях, «искусных в обработке трудного железа», и как «о распорядителях острого железа». И даже само слово «железо» в хеттском и древнегреческом звучало как «халиб». Иными словами, халибы (табалы) прославились в древнем мире как искусные мастера по обработке железа. Примечательно, что после падения Урарту (в чьи границы входили табалы-халибы, как и вся историческая Колхида), «царство Табал» в древних текстах стало именоваться «домом Торгома».

В своде древнегрузинских летописей «Картлис цховреба», составленном в XI веке, повествуется о том, что родоначальник древних кавказских народов Таргамос со своими сыновьями переселился на Кавказ из южных земель, от границ Ассирии. Помимо этого, в «Картлис цховреба» содержится интереснейшее сведение, которое позволяет нам

отождествить с легендарной горой Арарат не армянский Масис, как принято считать само собой разумеющимся, а гору Эльбрус:

«Прежде всего упомянем, что армян и картлийцев, ранов и моваканов, эров и леков, мегрелов и кавкасианов – у всех [этих народов] был единый отец по имени Таргамос. Сей Таргамос был сыном Таршиса, внуком Иафета – сына Ноева. Был тот Таргамос героем. По разделении языков, когда воздвигали башню Вавилонову, различились и рассеялись оттуда языки по всему свету. Пришел Таргамос со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом. И было племя его велико и бесчисленно, обзавелся он многодетным потомством, детьми и внуками сыновей и дочерей своих, ибо жил он шестьсот лет. И не вмещали их земли Арарата и Масиса».

Всем известно, что Масис – это древнее армянское название той самой горы, которую во всем мире принято называть Араратом. Однако в приведенном нами отрывке из древнегрузинской летописи мы четко видим, что Масис и Арарат – это две разные и при том самые высокие горные вершины Кавказа, между которыми расселилось «великое и бесчисленное племя» Таргамоса. Масис и Арарат – два сухопутных рубежа Кавказа, удела Таргамоса. Армянский Масис – южный рубеж, а Арарат, соответственно, северный рубеж. Но на севере Кавказа самая высокая гора – Эльбрус (это вообще самая высокая гора Европы, она гораздо выше Масиса). Поэтому совершенно ясно, что под двумя «недоступными человеку горами – Араратом и Масисом» древнегрузинский хронист мог подразумевать только Эльбрус («Арарат») и Масис. Напомним, что гору Масис называли «Араратом» европейцы, причем, утвердилось это ошибочное отождествление лишь в XIX веке. Странно, что ни один из бесчисленных кавказоведов, востоковедов и библеистов до сих пор не обратил внимания на приведенные выше сведения из «Картлис цховреба», которые совершенно переворачивают наши представления об истинном месторасположении горы Арарат. Точнее, приводят эти представления в соответствие с древними географическими и этнографическими реалиями. Следует добавить, что Александром Дюма-старший в своей книге «Кавказ» приводит местные северокавказские легенды, согласно которым Ноев ковчег пристал к горе Эльбрус, то есть к истинной горе Арарат, как мы смогли узнать из древнегрузинских летописей.

Предок нахских народов именуется в этих летописях Кавкасом, а наиболее славным и именитым потомком Кавкаса назван Дурдзук, сын Тирета – родоначальник уже вайнахов в узком смысле. В древнеармянской версии «Картлис цховреба» отмечено, что дурдзуки-вайнахи, придя на выручку закавказским народам, «полонили земли Хазраца», то есть, иными словами, предки вайнахов разгромили хазар, оттеснили их с Кавказа и преследовали до Волги.

В работах многих историков до сих пор предпринимаются попытки выдать хазар, упоминаемых в «Картлис цховреба», за древних скифов. Это является составной частью научного мифа о происхождении современных осетин от скифов, сарматов и алан, для подкрепления которого древнегрузинские летописи подвергаются различным абсурдным истолкованиям. Между тем, в «Картлис цховреба» содержится прямая и недвусмысленная датировка событий, связанных с хазарами. Приведем, в виду ее важности, прямую цитату из летописи:

«Афридон овладел всем персидским государством. В одних странах он назначил эриставов – своих ставленников, а другие страны [сами] стали его данниками. Он поставил во главе огромного [персидского] войска эристава своего Ардама, выходца из рода Небротидов, и направил [в Картли]. Пришел Ардам в Картли и уничтожил здесь всех хазар, каких только мог обнаружить. Сей эристав Ардам воздвиг город у Морских ворот и назвал его Дарубанди, что в переводе значит “замкнул ворота”».

Как видно из приведенной цитаты, речь идет о настоящих хазарах, с которыми воевали Сасаниды, потому что крепость Дербент, упоминаемая в грузинской летописи, построена

персами в 438 году новой эры, а не в эпоху вторжения скифов в Переднюю Азию (70-е годы VII в. до н.э.). Упоминание строительства Дербента в контексте описания набегов хазар в Закавказье напрочь перечеркивает все попытки представить описываемых в грузинских летописях реальных хазар «скифами».

Итак, предок нахов Кавкас и предок в узком смысле вайнахов Дурдзук, сын Тирета, представлены в «Картлис цховреба» переселенцами с юга и «наиболее славными отпрысками Таргамоса», праотца всех коренных кавказцев. В древних традициях, как известно, народ обозначался именем его легендарного предка (эпонима), и в этом смысле вайнахи (дурдзуки) являются потомками тиретов (торетов) – хорошо известного из античных источников племени, обитавшего в Причерноморье, на территории исторической Колхиды. Самые ранние сведения о торетах мы обнаруживаем у Скиласа Карианденского (521-485 гг. до н.э.). Перечисляя причерноморские народы с севера на юг, Скилас помещает торетов между керкетами, живущими за Синдской гаванью, и ахеями и гениохами (ганахами). В последующем торетов описывали многие греческие авторы, включая Аполлодора и Стефана Византийского. К сожалению, сообщения этих авторов весьма скудны, однако есть данные, позволяющие связать торетов с народом халибов, являющихся, в свою очередь, халдами-урартийцами, как это явствует из «Географии» Страбона.

Отмечая особую воинственность халдов-халибов, греки считали их потомками бога войны Ареса. Павсаний (II в. н.э.) в своем «Описании Эллады» упоминает храм и статую Ареса, находившиеся на дороге, ведущей из Спарты в Терапну. Павсаний отмечает, что в этих местах Ареса называют Теритом и его статуя привезена в Элладу из Колхиды. И добавляет: «Очень может быть, что название Терита заимствовано от колхов...».

Все эти обстоятельства не только позволяют нам связать колхидское племя тиретов (торетов) с дурдзуками («Дурдзук сын Тирета» по родословной из Картлис цховреба»), но и отождествить тиретов (торетов) с воинственными халибами-халдами, чья страна упоминается в чеченском тептаре («страна Халиб»). Существует еще одно указание, которое связывает родоначальника вайнахов Кавкаса с Колхидой. Так, римский поэт I в. н.э. Гай Валерий Флакк в поэме «Восемь книг аргонавтики» упоминает некоего Тидра Фасианского, «который был рожден у вод Фасиса Кавказом, пасшим там по отцовскому обычаю свои стада». Фасис (современный Риони) являлась главной водной артерией исторической Колхиды, и, видимо, не случайным является то обстоятельство, что прямые родоначальники вайнахов (дурдзуков) – Кавкас и Тирет – оказываются тесно связанными с Колхидой, где с глубокой древности обитали племена хуррито-урартского этнического облика. Относительно происхождения этнонима дурдзук (дзурдзук, зурзук) мы пишем в специальной статье «Дурдзук, сын Тирета», публикуемой в данном сборнике.

Потомки Энея

Еще начиная с 20-х годов прошлого столетия ученые-лингвисты упорно связывали этрусский язык с кавказскими языками. У истоков этой гипотезы стоял знаменитый итальянский языковед Альфредо Тромбетти. Новый материал по расшифровке этрусских надписей позволил современным ученым не только подкрепить давнюю гипотезу новыми доказательствами, но и конкретизировать ее. Так, современные лингвисты-новаторы С.А.Старостин, С.Л.Николаев и В.Э.Орел совместно с авторитетным востоковедом В.В.Ивановым пришли к выводу, что этруски есть не кто иные, как хурриты.

С 14 по 16 сентября 1987 года в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) проходила Всесоюзная научная конференция по теме «Кавказ и цивилизация Древнего Востока». На этой конференции прозвучал совместный доклад В.Э. Орла и С.А. Старостина «О принадлежности этрусского языка к восточно-кавказской языковой семье». Около 50 этрусских слов (а всего расшифровано их лишь немногим больше) имели убедительные сходжения как в хуррито-урартском, так и в вайнахском языках.

Признаться, доклад был принят с некоторым недоверием к его выводам, так как трудно было объяснить связь этрусского языка с хуррито-урартским и вайнахским языком исторически. Появлялись вопросы, на которые в докладе не было ответов: когда и в каком регионе этруски отделились от хуррито-урарто-нахской общности? Как согласовать с выводами докладчиков то обстоятельство, что этруски жили в Италии, а хуррито-урарто-нахи – в Передней и Малой Азии и на Кавказе?

Для тех из читателей, кто любит обстоятельность, приведем цитату из тезисов доклада В.Э. Орла и С.А. Старостина: **«Как историческая фонетика этрусского языка, так и предлагаемые этимологии (т.е. расшифровка смысла слов. – Авт.) обнаруживают существенные черты сходства с фонетикой и лексическим составом другой ветви восточнокавказской семьи – хуррито-урартской»** (см. «Кавказ и цивилизации Древнего Востока», Орджоникидзе, 1989г., с.106).

В 1988 году в Москве вышел в свет сборник статей под названием «Древний Восток. Этнокультурные связи». Одно из центральных мест в этом сборнике занимает статья В.В. Иванова «Древневосточные связи этрусского языка». Статью замыкает вывод о том, что **«этрусский был результатом развития одного из хурритских диалектов»** (с.216). В другом месте (с.215) В.В. Иванов обращает внимание на то, что в целом ряде случаев **«этрусское отражение близко к нахскому»**.

Итак, языковеды пришли к вполне определенному выводу о тесном родстве этрусского языка с хуррито-урартским и вайнахским языками. Появилась новая проблема – как объяснить это родство исторически? Но, оказывается, историки уже давно пытались обосновать связи этрусков с Малой Азией, и в данной статье мы хотим ознакомить читателей с некоторыми результатами этих исследований.

* * *

Сами этруски почти не оставили свидетельств о своем происхождении. Однако многие античные авторы (Геродот, Гелланик Лесбосский, Фукидид, Дионисий Галикарнасский и др.) писали, что этруски в свое время переселились в Италию из Малой Азии. Знаменитый римский поэт Публий Вергилий в поэме «Энеида» впервые определенно связал этрусков с Троей, известной всем по «Илиаде» Гомера.

Вергилий писал, что после сожжения греками Трои один из родственников троянского царя Приама – Эней, с остатками своих соплеменников пересек на кораблях Средиземное море и, высадившись в Италии, положил начало великой славе римлян. Если вспомнить, что Рим был основан этрусками и представители этого народа долгое время были римскими

царями, то поэму Вергилия можно воспринимать как историческое свидетельство. С изгнанием последнего царя-этруска Тарквиния Гордого, Рим превращается в республику и перестает быть «просто этрусским городом», каким описывали его Тит Ливий, Дионис Галикарнасский, Плутарх и другие греко-римские авторы.

После многолетних изысканий и анализа огромного количества исторических источников, болгарский ученый В. Георгиев убедительно доказал, что этруски действительно являлись переселенцами из разрушенной в 1240 году до н. э. греками Трои (см. «Вестник древней истории», М. 1952г., N4, с. 133 и сл.). Ныне точка зрения о происхождении этрусков, принадлежащая В. Георгиеву, является общепризнанной, что свидетельствует об отсутствии весомых аргументов против этой теории. Вероятно, Вергилий знал какие-то древние, не дошедшие до нас источники, которые позволили ему связать древнейших римлян-этрусков с Троей.

Троя... Едва ли найдется образованный человек, который не читал бы об этом древнем городе, чье название в «Илиаде» и «Одиссее» обессмертил Гомер. «Крепкостенный», «пышнозастроенный», «широкоулочный» – вот лишь немногие из эпитетов, которыми Гомер наделил этот город. Известно, что греки 10 лет безуспешно осаждали Трою и уже решили вернуться на родину, но царь Итаки, «хитроумный Одиссей», придумал трюк с деревянным конем, внутри которого были спрятаны греческие воины; троянцы втащили этот злополучный «дар» через стены в город, а ночью спрятанные внутри коня воины вышли наружу, перебили стражу, открыли ворота и «священный Илион» пал, захваченный врасплох свирепыми врагами... С тех пор в древнем мире и утвердилась поговорка: «Бойся данайцев, дары приносящих».

Мы привыкли называть город, о котором идет речь, Троей, но на самом деле он носил несколько иное название. Хеттские источники XIV-XIII вв. до н. э. (анналы царя Тудхалии IV) передают название Трои как Таруиша (см. О. Р. Герни, «Хетты», М. 1987, с. 52-53.). Город этот, основанный в середине III-го тысячелетия до н. э., уже в XXII в. до н.э. был завоеван хурритами, вторгшимися в Малую Азию с востока, с Армянского нагорья.

К середине II-го тысячелетия до н. э. под власть хурритов попала почти вся Малая Азия. Это доказывается тем, что здесь повсеместно появляются города и области с хурритскими названиями, хеттские цари носят хурритские тронные имена, официальная письменность хеттов переходит на хурритский язык и хурритская религия становится государственной религией хеттов (об этом пишут Г.А.Меликишвили, Г.Г.Гютерброк, В.Г.Ардзинба, Й.Лукач и др. ученые).

Цари хурритской державы Митанни (по – хурритски Маитене, т.е. «страна»; сравните с вайнахским меттане, метта – «место», «страна») в ту эпоху господствовали над Хеттским и Ассирийским царствами и считали их своими вассальными областями. Только в XIII веке до н. э. хеттам и ассирийцам удалось освободиться от владычества хурритов. Но в этом же столетии им пришлось столкнуться с вновь образовавшимся хурритским царством Диаухи – преемником Митанни.

Название Таруиша, несомненно, связано с хуррито-урартским словом таршуа – «человек». Племя троянцев (таруиша) называлось так по общепринятой традиции, уходящей в глубину времен, когда племя обозначало себя просто словом «люди», «народ». Самоназвания с основой «люди», «мужчины», «народ» до сих пор носит множество народов практически на всех континентах (см. работу М.В. Крюкова «Люди», «Настоящие люди». – Этническая ономастика, М., 1984 г.). Хурритские племена, конечно, не являлись исключением из этого распространенного правила. Поэтому название троянцев (таруиша) и хурритское слово таршуа («люди») вполне согласуются между собой.

Слово таршуа имеет еще один смысл в хурритском и урартском – «мощный». Это слово сохранилось в вайнахском в «усеченном» виде – таро («мощь», «возможность», «дееспособность»). Троя действительно являлась мощным городом-крепостью, так что и второй смысл слово таршуа не противоречит исторической реальности.

Пора сказать, что этруски в восточных текстах назывались именем, очень похожим на самоназвание троянцев – таршиш. Таруиша – таршуа – таршиш – все эти слова созвучны между собой и восходят к хурритскому термину таршуа – «люди», «народ». Что касается названий «Троя», «этруски», «тирренцы», то они известны нам из греко-латинской передачи и не являются первоначальными, аутентичными.

Этруски переселились из Малой Азии в Италию не сразу после падения Трои. До этого они доставили немало хлопот Египту, которому пришлось вести ожесточенные войны с «народом моря», среди которых древние египтяне первым упоминают народ «таршиш». После этих войн, примерно с 1200 г. до н.э. этруски обнаруживаются на острове Сардиния (этрусские цари назывались сардами; вспомним тронные имена урартских царей – Сардури). Между 800 и 700 гг. до н. э. этруски перебираются в Среднюю Италию и строят там первые свои 12 городов.

С этих пор они становятся великим народом воинов, торговцев и мореходов. Какое-то время военный флот этрусков контролировал все Средиземное море и их колонии доходили до Атлантического океана (самый западный город, основанный этрусками в Испании, носил название Тарсис, или Таршиш – о значении этого слова мы уже говорили).

Римляне никогда и не пытались скрыть, что своей культурой, письменностью, гражданским устройством и многим другим они обязаны этрускам. Как отмечает в своей книге «Этруски» Агнес Вогэн, «на заре Римской империи слава этого загадочного народа, некогда покорившего почти всю Италию и владычествовавшего над самим Римом в течение ряда десятилетий, была настолько высока, что знатные римляне считали своим долгом претендовать на этрусское происхождение». Во многие европейские языки (через латинское посредство) попали такие этрусские слова как арена (этр. арн, хурр.-урарт. айре, вайнахск. аре – «простор», «ровное место»); мэр (лат. мар, этр. мари, хурр.-ур. мари, вайнахск. мар – «знатный, свободный человек», «мужчина» – см. еще вайнахск. маршо – «свобода», «независимость»); Сатурн (этр. сатре – «неблагоприятное божество», хурр.-ур. сидарни – «заклятие, проклятие», вайнахск. сардам – «проклятие») и т. д. В названной статье В.В. Иванова приводится еще немало примеров таких заимствований. Интересно, что этруская богиня смерти носила имя Лаза. Не связано ли это имя с вайнахскими понятиями «лаза» («болеть») и «лазар» («болезнь»)?

Этруски много столетий подряд не теряли связей со своей древней прародиной. Известно, что они регулярно снаряжали морские экспедиции в Малую Азию, где для своих религиозных обрядов покупали урартийские бронзовые ритуальные котлы. Такие котлы обнаруживаются в этрусских захоронениях, в частности, два таких огромных бронзовых котла найдено в гробнице Реголини – Галасси. Любопытно, что в Анатолии, неподалеку от места расположения исторической Трои, найдена надгробная стела с этрусской надписью, что также является материальным подтверждением факта плаваний этрусков в Малую Азию, на свою прародину. Отметим, что именно через этрусков греки и римляне заимствовали урартийское оружие (шлемы с гребнями, получившие впоследствии название «аттических», набедренные повязки, укрепленные бронзовыми полосами и т.д.) и вид храмов с колоннами – древнейший храм подобного типа был построен впервые в хуррито-урартском религиозном центре – городе Ардини (ср. чеч. аьрд, инг. йерд – «храм», «священный», «божественный»). Кстати, одно из названий «священной» Трои – Ардей. Напомним, что и в Этрурии был священный город под названием Ардея. Вергилий (*VII:409-413*) отмечает, что город этот был основан «беглянкой» Данаей и ее сыном Персеем, отпрыском Зевса, и в его время Ардея сохраняла «гордое имя, но не величье свое». Вероятно, одной из самых острых загадок истории останется то, что этруски, будучи прекрасными металлургами, ненавидели железо и не желали применять его не только в бытовом обиходе, но и в военном деле, хотя их войска, вооруженные бронзовым оружием, с течением времени стали проигрывать латинянам, которые все шире применяли в войнах железное оружие. По-видимому, табу на железо имело какие-то сакральные основания. Не менее загадочно также и то, что по

этрusской хронологии 88 год до н.э. был предсказан их жрецами как год конца Этрурии, гибели этрусского народа. С приближением этого года этруски впали в какую-то апатию, перестали сопротивляться врагам, считая, что бессмысленно противиться «воле богов». Более того, этруски сами сжигали и уничтожали свои города, если к роковому году это не сделали их враги. Так, известно, что некий этруск Цестион сам сжег в пожаре свой родной город Перузию, чтобы реализовать «небесный приговор».

Можем ли мы говорить о прямых связях вайнахов с этрусками? Очевидно, нет, хотя у Вергилия, который, кстати, по матери был этруском, мы и находим намек на кавказское происхождение родоначальника этрусков Энея. Карфагенская царица Дидона, влюбленная в Энея и разгневанная его намерением покинуть ее, обращает к нему такие слова:

***«Нет, не богини ты сын, и род твой не от Дардана,
кручи Кавказа тебя, вероломный, на свет породили»***
(«Энеида», IV:366).

В то время, когда этруски строили в Италии свои города, предки вайнахов с тяжелыми войнами осваивали предгорные равнины на Северном Кавказе (об этом красочно повествуют грузинские и армянские летописи, в которые вошли древнейшие исторические предания этих народов).

Но родственная связь между вайнахами и этрусками все же существует. Она проявляется в том, что оба эти народа, находясь на разных краях яфетического мира, имели одну общую прародину – там, где находилась древняя и еще во многом загадочная хурритская цивилизация – в Передней и Малой Азии.

Амазонки

До наших дней сохранились древние предания, рассказывающие о происхождении вайнахов. Самое раннее из этих преданий записано древнегреческим географом Страбоном из Амасии (ок. 64 г. до н.э. – ок. 24 г. н.э.). Самые поздние (если не по времени создания, то по времени письменной фиксации) относятся к XVIII-XIX вв. и записаны или самими вайнахами, или с их слов. Мы имеем в виду знаменитые чеченские летописи-тептары.

Как мы видим, между первой и последней записями легенд о происхождении вайнахов лежит промежуток почти в две тысячи лет. За эти двадцать веков еще немало преданий о происхождении вайнахов записано средневековыми армянскими, грузинскими и арабскими учеными и писателями. Среди всех легенд о вайнахах наиболее любопытной является предание об амазонках – неукротимых воительницах, наводивших ужас на своих врагов. Поговорим о них.

Два племени или одно племя?

Страбон пишет, что «амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими» (Страбон, «География», XI, V, 1). Далее отмечается, что на два весенних месяца амазонки и гаргареи сходятся на пограничной горе для эротических празднеств. По прошествии определенного срока амазонки отдавали гаргарейцам родившихся у них мальчиков, а девочек оставляли себе.

Если вдуматься в эти сведения, легко понять, что гаргареи и амазонки являлись двумя ответвлениями одного и того же племени, живущими большую часть года раздельно. Совершенно очевидно, что отцом каждой амазонки являлся гаргареец, а матерью каждого гаргарейца – амазонка. Следовательно, это был единый народ, в котором, следуя странному обычаю, мужчины и женщины жили раздельно, за исключением двух месяцев в году. О единстве происхождения гаргарейцев и амазонок свидетельствует и то, что они, по словам Страбона, в давние времена совместно переселились на Северный Кавказ «из Фемиксиры, что на Термодонте» (XI, V, 2). Об этих географических пунктах мы поговорим позже, а пока обратим внимание на то, что мужчин и женщин, переселяющихся совместно из одних мест, живущих рядом и являющихся общими родителями по отношению к детям едва ли правомочно называть «двумя племенами». Это – одно племя. И определив этническую принадлежность («национальность») одной части этого племени мы, естественно, определяем национальность и второй части; узнав, кем были в этническом отношении гаргарейцы, мы сможем узнать, кем были амазонки, на каком языке они разговаривали.

Но давайте сперва попытаемся понять, почему в этом древнем племени мужчины и женщины жили раздельно за исключением двух весенних месяцев в году?

«Вражда полов»

В книге петербургского историка Ю.Е. Березкина «Голос дьявола среди снегов и джунглей» одна из глав называется «Свержение власти женщин». В этой главе автор повествует о легендах, бытующих среди южноамериканских индейцев и по сей день, и рассказывающих о «вражде мужчин и женщин» в древние времена. Индейцы утверждают, что в далекие эпохи мужчины и женщины жили раздельно и на протяжении жизней многих поколений боролись за власть в обществе. В конце концов, мужчины одержали в этой войне победу и подчинили женщин своей власти.

Любопытно, что и Страбон поведал о том, что гаргарейцы «начали восстание и стали воевать против амазонок», а затем, увидев безрезультатность этой борьбы, «заклучили

соглашение на вышеупомянутых условиях: будут общаться друг с другом только для того, чтобы иметь детей, жить же каждое племя будет самостоятельно» (XI, V, 2).

Страбон упорно продолжает говорить о двух племенах – гаргарейцев и амазонок, хотя биологически невозможно существование племени, состоящего из одних мужчин или одних женщин. А вот разделение единого племени на два сообщества по половому признаку, как показывает южноамериканский пример, было не только возможным, но и весьма распространенным в древности явлением. Не нужно думать, что это явление ограничивалось регионами Кавказа и Южной Америки. В специальном исследовании, посвященном этому вопросу, историк и этнограф М. О. Косвен пишет:

«Просмотренная нами история легенды об амазонках характеризуется прежде всего тем, что на протяжении длинного ряда столетий литература вскрывает все новые и новые места локализации этой легенды; число стран и народов, которым эта легенда оказывается знакомой, все более умножается, и из традиции, свойственной лишь античному миру, легенда эта становится традицией, распространенной по всему земному шару» («Амазонки», – СЭ, 1947, № 3, стр. 23).

Гаргарейцы – предки вайнахов

Соседи амазонок гаргарейцы – общепризнанные в кавказоведении предки вайнахов. Исследования таких ученых как Е.И. Крупнов, Ю.Д. Дешериев, К.З. Чокаев, Р.Л. Харадзе, Н.Г. Волкова, А.И. Робакидзе и других доказывают это со всей убедительностью. Считается, что часто упоминаемое в греко-римских античных произведениях племенное название гаргар (гергер) есть вайнахское слово гергер (чеч.) и гаргар (инг.) в значении «родственный, близкий». Это название вполне естественно для людей одного племени, разговаривающих на едином языке и имеющих общее происхождение. Возможно также, что это этническое имя связано с индоевропейской основой «гора», усиленной редупликацией. Как бы то ни было, связь гаргарейцев с предками вайнахов ныне общепризнана.

Выше мы уже приводили свои соображения относительно этнической идентичности гаргарейцев и амазонок. Это одно племя, один народ, ибо не бывает ни народа, ни племени, которые состояли бы из людей одного пола. Такие племена и народы не могут существовать биологически. А вот разделение племени на две части по признаку пола в древности было весьма распространено, как мы можем узнать из работ Ю.Е. Березкина, М.О. Косвена и других ученых. Конечно, о полной изоляции мужчин и женщин друг от друга не может быть и речи в силу естественных причин, и у Страбона ясно сказано, что гаргарейцы и амазонки два месяца в году жили вместе.

В романе Идриса Базоркина «Из тьмы веков» описан обычай женщин-ингушек на три дня в году покидать селения и устраивать свои женские празднества. На этот период женщины избирали себе «царицу», занимались воинскими упражнениями, скачками, пировали, и весьма характерен тост, которым «царица» завершала праздник: этот тост провозглашался за те давние времена, когда женщины были свободны от мужчин не три дня в году, а целый год, и лишь на три дня покорялись мужчинам.

Описывая эту сцену, И. Базоркин опирался на старинные вайнахские предания, отражающие в себе древнюю историю чеченцев и ингушей.

Древние амазонки – не миф, а реальность

Римский автор II века н.э. Аппиан написал «Историю Рима» в 24 книгах. В 12-ой книге описаны войны римлян в Передней Азии и на Кавказе. Нас заинтересовал один эпизод в этой книге, в которой рассказывается о войне римского полководца Помпея с объединенными войсками кавказских албанцев и иберов (грузин) на территории Кавказской Албании. Произошло ожесточенное сражение, в котором победа досталась римлянам. Аппиан

отмечает, что полководец Помпей за эту победу удостоился триумфального шествия по Риму, ведя с собой пленных и заложников, захваченных на Кавказе «Среди же этих заложников и пленных, – пишет Аппиан, – было много женщин, имевших не меньше раны, чем мужчины; и считали, что это амазонки, то ли потому, что есть некий народ амазонки, соседний с ними, оказавшийся призванным тогда на помощь, или потому, что вообще некоторых воинственных женщин здешние варвары называют амазонками» (XII, 103).

Известно, что Кавказскую Албанию населяли 26 племен, среди которых самым крупным и мощным являлось племя гаргарейцев. Это племя обитало в районе современного Арцаха (Карабаха), и именно на его наречии великий армянский просветитель Месроп Маштоц составил в IV веке алфавит. В кавказоведении давно высказано мнение, что закавказские (албанские) гаргарейцы, как и северокавказские, являлись нахами. Тогда вполне естественным выглядит упоминание Аппианом амазонок в албанском войске, подавляющую часть которого составляли арцахские гаргарейцы.

Вспомним еще раз свидетельство Страбона, жившего за два столетия до Аппиана:

«Как говорят, в горах над Албанией обитают амазонки. Феофан, который сопровождал Помпея в походе и посетил страну албанцев, рассказывает, что скифские племена гелов и леггов живут между амазонками и албанцами, и что в этой стране протекает река Мермадалида посередине между этими племенами и амазонками. Другие писатели, тоже прекрасно знакомые с этими местами (среди них Метродор Скепсийский и Гипсикрат), утверждают, однако, что амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими» (XI, V, 1).

Здесь все ясно. Феофан, который был участником похода Помпея и вместе с римскими солдатами несколько раз прошел Закавказье вдоль и поперек, упоминает об амазонках, обитающих рядом с албанцами (гаргарейцами, так как последние были крупнейшим и самым активным народом Албании). Не менее осведомленные в кавказских делах Метродор Скепсийский и Гипсикрат говорят об амазонках, живущих «по соседству» (это же выражение дословно повторяет и Аппиан) с гаргарейцами на Северном Кавказе.

Коротко говоря, римские и греческие авторы всегда помещают амазонок рядом с нахоязычными гаргарейцами, где бы те ни обитали – в Закавказье или на Северном Кавказе. Иными словами, амазонки всегда и везде оказываются частью гаргарейцев.

Что говорят археологи?

Амазонки, упоминаемые античными авторами как военные противницы хорошо известного в древнем мире и лишенного всякой легендарности римского полководца Помпея, обретают черты исторической реальности. Но чтобы сделать эту реальность бесспорной и несомненной, нужны были материальные следы кавказских амазонок, какие-нибудь археологические свидетельства, которые можно было бы предъявить скептикам.

Такие свидетельства обнаружил в 1878 году немецкий археолог Фридрих Байерн во время раскопок в Хевсуретии. В то время открытие, сделанное Байерном, стало научной сенсацией и облетело весь мир. Ныне о нем помнят всего несколько самых скрупулезных кавказоведов, да и те упоминают о находках немецкого археолога мимоходом, не акцентируя на них внимания.

Раскапывая древние погребения около аулов Новая Джута и Артхмо Байерн обнаружил женские захоронения. Любопытнее всего было то, что рядом с женскими скелетами лежали ножи, наконечники стрел, остатки кольчуг и боевые кольца. Было найдено множество остатков конской сбруи, причем все эти предметы были изготовлены с таким изяществом и снабжены столькими украшениями, что Байерн категорически заявил: «Я не могу назвать ни одной вещи, которая могла бы быть приписана мужчине».

Разумеется, Байерну сразу же пришло в голову, что найденные им женские погребения принадлежат прославленным амазонкам. И он стал искать их следы в названиях

близлежащих географических пунктов. Каково должно было быть его удивление, когда он узнал, что аул, расположенный напротив известного селения Степан-Цминда называется Гергеты, а над этим аулом, на вершине горы, располагается храм святого Гаргара!

Кто этот святой Гаргар? Не хранит ли он в своем имени память о названии древнего племени? Что касается аула Гергеты (Гергети), то в его названии безошибочно выделяется основа Герге, Герга («близкий», «родственный») с добавлением вайнахского и грузинского топонимообразующего суффикса *ти (те)*, находимого нами в таких грузинских и вайнахских топонимах как Хевсурети, Кахети, Мтиулет, Эрети, Арште, Галайе, Алхасте, Гойте, Белгате и т.д.

Сюда, очевидно, уместно будет добавить высказывание академика Н.Я.Марра, который писал: «Не скрою, что и грузинские горцы, в числе их хевсуры и пшавы, мне сейчас представляются такими же грузинизированными племенами чеченского народа». Вайнахские мелхи и майстинцы не отделяют себя от хевсур, считая их огрузинившимися чеченцами. Сами хевсуры делятся на несколько фамилий-некъе (Гурхой, Шедалой, Ардалой, Хехойн-Бундой, Меци), имеющих чеченское происхождение. Обобщающее название хевсур по-вайнахски означает «сторожевое войско» (хев – «дозорное», «сторожевое» и сур – «войско»). И это название идет в одном ряду с такими вайнахскими клановыми названиями как Хой («дозорники»), Гуной («воины»), Г1ой («стражники»), Г1алг1ай («обитатели башен» или, по другой этимологии, «щитоносцы»). Таким образом, обнаружение амазонских погребений в Хевсуретии вновь связывает легендарных воительниц с предками вайнахов. В любом случае, факт их существования становится бесспорным, так как найдены их скелеты в погребениях, заваленных оружием.

Амазонки под Троей

Перенесемся мысленно в XIII век до новой эры. В один из самых драматических периодов многолетней Троянской войны, описанной Гомером в бессмертной «Илиаде», когда греки потеряли в бою героя Патрокла, а неистовый Ахиллес, мстя за друга, сразил в поединке Гектора, на помощь троянцам пришло войско амазонок. Ранним утром конница амазонок, возглавляемая царицей Пенфесилией, напала на греков и подвергла их войско жестокому разгрому. Греки в панике побежали к своим кораблям, но в последний момент, когда исход битвы казался предрешенным, на поле боя явились великие герои Ахиллес и Аякс Теламонид. Царица амазонок вырвалась вперед, но копье, которое она метнула в Ахиллеса, переломилось об щит грека. Ахиллес нанес ей ответный удар копьем в грудь. Собрав последние силы, Пенфесилия исторгла из ножен меч, но могучий Ахиллес нанес ей второй удар копьем. Пенфесилия упала бездыханной. Ахиллес снял с убитой сверкающий бронзовый шлем и, увидев необычайную красоту девушки, погрузился в глубокую печаль от содеянного. Он поднял тело царицы и на руках унес с поля битвы. После сражения греки выдали троянцам тела двенадцати погибших амазонок, и благодарные союзники устроили им пышные похороны.

И, словно какое-то наваждение, у Трои, где воевали амазонки, мы вновь встречаем название Гаргар – так называлась самая высокая вершина горы Ида, у подножия которой стоял легендарный город.

В статье «Потомки Энея», представленной в данном сборнике, мы попытались выяснить этническую принадлежность троянцев и их потомков – этрусков. С опорой на авторитетных ученых-востоковедов мы выяснили, что жители Трои являлись хуррито-урартами. Теперь настала пора поговорить о той местности, где первоначально жили амазонки и гаргарейцы и откуда они совместно переселились на Северный Кавказ. Нас ожидают любопытные открытия.

Амазонки и гаргарейцы – урартское племя

Страбон, как мы помним, писал, что амазонки и гаргарейцы переселились на Северный Кавказ из города Фемиксир, что на реке Термидонт. К счастью, нам не нужно гадать, где находились этот город и эта река, так как греческие авторы (Дионисий, Евсевий, Эпифаний, Евстафий и др.) совершенно определенно помещают их «в стране халибов», в исторической Колхиде, куда Ясон плывал за золотым руном, на юго-восточном побережье Черного моря.

Итак, амазонки и гаргарейцы жили на побережье Черного моря, в стране халибов. Это подтверждается и более древними источниками. Из «Илиады» Гомера и цикла древнегреческих преданий, относящихся к Троянской войне, мы узнаем, что вместе с амазонками на помощь троянцам пришли и халибы (Гомер называет их «алибами»), и что страна, откуда в Трою пришли амазонки и халибы, находилась «на далеком Понте» («Понтом», то есть «Морем» древние греки называли исключительно Черное море). Значит, грекам с глубокой древности было известно, что амазонки живут на Черном море, в стране халибов, из которой они совместно с гаргарейцами переселились на Северный Кавказ.

Мы выяснили, что гаргарейцами античные авторы называли предков вайнахов. Интересно, что и в чеченских летописях-тептарх упоминается «страна Халиб» на Черном море, как один из пунктов, через который двигалось «племя Нахчу» во время его переселения из Ближнего Востока на Северный Кавказ.

Эти халибы могли бы навеки остаться исторической загадкой, если бы Страбон не пояснил в своей «Географии», что халибы – это халды (XII, 3, 19).

О халдах-то мы хорошо знаем, что это – самоназвание урартийцев. Теперь ясно, почему халибы, будучи хуррито-урартийцами, и амазонки, прекрасная, но отнюдь не слабая половина нахоязычных гаргарейцев, устремились на помощь соседней Трое. Ведь и в Трое жили хурриты, что доказывается ныне множеством источников, особенно хеттскими клинописными текстами.

Интересные сведения, подтверждающие наше мнение о родстве гаргарейцев с хуррито-урартами, содержатся в электронном издании «Заметки по еврейской истории» (№ 10/145, октябрь 2011 г.). В статье «Этносы Ханаана и евреи» Михаил Зильберман пишет:

«Вполне возможно, что все ветхозаветные “гаргаритяне”, “гараритяне”, “гародитяне”, “агаритяне” и “агаряне” – это такие ханаанейские племена, как “гергесеи (гаргаситы)”, которые являли собой прахуритский этнос, входивший в хатто-хурритскую языковую группу (после изгнания гиксосов из Египта новая волна хурритов расселилась в Ханаане). Характерно, что в древности вайнахи были известны (“География” Страбона) как “гаргарей” (хар-хареи), что, по-видимому, идентично библейскому – “хореи” (хурри-хуреи), т.е. нахи – “гар-гарей” были прахурритами (помимо нахов долины Терека термином “гаргарей” называли в I тыс. до н.э. и хурритское население Карабаха). Предполагается, что данное наименование произошло от нахско-хурритского слова “гаргара” – “родственник”».

Хурриты, урартийцы, нахи – это только названия, на самом деле речь идет о едином этносе, имевшем (и имеющем поныне) множество диалектов в языке. И если амазонки с гаргарейцами переселились на Северный Кавказ из страны халибов, это значит, что они пришли в наш край из страны хуррито-урартов.

Кстати, в стране халибов мы обнаруживаем очень много любопытных совпадений с вайнахской племенной и тайповой номенклатурой и истоки чечено-ингушской башенной архитектуры, но об этом – в другой раз. А пока скажем, что не только чеченские тептары упоминают страну халибов-халдов как исходный пункт переселения на север «племени Нахчу», но и ингушские и орстхойские исторические предания сохранили память об этих местах (см. легенды о «черных мерджойцах, живших на реке Зугур на берегах Черного моря» и о первопредке ингушей Магале (Маго), пришедшего все с того же черноморского побережья).

Вайнахи сохранили память об амазонках и, как это видно из этнографических деталей их быта (см. «Из тьмы веков» И. Базоркина), еще в XIX веке разрешали своим женщинам воспроизводить три дня в году воинственные развлечения «войнолюбивых жен с Кавказа», как назвал амазонок древний поэт Нонн Панопольский. Появляется вопрос: а как вайнахи называли амазонок? И тут на память приходит одно очень древнее слово, которое сохранилось в языках индоевропейских, семитских и кавказских народов.

У северных германцев (скандинавов) известны из их мифологии прекрасные девы, которые служили наградой воинам, погибшим в бою и попавшим в «рай викингов» – Вальгаллу. Девы эти назывались – валькириями. «Вальгалла» означает буквально «дворец мертвых» (вал – «мертвый» и галла – «дворец»), а «валькирии» – «девы мертвых» (вал – «мертвый» и кирии – «девы»). Об этом пишет в своей книге «Верховные боги индоевропейцев» французский ученый Жорж Дюмезиль. Если кому-то из читателей показалось, что эти варяжские слова (вал – «мертвый», галла – «дворец») странным образом напоминают чеченские понятия вала – «умереть» и г1ала – «дворец», то пусть он не исключает из ряда совпадений и скандинавское слово кирии – «девы», так как о них мы и ведем речь.

Эти кирии (девы, связанные с войной и воинами) имеют сходство с древнегреческими кораи – юными девушками, которые изображались в воинских доспехах и с оружием в руках. По мнению крупнейшего русского специалиста по мифологиям С.А. Токарева коры являлись элементом древнегреческого культа войны и воинов.

Мусульмане знают о прекрасных райских гуриях, которые служат наградой верующим людям и в особенности воинам, павшим на праведном пути. Мы полагаем, что коранические сведения являются первичными по отношению к мифам скандинавов и древних греков, так как священный Коран назван Аллахом «Напоминанием». Напоминанием изначальных, древнейших событий и сведений. Но эта тема требует отдельного обстоятельного разговора.

Можно заметить, что все три слова (гурии, коры, кирии) созвучны по своей фонетике и обозначают прекрасных дев, связанных с войной. Теперь пора сказать, что в чеченском языке существует и по сей день слово маьхкаре – «девушки, девы». Это слово не имеет формы единственного числа, а всегда произносится лишь во множественном числе, обозначая группу девушек. Мы полагаем, что слово маьхкаре делится на две смысловые части – мохк («страна», «земля») и каре («девы», «девушки»). Может быть – «девы страны»?

Во всяком случае, «каре» чеченцев очень похоже на кирий, гурий и кор, о которых мы говорили. Не исключено, что в вайнахском слове «маьхкаре» сохранилось воспоминание о древних амазонках – прекрасных и дерзких воительницах, «девах страны», страны вайнахов.

Дурдзук, сын Тирета

1

Вплоть до конца XVIII века в грузинской письменной традиции вайнахов называли дурдзуками (или дзурдзуками). Это же название в различных огласовках присутствует и во многих средневековых арабских и армянских сочинениях, в которых упоминаются предки современных чеченцев и ингушей.

В грузинских источниках этноним дурдзуки, относящийся к вайнахам, впервые обнаруживается в так называемых «Сообщениях Григория Просветителя», составленных в IV веке н.э. Оригинал этого произведения не сохранился и оно известно лишь в арабском переводе IX века, в котором интересующий нас этноним передается в форме «Д-р-з-к-й-т». В собственно арабских сочинениях (сообщение Хакиф-Хамадани о том, что в стране Дзурдзукии находится множество крепостей, «каждая из которых – укрепленный замок») название дзурдзуков (дурдзуков) появляется с X века. В древнеармянских источниках это название в форме дурцк (дурцук) отмечено впервые в *«Армянской Географии»* VII века.

Крупнейший грузинский ученый-востоковед Г.А. Меликишвили еще в 1959 году обратил внимание на сходство этнонима дурдзук (дзурдзук) с названием древнего маннейского города Дурдукки (Зурзукки). Впоследствии это сходство отмечали многие исследователи (*Виноградов и Чокаев – 1966.; Харадзе и Робакидзе – 1968 г.; Джамирзаев – 1980г.; Бабахян – 1984 г.; Нунуев – 1987 г. и т. д.*).

Однако, отметив сходство этих названий, ни Меликишвили, ни другие ученые не сделали попыток обосновать это сходство на исторических и лингвистических материалах. Кроме того, до сих пор не разгадано значение этнонима дурдзук; непонятно, что он означает; почему вайнахов называли именно этим именем. В данной статье, возможно, нам удастся ответить на некоторые из этих вопросов.

2

Прежде всего, необходимо отметить, что название дурдзуки покрывало в грузинской традиции не всех нахов, а лишь часть их, наиболее сильную и организованную.

В своде древних грузинских летописей *«Картлис цховреба»* (*«Жизнь Грузии»*) отмечается, что первый грузинский царь Фарнаваз (III век до нашей эры) женился **«на деве из рода Кавкаса (племени) дурдзуков...»**. Далее излагаются сведения о рождении у Фарнаваза сына Саурмага, о вступлении последнего на трон Грузии, о восстании против юного царя грузинских князей, пытавших утвердить в Картли иранскую династию, о бегстве Саурмага с дворцовой гвардией, нанятой из римлян, к дурдзукам (вайнахам) и том, как вайнахи-дурдзуки, родственники матери Саурмага, собрали сильное войско, с которым царь вернулся в Грузию и изгнал князей-предателей и иранцев. В *«Картлис цховреба»* говорится: **«Тогда же Саурмаг привел с собой всех дурдзуков – половину рода Кавкасианов...»**.

Итак, дурдзуки (вайнахи) являлись в те времена (более двух тысяч лет назад) «половиной рода Кавкасианов», то есть сообщества нахских племен и народов, живших, как указывается в *«Картлис цховреба»*, по обе стороны Кавказского хребта. Судя по всему, вайнахи доминировали в этом сообществе, так как *«Картлис цховреба»* отмечает, что «над сыновьями Кавкаса был владыкой Дурдзук, сын Тирета» и что «Дурдзук был самым знаменитым среди сынов Кавкаса».

Из этих сведений становится ясно, что дурдзуки (вайнахи) были лишь частью более обширного массива нахоязычных племен (кавкасианов). Общий родоначальник нахов, Кавкас, возводится древними грузинскими летописями к пророку Ною: сын Ноя Яфет; сын Яфета Таршис; сын Таршиса Таргамос; сын Таргамоса Кавкас. Вайнахи (дурдзуки) являются

самыми знаменитыми потомками Кавказа. Продолжив поиск других «потомков Кавказа» мы придем к весьма любопытным фактам, которые заставят переоценить многие устоявшиеся штампы научного кавказоведения. Но мы вернемся к этой теме в других статьях, а пока продолжим историко-лингвистический анализ названия дурдзуки.

3

В 719 году до н.э. ассирийская армия под предводительством царя Саргона II совершила военный поход, итоги которого имеют непосредственное отношение к расследуемой нами проблеме. Вот как объясняет мотивы этого похода сам Саргон II.

«В третьем году моего правления укрепленные города Шуандахуль и Дурдукка задумали мятеж против Иранзу маннейского, царя, их владыки, влачившего мое ярмо, и положились на Миттати зикиртского. Миттати зикиртский оказал им помощь, дав им своих воинов и всадников. Многочисленные войска бога Ашшура я ополчил и выступил в поход на завоевание этих городов; сильными осадными орудиями я пробил их укрепленные стены и сравнял их земель; людей с их имуществом я полонил; эти города я разрушил, снес и сжег в огне. Людей городов Сукку, Бала и Абитикна, которые посоветовали дурной совет, ведущий к исторжению их корня, и вступили в соглашение с Русой урартским, из-за совершенного ими греха я переселил их с их места в западную страну Хатти».

Мятеж перечисленных в анналах Саргона II маннейских городов вспыхнул, как это видно из текста, под влиянием проурартски настроенных сил. Жители городов Сукку, Бала и Абитикна, подстрекавшие к восстанию, были переселены в «западную страну Хатти» или, если цитировать буквально, «в страну Хатти страны Амурру». Термин «Амурру» может означать как в узком смысле Сирию, так и вообще «запад». Под «страной Хатти» ассирийские тексты той эпохи понимают обычно Сирию, Финикию и Палестину, а также всю Малую Азию (Анатолию). В узком смысле «страна Хатти» это царство Каркемиш. Жители Сукку, Балы и Абитикны были, скорее всего, переселены в Малую Азию, где Ассирия в ту пору проявляла большую военную активность: в 717 году Саргон II разгромил страну мушков (Фригию) и царство Каркемиш в Малой Азии.

В любом случае ясно, что захваченное в маннейских городах население было депортировано куда-то в западном направлении.

4

О жителях Шуандахуля и Дурдукки указывается, что их «с их имуществом полонили», то есть захватили для последующего переселения. Следовательно, жители этих двух городов-крепостей не были уничтожены или обращены в рабство – ассирийцы никогда не стеснялись в сочных красках описывать зверства, которые они творили над приговоренными к уничтожению жителями захваченных территорий. Не смущались они отмечать и факты обращения в рабство. Но куда были угнаны взятые в плен жители Дурдукки? Мы можем предполагать, что они разделили участь жителей других захваченных ассирийцами маннейских городов и были переселены на запад, в Малую Азию. У ассирийцев было в обычае переселять захваченное население в противоположные концы империи, а Малая Азия как раз и составляла западную окраину ассирийской державы, тогда как Манна находилась в противоположном, восточном направлении, в окрестностях озера Урмии (современный Иран).

Для более детального уточнения этого вопроса постараемся выяснить судьбу захваченного ассирийцами за период 719 по 712 гг. населения – именно эти семь лет непрерывных походов отмечены в анналах Саргона II. Итак:

719 г. Захвачены пять маннейских городов – Шуандахуль, Дурдукка, Сукку, Бала и Абитикна. Их население угнано на запад, в Малую Азию;

717 г. Поход во Фригию и царство Каркемиш. Захваченное население, как указывается в анналах Саргона II, угнано в Сирию (в Дамаск).

716 г. Второй поход на Манну. Ассирийская армия захватила правителя области Аллабрия, который вместе с семьей был куда-то переселен (куда не уточняется).

715 г. Урартский царь Руса I вводит на территорию Манны свою армию и занимает гарнизонами 22 крепости. Ассирийцы удовольствуются пограничными стычками, в итоге которых в их руки попадает 4200 мирных жителей, которых угоняют в западном направлении. Вялость ассирийцев в маннейских событиях объясняется тем, что в тот момент их основные военные силы задействованы в походах на Мидию, Палестину и Киликию.

714 г. Собрав все свои войска, Саргон II вторгается в Манну и Урарту и хвастливо отмечает, что захватил 260 человек «царского рода». Судьба этих людей неизвестна.

713 г. Четвертый поход на Манну (без упоминания о захваченных людях). В том же году ассирийцы нападают на «царство Табал» (то же самое, что «страна мушков», Фригия). Здесь отмечается факт заселения «царства Табал» людьми, захваченными ассирийцами в предыдущих походах, преимущественно в Манне.

712 г. Поход Саргона II в Малую Азию, на «страну города Мелид». Тархунази, царь Мелида, бежит из захваченной ассирийцами столицы в город Тил-Гаримме, и Саргон II отмечает: **«Я накрыл этот город (Тил-Гаримме), как туча... Тархунази, их царя, вместе с его воинами я бросил в железные цепи, а его жену, его сыновей, его дочерей, вместе 5000 пленными воинами я привел в мой город Ашшур. Город Тил-Гаримме заново я заселил и ввел в него людей стран, завоеванных моими руками».**

5

Следовательно, город Тил-Гаримме, опустошенный от своих коренных обитателей, был заново заселен населением, захваченным ассирийцами в предыдущих походах. Посмотрим, откуда могли быть приведены эти пленники.

Ассирийцы с дотошной скрупулезностью перечисляют в своих анналах захваченную добычу, не пропуская ни одного медного гвоздя, ни одной овцы, ни одного ребенка. Поэтому у нас нет оснований подозревать их в сокрытии фактов захвата и переселения каких-то крупных контингентов людей. Пленники, чья численность была достаточна для заселения крупного города, были захвачены лишь в походах в 719, 717 и 715 гг. Но пленники похода 717 г. отпадают, так как анналы Саргона II показывают, что их угнали в Сирию и поселили в Дамаске. Остаются жители Шуандахуля, Дурдукки, Сукку, Балы и Абитикны (поход 719 года) и те 4200 человек, которые были захвачены во время похода 715 года. В обоих случаях перед нами жители Манны, маннейцы. И только маннейские пленники обладали численностью, достаточной для заселения опустошенного ассирийцами города Тил-Гаримме. Таким образом, мы нашли единственное реальное объяснение судьбы интересующих нас жителей Дурдукки (дурдуккийцев) – ими был в 712 году до н. э. заселен малоазийский город Тил-Гаримме, освобожденный перед этим ассирийцами от его исконных жителей.

6

У нас имеется еще один довод, подтверждающий факт переселения дурдуккийцев в город Тил-Гаримме, но мы обратимся к нему позже. Теперь же появляется необходимость ответить на важный вопрос – кем были в этническом отношении жители Дурдукки? Не будем забывать, что через тысячу лет после отмеченных нами событий, название этого города стало связываться с предками вайнахов.

Прежде всего, ясно одно: раз Дурдукка была укрепленным городом Манны, то жители этого города были этническими маннейцами. Следовательно, определив этническую принадлежность маннейцев, мы тем самым определим этническую принадлежность жителей Дурдукки, дурдуккийцев.

Все необходимые сведения на этот счет содержатся в объемном труде востоковеда Г. А. Меликишвили *«Некоторые вопросы истории Маннейского царства»* (ВДИ, 1949 г., №1). Этим трудом мы и будем пользоваться.

Манна была одной из тех древних стран, что входили в обширный круг «стран Наири». Более того, Маннейское царство, по словам Г.А.Меликишвили, в продолжение IX-VIII вв. до н.э. представляло самое значительное политическое объединение после Урарту среди «стран Наири», а, начиная с конца VIII в., когда Урарту значительно ослабело, Манна, по-видимому, становится самой значительной силой в области Наири.

То, что Манна входила в круг «стран Наири», является прямым свидетельством того, что она была населена (как и Урарту) хурритами. Географический термин «Наири» являлся у ассирийцев общим обозначением территорий, расположенных к северу от их страны и населенных с глубокой древности различными хурритскими племенами. В обзорной монографии Г. А. Меликишвили *«Наири – Урарту»* (Тбилиси, 1954 год) отмечается, что название Наири проникло в ассирийский язык из древнейшего названия хурритской империи Митанни – Нахриа, Нахарина.

Г.А. Меликишвили, Б. Б. Пиотровский, И.М.Дьяконов и другие крупнейшие ученые-востоковеды прямо пишут в своих трудах, что маннейцы – это хурриты. Таким образом, жители Дурдукки были, как и остальные маннейцы, хурритами. Это нам и нужно было выяснить для дальнейших сопоставлений.

7

Вспомним снова родословную дурдзуков, изложенную в «Картлис цховреба». Ной – Яфет – Таршис – Таргамос – Кавкас – Дурдзук. Получается, что между Ноем и Дурдзуком лежат пять поколений этнархов, а между нахами, родоначальником которых в «Картлис цховреба» назван Кавкас, и Ноем лежат всего три поколения: Яфет, Таршис и Таргамос. Кто такой Таргамос?

Этот Таргамос упоминается в Библии, в так называемой «Таблице народов», являясь, как и в грузинских летописях, внуком Яфета (*Быт. 10:3*). Правда, в Библии имя этого персонажа звучит как Торгама.

Интересно, что в Библии названия Урарту (Арарат), Манна (Минни) и Таргамос (Торгама) упоминаются в одном блоке, как страны с родственным населением, и тут всплывает один очень любопытный факт: названием «Торгама» Библия обозначала город, который в ассирийских средствах носил уже известное нам название Тил-Гаримме. Об этом пишет ведущий ученый-востоковед И. М. Дьяконов (*«Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту»*, ВДИ, 1951 г., №2, ст. 320, прим.53).

8

Мы видим две независимые цепочки данных, которые связывают друг с другом: в первом случае первопредка вайнахов Дурдзука с этнархом Таргамосом, и, во втором случае, жителей маннейского города Дурдукки с малоазийским городом Торгамой, в который они были переселены ассирийцами. Здесь редкий случай, когда реальная история подтверждает легенду. Рассмотрим вкратце еще одну интересную проблему: почему в ветхозаветных текстах содержится указание на то, что население Таргамоса (Тил-Гаримме ассирийских источников) являлось родственным жителям Урарту и Манны. Иначе говоря, почему

население Таргамоса и всего этого региона представлено в Библии хуррито-урартским еще до насильственного переселения ассирийцами в этот город маннейцев-дурдуккийцев.

Сопоставив данные древних письменных источников, Г.А. Меликишвили пришел к выводу, что город Тил-Гаримме ассирийских источников (Таргамос, Торгама, Тегараму) располагался к северо-западу от Мелида (современная Малатья, античная Мелитена) и граничил с Табалом. Древнейшее население Тил-Гаримме (Тегараму, Торгама) грузинский ученый-востоковед считал хаттским, или, говоря по-иному, протохеттским (родственным современным абхазо-адыгским народам). В начале II тыс. до н.э. этот регион был занят индоевропейскими племенами, воспринявшими старое название хатты (хетты). Чтобы отличить новое индоевропейское население от собственно хаттов, его называют хеттами или, иначе, хеттами-неситами. Приблизительно около 1800 г. до н.э. хетты-неситы создали мощное государство и включили в его границы и интересующую нас область Тил-Гаримме. Однако последующие события коренным образом изменили этническую ситуацию как в самом Хеттском царстве, так и на примыкающих к нему с востока территориях, в том числе и в Тил-Гаримме (Тегараму). Речь идет о массивной хурритской экспансии в эти районы. Английский ученый О.Р. Герни приводит один из хеттских документов середины II тыс. до н.э., в котором говорится: **«Снова извне, из Ацци, явился враг и разорил все Верхние страны и сделал Самуху своей границей. И из Исувы явился враг и разорил страну Тегараму»** (*«Хетты»*, М., 1987, стр. 28).

Г.А. Меликишвили отмечает, что Ацци (Аззи) – это объединение Аззи-Хайаса, которое явилось основным очагом армянских племен. Самуха (ассирийская Сухми) и Исува (Ишува) – области, населенные хурритскими племенами (*«Урартские клинообразные надписи»*, М., 1960, стр. 9). Таким образом, уже к середине II тыс. до н.э. «страна Тегараму» становится одним из объектов хурритской экспансии на запад. Как отмечает О.Р. Герни, эта экспансия привела к тому, что **«распространение хурритского языка и влияние хурритской культуры делается очень заметным во всех землях – от хеттской Анатолии до ханаанской Палестины...»** (*«Хетты»*., стр. 27). Г.А. Меликишвили также отмечает, что с периода XIV-XIII вв. до н.э. Хеттское царство **«характеризуется, в первую очередь, резким увеличением хурритского влияния: при царском дворе появляются хурритские имена, а в царском архиве – хурритские тексты; в религии, мифологии сильно начинает чувствоваться хурритское влияние..., наблюдается хурритизация официального пантеона. В нем появляются явно хурритские божества»** (*«Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии – ВДИ, 1965, № 1, стр. 21»*). По-видимому, можно смело констатировать массовое проникновение хурритов с середины II тыс. до н.э. в Хеттское царство и в зависимые от последнего объединения, в том числе и в «страну Тегараму» (Тил-Гаримме, Тогарма).

Напомним, что Тил-Гаримме (Тегараму) в ассирийских источниках чаще всего упоминается в связи с объединением Табал. Скрупулезный анализ ассирийских, хеттских и урартских письменных источников позволил Г.А. Меликишвили выяснить, что Табалом ассирийцы называли страну, которую урартийцы на своем языке называли Халиту (Халди) (*«К истории древней Грузии...»*, стр. 76). Упоминание о халдах, живших в юго-восточном Причерноморье и их связь с дурдуккийцами, переселенными ассирийцами в Тил-Гаримме (Тегараму, Торгама), вводит нашу проблему в более широкий этногенетический контекст, который мы подробно разбираем в одной из статей данного цикла (*«Забытая война забытого народа»*). Мы же завершим свой анализ попыткой выяснить, что обозначает название «Дурдукка», ставшее в последствии названием вайнахов.

Древнегреческие авторы (в частности, Геродот) перечисляют семь самых знаменитых мудрецов древних эпох. Пятеро из них – греки (и среди них реально существовавший Солон, афинский реформатор VI века до н. э.). Есть и двое «иностранцев». Один из них – скиф Анахарсис. Второй – житель Манны, хуррит Дейокка. Иногда его имя писалось как Деуйокка, Деюкка. Все варианты этого знаменитого имени можно найти у В.В. Латышева в *«Известиях древних писателей о Скифии и Кавказе»*. Некоторые ученые полагают, что Дейокка (Деуйокка) был не только знаменитым в древнем мире мудрецом, но и маннейским царем.

Слово «дур» широко известно на древнем Ближнем Востоке и означает «крепость». Это слово использовали в составлении названий не только ассирийцы, урартийцы, эламиты, шумеры, но даже малоазийские греки (город Дур-Европос). Таким образом, название Дурдукка (Дур-Дейокка, или Дур-Деуйокка) означает «крепость Дейокки». Например, по такому же принципу были составлены названия древних городов Дур-Шаруккин («крепость царя Шаруккина/Саргона»), Дур-Куригальзу («крепость царя Куригальзу») и т.д. То, что Дур-Дейокка – это именно «крепость Дейокки» подтверждается тем, что ассирийцы применяли к этому городу параллельное название Bit-Daiukki, т.е. «дом Дейокки» (см. Г.А. Меликишвили, *«Некоторые вопросы истории Маннейского царства..», стр. 65*). Можно полагать, что именно таково происхождение названия маннейского (хурритского) города Дурдукки («крепость царя Дейокки») и производного от него этнонима, который впоследствии стал связываться с предками вайнахов.

Гаргареи: штрихи к этническому портрету

Имя этноса (этноним) способно дать важную историческую информацию, и если эта информация с наименьшим сопротивлением укладывается в ряд уже установленных фактов, то резко повышается степень ее достоверности. Название гаргарейцев, признаваемых в кавказоведении предками вайнахов (Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, К.З. Чокаев, Н.Г. Волкова и др.), в полной мере оправдывает это утверждение. В исторической науке утвердилось мнение, что этноним «гаргареи», «гергеры» связан с вайнахским термином «гаьргар», «гергар», что означает «близкий», «родственный». Не оспаривая в целом это мнение, хотелось бы выдвинуть для обсуждения параллельную версию о происхождении этого этнонима.

Слово «гаргар», «гарга» известно с древнейших времен и первоначально входило в названия гор и горных вершин. Например, наивысший хребет гор Иды под исторической Троей называлась Гаргарон; горный кряж на восточном берегу Италии носил в древности название Гаргано; отрог трансильванских Карпат имел название Гаргита и т.д. По нашему мнению, в основе всех этих названий лежит индоевропейская основа «гар» (гора), усиленная редупликацией (то есть повторением корневой основы для количественного или качественного усиления). Ср., к примеру, др.-русс. «гора» (гора, лес); др.-инд. «гирис» (гора); др.-прусс. «гариан» (дерево) и «гарбис» (гора), лат. «грандис» (величественный), лит. «гира» (гора) и «гире» (лес) и т.д. Совпадения в звучании терминов, обозначающих горы и лес (дерево) объясняется космогоническими представлениями древних народов, которые представляли себе вселенную то в виде «мировой горы», то в виде «мирового дерева» – идентичных символов трехмерного мироздания (В.В. Евсюков). Редупликация же, как уже упоминалось, дает усиление качества и гаргар означает «гора выше других гор», «гора гор», «наивысшая гора».

От названия гор и горных вершин слово «гаргар» перешло в названия некоторых древних городов. Так, известен город Гаргара на берегу Адрамиттийского залива, получивший свое название от вершины Гаргарон у Трои (Страбон). Очевидно, таким же образом получил свое название и хурритский город Гаргамиш (современный Джераблус), известный нам из хеттских и ассирийских надписей (И.М. Дьяконов). Вторая часть этого названия («миш» или «муш») является специфическим хурритским словом, которое часто встречается в топонимах (Г.А. Меликишвили). В Закавказье так же была известна крепость Гергеры (ее упоминал еще А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум») и одноименное селение в Армении.

Среди 26 племен Кавказской Албании наиболее значительным было племя гаргареев, на языке которых великий армянский просветитель Месроп Маштоц в конце IV века создал т.н. албанский алфавит (А.П. Новосельцев). Грузинские средневековые источники («Летопись Картли», «Жизнь Картлийских царей») самым значительным племенем Кавказской Албании называют эров (heri). Сирийский автор VI века Захарий Ритор, повторяя на свой лад страбоновскую легенду об амазонках и гаргареях, вместо последних называет «народ эрос» (Н. Пигулевская). Эти и ряд других обстоятельств позволяют нам выдвинуть предположение, что гаргареи армянских и эры (heri) грузинских исторических источников – один и тот же народ с двумя различными названиями, что не является редкостью в кавказской и мировой этнонимии. Судя по всему, этноним гаргареи, являясь по происхождению индоевропейским, означает «жители горных вершин», «горцы». Этнонимы, сложенные по аналогичному (ландшафтному) принципу, широко распространены на Кавказе (ср.: арстхой, ламарой, мтиулы, маарулал, тавлинцы и т.д. – все эти названия означают «горцы», «жители гор»).

Что касается этнонима эр/эри (heri), то его этимология не совсем ясна. Этот народ был хорошо известен урартийцам, чьи надписи фиксируют их в окрестностях озера Севан (Г.А. Меликишвили). Этот этноним вошел в название урартийской крепости Эребуни (совр. Ереван), что означает «поселение эров» (Б.Б. Пиотровский). Река Аракс в древности носила

название Ерас-хи, что означает «река эров» (Иованнес Драсханакертци). В раннем средневековье эры=гаргареи жили в Арцахе и Гаргарском княжестве (Мовсес Каланкатуаци, Иованнес Драсханакертци). В IX-X вв. эры занимают область Кахети (Н.Я Марр, Г.В. Цулая). Нашествие турок сельджуков на Кахети (Эрети) в 1068 году послужило причиной массового переселения кахетинцев (эров) на Северный Кавказ («Летопись Картли», В.Ф. Минорский). Примечательно, что именно в этот период (в XI веке) в Джераховском ущелье Ингушетии резко увеличивается население, что довольно отчетливо фиксируется данными археологии (В.Б. Виноградов). Там же, в Джераховском ущелье, зафиксирован старинный топоним «дорога эров» (А.С. Сулейманев). Новое нахское население в Джераховском ущелье и округе Дарьяла пришло в тесное соприкосновение с ираноязычным населением, проникшим в этот район с севера (В.Б. Виноградов), и симбиоз этих нахских и ираноязычных этнических групп стал одним из ключевых эпизодов этногенеза осетин, которых вайнахи до сих пор называют эрами (хИири).

Дорога эров

I

Еще в 1965 г. ученый-кавказовед Г.А. Меликишвили на основании историко-археологического и лингвистического анализа пришел к выводу, что завершение существования куро-аракской культуры и однородной с ней кирбет-керакской культуры Сирии и Палестины следует связать с экспансией на территории бытования этих культур хурритов. Археологический материал позволил ученому датировать появление хурритов в Сирии началом XXIV в. до н.э. Что касается времени появления хурритов в Закавказье, то Г.А. Меликишвили считает их присутствие в этом регионе реальным, начиная со второй половины III тыс. до н.э., но особенно много археологических свидетельств, указывающих на пребывание хурритов в Закавказье, появляется после XXIII в. до н.э., когда прекращает свое существование куро-аракская культура.

Академик Б.А. Куфтин датировал триалетскую культуру, сложившуюся на части территории, где ранее бытовала куро-аракская культура, серединой II тыс. до н.э. Однако последующие раскопки позволили пересмотреть эту датировку – зарождение триалетской культуры стали относить к периоду, который непосредственно примыкает к последнему этапу существования куро-аракской культуры. Множество исторических, в том числе археологических, источников позволили Г.А. Меликишвили признать ареал распространения триалетской культуры северной периферией государства Митанни, а создателями этой культуры – хурритов.

Историк-кавказовед В.Л. Ростунов на основании детального изучения соответствующих археологических данных пришел к аналогичным выводам и связал отток части куро-аракского населения из Центрального Закавказья в центральные районы Северного Кавказа с миграцией в Закавказье хурритского племенного объединения Уллив (Уллибан), входившего в племенную номенклатуру Наири-Урарту. Появление хурритов в Центральном Закавказье В.Л. Ростунов датирует концом XXIII – началом XXII вв. до н.э., что в целом совпадает с датировкой, предложенной Г.А. Меликишвили.

Таким образом, с конца III тыс. до н.э. южные и центральные районы Закавказья можно считать входящими в границы распространения хурритских племен.

Сильные научные позиции завоевала гипотеза об этническом родстве хуррито-урартов с современными вайнахами, и родство это особенно убедительно проявляется лингвистическими параллелями. Поразительно, что несмотря на 2,5 тысячи лет, разделяющих современный вайнахский и ставший мертвым в далекой древности урартский, между этими языками наблюдаются столь тесные связи, что даже в наши дни вайнахи без особого труда понимают смысл многих урартских слов и целых фраз.

Основываясь на археологических и лингвистических данных, автор данной статьи в целом ряде работ предлагал связать начальный этап этногенеза вайнахов именно с проникновением хурритов на Кавказ, имевшим место, как отмечалось выше, в конце III тыс. до н.э. В этих же работах была высказана мысль о том, что хуррито-урарты и родственные им протовайнахи в историческом прошлом жили не изолированно друг от друга, а были связаны своеобразным этнолингвистическим «мостом», протянувшимся от центральных районов Северного Кавказа до Верхней Месопотамии и сложенным из родственных друг другу этнических сообществ, среди которых неоднократно упоминалось и племя эров. В данной работе автор ставит перед собой цель более детально обосновать эти тезисные утверждения и прояснить роль эров в этногенетических и исторических процессах древнего и средневекового Кавказа.

II

Заняв южные и (по В.Л. Ростунову) частично центральные районы Закавказья хурриты, как это можно установить, не исчезли из этих мест и в последующие столетия. Жестокие войны, которые то и дело вспыхивали между Ассирией и Митанни, побудили ассирийского царя Ададнерари I (1307-1276 гг.) совершить поход против слабеющего хурритского государства и симптоматично, что в южном Закавказье (Ходжалы) обнаружена бусина с надписью этого царя. Возможно, это является косвенным свидетельством того, что ассирийцы сражались с хурритами на юге Закавказья. Более определенно можно утверждать, что с закавказскими хурритами, как частью «стран Наири», ассирийцы воевали при царях Тикульти-Нинурте I (1245-1209 гг.) и Тиглатпаласаре I (1115-1077 гг.).

В XIII веке до н.э., после падения Митанни, происходит новая консолидация хурритских племен, обобщенно называвшихся в ассирийских надписях «Уруатри» (Урарту). Г.А. Меликишвили считает, что этот новый союз сложился в районе верхнего течения р. Верхний Заб, в окрестностях священного города урартийцев Ардини (Мусасир). Позже центр союза переместился к северу, в район оз. Ван, где столицей государства стал город Тушпа. Из этого племенного объединения в IX в. до н.э. возникает мощное государство Урарту.

В конце IX – пер. пол. VIII вв. до н.э. Урарту достигает наивысшего расцвета и встает на путь завоеваний. Уже при царе Менуа (810-760 гг.) часть земель на правом (северном) берегу Аракса превращается в урартский плацдарм для дальнейших походов. При его сыне Аргишти (781-760 гг.) в состав Урарту входит вся Араратская долина и здесь основываются мощные города-крепости Эребуни (Ирпуни) и Аргиштихинили.

В 1950 году на южной окраине Еревана, на холме Арин-берд была обнаружена надпись следующего содержания: **«Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, эту могущественную крепость... построил; установил ее имя Эребуни для могущества страны Биайни...»**. Исходя из этого сообщения Б.Б. Пиотровский локализует крепость Эребуни на месте современного Еревана и считает, что название урартской крепости сохранилось в несколько измененном виде в названии столицы Армении.

При преемниках Аргишти Сардури II (760-730) и Русе I (730-714) в состав Урарту вошли районы Чалдырского озера, верховьев Куры, Севанского озера и окрестности Гюмри (бывший Ленинакан).

Интересно, что в район Гюмри, восточнее озера Севан и на правом берегу Аракса (на склоне горы Арарат) урартские письменные источники фиксируют соответственно следующие «страны»: Эриахи, Эриа, Эриелтуа и Эрикуахи. Легко заметить, что во всех этих названиях проступает основа «эриа», «эри». Как считает Г.А. Меликишвили, эта основа является названием племени. Частица «хи», как и «ни» служит в урартском суффиксом принадлежности. Примечательно, что и крепость Эребуни, построенная урартийцами восточнее оз. Севан, т.е. на землях Эриахи – Эрикуахи, сохраняет, как и название Еревана, ту же корневую основу «эре-эри».

Видный армянский историк и лингвист академик Г.А. Капанцян считает, что армянское «ван» в значении «село», «город» является искаженным урартским термином «э-бани», «биани» в том же значении. В таком случае и Эребуни, и Ереван, как названия одного и того же населенного пункта, означают буквально «город (поселение) эров». И эта этимология вполне согласуется с местоположением этого города на территории племени эри.

После падения Урарту (ок. 590 г. до н.э.) и постепенного заселения его территории армянскими племенами, эры, если судить по доступным нам древним письменным источникам, уже не упоминаются в тех районах, где их фиксировали урартские надписи. Возможно, эры были оттеснены на север пришедшим в эти места новым населением. Однако в традиционных местах обитания эров, включенных в границы образовавшегося Армянского царства, сохранился ряд названий, чья связь с этнонимом эри нельзя исключать. Например, река Аракс в древности носила название Ерасх(и). Возможно, окончание «хи» в этом

гидрониме является урартским суффиксом принадлежности. Однако более вероятно, что окончание «хи» в данном случае есть ничто иное как хуррито-урартское и вайнахское слово «хи» в значении «река», «вода». Для сравнения: Аранцахи (хурритское название р. Тигр) – буквально «равнинная река»; Чорохи (совр. Чорох) – «внутренняя река», «река страны»; Ломехи (древнее название Терека) – «горная река», Лиахви (древнее название Леуахи) – «ледниковая река» и т.д. Если наша расшифровка верна, то название Ерасх(и) можно перевести как «эров река».

В тех районах, где Аракс (Ерасхи) протекал по месту обитания эров, уже в эпоху Армянского царства располагался гаворк (округ) Ераз, находилось ущелье Ерасх (Ерасхадзор, где дзор – «ущелье») и там же располагалась «вершина Ерасхадзора». Любопытно, что неподалеку от этой вершины располагалась община Нахчрадзор, т.е. «община ущелья Нахчра». Возможно, «нахчра» каким-то образом связано с самоназванием чеченцев – нахче.

III

Античные авторы, в частности Геродот и Птолемей, упоминают племя герров, которых кавказоведы, в их числе и Г.А. Меликишвили, связывают с эрами. Однако в размещении герров Геродот и Птолемей несколько расходятся. Так, Геродот локализует герров рядом со скифами, особо отмечая их различие, а Птолемей помещает их в восточном Прикаспии, входившем в границы Кавказской Албании. Таким образом, опираясь на античные источники мы обнаруживаем герров как на Северном Кавказе, так и в восточном Закавказье. Нет ли здесь путаницы? Или, может быть, часть герров обитала на Северном Кавказе, а часть – в Закавказье? Или это разные племена с созвучным названием? Ответить на все эти вопросы нелегко, но целый ряд других источников немного проясняет ситуацию.

В «Армянской географии» VII века в перечне племен «Азиатской Сарматии» упоминаются хераны (хараны). Здесь не совсем ясно, где они локализируются – то ли на Северном Кавказе, то ли в Закавказье, потому что в списке племен упоминаются как северокавказские (аланы, сарматы, дидои, леки, нахчматьяны), так и закавказские (туши, цанары, двалы, ширваны) племена. Однако то обстоятельство, что хераны (хараны) расположены в ряду племен закавказских, косвенно указывает на то, что это племя обитало к югу от Кавказского хребта. Армянская форма написания этого этнонима близка к грузинской (heri; мн. ч. herni), что вряд ли случайно.

В то же время сирийский автор VI Захарий Ритор в своей «Хронике», составленной в 555 г., определенно помещает эров на Северном Кавказе. Повторяя страбоновскую легенду об амазонках и гаргареях, Захарий Ритор вместо последних упоминает «народ ерос», с мужчинами которого амазонки сходятся для брачных празднеств. Не исключено, что в этом сообщении мы находим свидетельство того, что кавказские, а скорее всего армянские, информаторы Захария Ритора под эрами и гаргареями видели одно племя. Примечательно, что и «Армянская география», отмечая херанов, нигде не упоминает гаргареев, хотя последние отлично известны в армянской традиции. Захарий Ритор заявляет, что его работа призвана дополнить «Географию» Птолемея новыми сведениями. Эти сведения он, вероятно, получил от армянских ученых мужей, так как Армения и культурные достижения армян ему отлично известны, он упоминает по именам армянских деятелей, называет армянские города, а об остальных народах и странах Кавказа дает лишь самые общие сведения.

Автор «Армянской географии», опирающийся, как и Захарий Ритор, на «Географию» Птолемея и другие античные источники, не мог, конечно, не знать широко распространенную в древнем мире легенду о гаргарейцах и амазонках, название которых он приводит в форме «амазоны». Однако и он ничего не пишет о гаргареях, зато мы встречаем

у него упоминание о племени херанов (вероятно, от грузинского *herni*) с неясной локализацией.

Среди 26 племен Кавказской Албании наиболее значительным было племя гаргареев, на языке которых великий армянский просветитель Месроп Маштоц в IV в. создал алфавит. Весьма примечательно, что переводчик с гаргарейского на армянский, помогавший Месропу Маштоцу в составлении албанского (гаргарейского) алфавита, «некий Бениамин», был приглашен для этой работы из Сюника. Другое название этой области – Сисакан. Вспомним еще раз свидетельство Захария Ритора о народах и странах Кавказа: **«Гурзан также земля в Армении, с языком, подобным греческому; у них есть царек христианский, подвластный царю Персии. Аран также земля в той же земле Армении, со (своим) языком, с народом верующим и крещеным; у них есть царь, подчиненный персидскому царю. Сисган также земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских».** Здесь мы видим, что еще в VI в. в Сисгане (Сисакане) существовал свой язык, отличающийся от армянского и от грузинского (гурзан). Кроме того, Сисган выделяется как самостоятельное государственное образование, не входящее в политические границы Албании (Аран) и не подчиненное ни Армении, ни Персии.

Сисакан, упомянутый Захарием Ритором в качестве «примыкающей» (к Армении) страны, является другим названием древнего государственного образования Арцах. Параллельное название Арцаха «Сисакан» произошло от имени Сисака, основателя правящей в этой стране династии. Сисак, согласно родословной, представленной армянским историком V столетия Мовсесом Хоренаци, был сыном Гехама и внуком Хайка – легендарного родоначальника армянского народа. Сам же Хайк был сыном Торгома (Тогармы) и правнуком Яфета – одного из сыновей Ноя. Следует упомянуть, что Аран, чье имя получила вся Кавказская Албания, представлен в родословных внуком Сисака. Необходимо также уточнить, что древние армянские и албанские авторы именовали Кавказскую Албанию (Аран) названием Алуанк. Для дальнейших сопоставлений приведем довольно длинную цитату из «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци:

«Здесь начинается (история) княжества страны Алуанк. От начала сотворения человеческого рода до царя армянского Валаршака о проживающих близ высоких гор Кавказа мы не можем ничего достоверного рассказать слушателям. При установлении порядка у жителей северных он созвал (представителей) пришлых диких племен, живущих в северной равнине и у подножия Кавказских гор, в долинах и ущельях к югу, до того места, где начинается равнина, и приказал им прекратить разбой и вероломство, платить покорно царские подати. Затем (царь) назначил им вождей и правителей, во главе которых по приказу Валаршака был поставлен некто из рода Сисака, одного из потомков Иафета, по имени Аран, который унаследовал долины и горы страны Алуанк, от реки Ерасхи до крепости Хинаракерт. Из-за его (Арана) мягкого нрава страна эта была названа Алуанк, ибо из-за мягкого нрава звали его Алу. Многие храбрые и знатные из потомков этого Арана, говорят, были назначены Валаршаком Партевом наместниками и тысячниками. От его (Арана) сына произошли племена Утийского, Гардаманского, Цовдейского, Гаргарского княжеств».

Заметим мимоходом, что историкам-кавказоведам, которые склонны отождествлять гаргарейцев с утиями (современными удиами), следовало бы обратить внимание на то, что средневековые армянские и албанские авторы четко отличали друг от друга эти два народа (племени). Процитированное выше предание в незначительных деталях расходится с легендой, изложенной Моисеем Хоренским, который Арана считает не потомком, а непосредственно сыном Сисака и, кроме того, говорит, что эпитетом «Алу» называли не Арана, а самого Сисака.

Описывая границы владений Сисака, автор «Истории Армении» Иованнес Драсханакертци (40-е гг. IX в. - 925 г.) пишет: **«Повелел он (Гехам, отец Сисака) Хармайю**

оставаться в Армавире и править домом отчим, а Сисаку для обитания (определил земли) от восточной части южного побережья (Севана) до равнины, которую пересекает река Ерасхи...». Эта локализация в точности соответствует границам Сисакана от озера Севан до реки Аракса (Ерасхи). Восточные рубежи «земли Сисган», как свидетельствует Захарий Ритор, простирались до «Каспийских ворот» (Дербентский проход) и «моря» (Каспийского). Таким образом, из этих источников под наименованием Сисакан (Сисган) вырисовывается вся Кавказская Албания («Страна Алуанк»).

Предание о Хайке, эпониме армян, имеет чрезвычайно древнее происхождение. Внук Хармайя Ара Прекрасный упоминается как современник ассирийской царицы Шамирам и, следовательно, Сисакан и его старший брат Хармай, жившие еще раньше, мыслились в армянской традиции современниками урартийских царей – их прадед Армайис считался основателем Армавира, то есть бывшего урартского города Аргиштихинили, построенного по приказу царя Аргишти I в 776 г. до н.э. Все это является свидетельством того, что армянские и албанские исторические предания связывали происхождение этих народов с Урарту.

Мовсес Каланкатуаци пишет далее, что «от его (Арана) сына произошли племена Утийского, Гардаманского, Цовдейского, Гаргарского княжеств». В наши задачи пока не входит определение этнического облика племен трех первых княжеств, но очень важно, что нахоязычные гаргарейцы оказываются связанными с Сисаком и с его потомками, в частности с Араном. Иными словами, гаргарейцы оказываются жителями Сисакана-Арцах. В своей объемной работе «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании» известная исследовательница истории Кавказа Камилла Тревер неоднократно отмечает, что гаргарейцы жили в Арцахе. Не исключено, что имя Сисака сохранилось в отчестве главного героя вайнахской Нартиады Солса, который предстает в сказаниях как Сеска Солс, то есть Солс, сын Сесака.

В кавказоведении закрепилось мнение, что в основе этнонима гаргарейцы (гергеры) лежит вайнахское слово гергар (гаргар) – «родственный», «близкий». Примечательно, что на интересующей нас территории в Закавказье еще в XIX веке сохранялись названия, связанные с этнонимом гаргарейцы, гергеры. Так, А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» описывает крепость Гергеры, около которой, в армянской деревушке, он встретил повозку, в которой несколько грузин везли в Тифлис тело убитого в Тегеране поэта Грибоедова.

Заслуживает также внимания и название страны, где обитали гаргарейцы – Арцах. «Арц» – древнейшее слово, означающее на вайнахском «гора»; «арцах» означает «к горам», «в горы». В чеченском языке до сих пор сохранилось выражение «арцах довл!», что означает сигнал опасности и переводится «поднимайтесь в горы», «укройтесь в горах». Нужно отметить, что термином «арц» обозначается не всякая гора, а лишь та, что покрыта лесом и имеет трудный доступ. Возможно, вайнахское «арц» связано с урартским «alz» – скала (перепады «л» и «р» обычны во многих языках и диалектах; к примеру, чеченское мур («черед») в итумкалинском диалекте звучит как мул). Приняв во внимание, что словом «арц» в вайнахском обозначаются лесистые, труднодоступные горы, посмотрим, какими выражениями описывается Арцах у древних писателей, в частности, у Мовсеса Каланкатуаци: **«...и на седьмую неделю Пасхи... добрались (ученики Месропа Маштоца) до гавара Мец Куэнк, что в покрытом лесами и глубокими ущельями крае Арцах».** Или так: **«И все они устремились к четырем воротам города (осажденного гуннами Бердаа), спеша (выйти) и укрыться в горах гавара Арцах».** И еще: **«...и все они под прикрытием ночи переправились в неприступный гавар Арцах».** Читая эти описания, невозможно не заметить, что название «Арцах» имеет очевидную связь (по смыслу и звучанию) с вайнахским языком.

Мы уже отмечали выше, что армянским источникам совершенно неизвестны эры за исключением «Армянской географии», в которой они названы на грузинский лад – хераны (ср. груз. *herni*). Но и в грузинских источниках мы не встречаем упоминания о гаргареях даже

в тех случаях, когда эти источники описывают места обитания последних. В грузинской письменной традиции эры и их страна Эрети являются самым мощным объединением Кавказской Албании, точно так же, как в армянской письменной традиции самым мощным народом среди 26 албанских племен отмечены гаргарейцы, жившие в Арцахе и Гаргарейском княжестве. Это дает нам основания предполагать, что эры грузинских источников тождественны гаргарейцам, о которых пишут армянские источники. Дополнительным аргументом в пользу такого тождества является то, что сирийский автор VI века Захарий Ритор в легенде об амазонках на месте страбоновских гаргарейцев помещает «народ эрос». Говоря о родстве эров с гаргарейцами Арцаха, или даже об их этническом тождестве, мы должны учитывать, что в древнем и средневековом Закавказье этнические массивы, связанные с хуррито-урартскими племенами на юге и нахскими племенами на севере, представляли собой объединения, которым было свойственно мигрировать в оба эти направления. Это доказывается, в частности, тем, что гаргарейцы и эры, о которых мы здесь пишем, обнаруживаются в те или иные эпохи живущими не только в различных районах Закавказья, но и на Северном Кавказе. Видимо, в этом смысле нужно понимать указание Мовсеса Каланкатуаци о том, что гаргары, хорошо известные в его время как обитатели Арцаха, живут также «близ великой Кавказской горы» (кн. 1, гл. XXVII).

Вспомним также указания античных авторов (Гекатея Милетского, Ксенофонта) о халдах-урартийцах, имевших уже после падения Урарту крупное и независимое государственное объединение «к северу от Армении». Самым крупным государственным объединением к северу от Армении в интересующий нас период являлся Сисакан (Арцах), считавшийся в армянской и албанской традициях более древней страной, чем сама Кавказская Албания (Аран), так как Аран считался или сыном, или еще более дальним потомком Сисака. Кроме того, армянские и албанские традиции связывают Сисака непосредственно с урартской царской династией.

Сисакан, как уже отмечалось, в соответствии с армянскими и албанскими генеалогическими преданиями считался предком нахоязычных гаргарейцев и некоторых других племен, родственных, как мы доказываем в других работах, хуррито-урартам и вайнахам (в частности, в одной из статей данного сборника мы пишем о цанарах-гардабанцах, считающихся, по армянской традиции, потомками Сисакана). Гаргарейцы в армянских и албанских исторических источниках предстают перед нами как ведущее племя Кавказской Албании, а грузины главный народ Кавказской Албании называли эрами. Это и целый ряд других обстоятельств позволяют допустить, что эры и гергеры – один этнос с двумя различными обозначениями.

IV

Большой интерес в определении этнического облика эров, которых мы предположительно связываем с гаргарейцами (гергерами), представляет «Жизнь картлийских царей», приписываемая монаху-историку Леонти Мровели (XI в.). В самом начале этого произведения дается грузинская версия генеалогии народов Кавказа: **«Прежде всего упомянем, что у армян и картлийцев, ранов и моваканов, эров и леков, мегрелов и кавкасианов – у всех (этих народов) был единый отец по имени Таргамос».** Интересно, что раны (араны, албанцы вообще) и эры упоминаются раздельно, что должно подчеркнуть этническую и политическую самостоятельность эров.

Леонти Мровели так определяет границы Эрети: **«Эросу дал (Таргамос) страну к северу от Куры, от устья Малой Алазани до Ткетба, которая ныне называется Гулгула. Сей Эрос прежде всего воздвиг город у слияния обеих Алазани и назвал его именем своим Эрети. Оттого-то и называется (страна эта) Эрети. Ныне сие место именуется Хоранта».** Город Хоранта, располагавшийся на стыке закавказских транзитных торговых путей, достиг высокого уровня развития и перестал существовать в период монгольского господства.

Кавказоведы, не вдаваясь в детали, относят язык эров к «нахо-дагестанской» группе северокавказской семьи языков. Однако «нахо-дагестанские языки» – понятие слишком расплывчатое, неопределенное. Кроме того, по мнению крупнейшего знатока чечено-ингушского и бацбийского языков профессора Ю.Д. Дешериева нахские языки не ближе к дагестанским, чем к абхазо-адыгским. Поэтому нам необходимо сузить вопрос: кем же были эры – дагестанцами или нахами?

Когда при определении этнического облика того или иного народа или племени можно оперировать лишь мизерным количеством данных, решающее значение приобретают даже косвенные, второстепенные этнические признаки. В нашем распоряжении уже имеется ряд данных, свидетельствующих об этнической связи эров как с хуррито-урартами, так и с родственными последним вайнахами. Например, урартский город, построенный на земле эров, назывался Эрбуни (совр. Ереван). Это название, как уже говорилось, состоит из племенного обозначения (эри) с добавлением термина «поселение», «место», «город», который в урартском звучал как «э-бани», «биани», а в вайнахском сохранился в форме «бун», «биан», что означает «постройка», «гнездо», «поселение».

Река Аракс в древности называлась Ерасх(и). Мы уже обращали внимание на то, что целый ряд хуррито-урартских и вайнахских гидронимов (Аранцахи, Чорохи, Леуахи, Ломехи, Мелхи, Басхи и т.д.) имели подобное же оформление с компонентом «хи» в конце и переводили название Ерасх(и) как «эров река». Эта река протекала по земле исторических эров.

Некоторые обстоятельства, проанализированные нами выше, позволили допустить, что эры и гергеры – два названия одного и того же народа. В этой связи обращают на себя внимание такие топонимы как Нахчра и Арцах. «Нахче», «нахчой», «нохчий» – так называют себя чеченцы. «Арц», как мы уже писали, означает в вайнахском лесистую, труднодоступную гору; выражение «арцах довл!» до сих пор означает в чеченском сигнал тревоги и буквально означает «поднимайтесь в лесистые горы», «прячьтесь в лесистых горах». Как видно из приведенных выше отрывков из «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци, страна Арцах покрыта лесистыми, труднодоступными горами, издревле служившими для жителей убежищем при опасностях.

Титул первого царя Кавказской Албании Арана звучал как «алу». Мовсес Хоренаци отмечает, что титул «алу» носил отец (или предок) Арана Сисак, владетель Сисакана-Арцаха. И в хуррито-урартском, и в вайнахском слово «алу» означает «повелитель», «господин», «князь». Термин этот, чрезвычайно древний, имеет безупречную вайнахскую этимологию, связанную, по мнению профессора Ю.Д. Дешериева, с вайнахским глаголом «ала» – «сказать, повелеть, приказать». То есть, «алу» – это тот, кто наделен правом приказывать, повелевать.

Армянский ученый Ш.В. Смбатян в комментариях к «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци считает вероятным, что название Алуанк (-нк- в армянском – суффикс принадлежности) произошло от названий рек, левых притоков Куры, носивших в древности название Алуан. Так, в древности Алуаном назывались современные реки Алазань и Ахсу.

В вайнахском слово «алие» значит «речка» и на территории Чечни и Ингушетии известно множество гидронимов, содержащих в себе термин «алие». Например, Тувча-алие, Хорда-алие, Хамч-конгийн-алие, Олгуз-алие, Посул-алие и т.д. При этом примечательно, что все речки, содержащие в своем названии компонент «алие», являются левыми притоками других, более крупных, рек – это топонимическая закономерность. Вряд ли случайным является и то обстоятельство, что в Кавказской Албании реки, называвшиеся Алуан, также являлись левыми притоками Куры. Здесь уместно напомнить, что по локализации академика Е.С. Такайшвили страна эров, Эрети, располагалась по бассейнам рек Алазани и Иори. Эту локализацию признали верной и более поздние исследователи, такие как П. Ингороква и Г.В. Цулая. Следовательно, название Алуан (древнее название Алазани) мы можем связать с языком эров, и это название имеет свои аналогии как в вайнахском языке (алие), так и в

урартском (ср. урартск. Alaini – название одной из рек в центре Урарту, воды которой были использованы царем Русой I для нужд столицы Тушпы).

Несмотря на совпадения в обозначении рек, мы все же больше склоняемся к тому, что название Алуанк, то есть древнейшее, местное название Кавказской Албании, связано с титулом первого царя этой страны Арана или его отца (предка) Сисака, и «алуанк» является нарицательным термином в значении «царство», «владение», «княжество».

Выше мы уже отмечали, что в чрезвычайно насыщенную войнами и вторжениями иноземных захватчиков эпоху средневековья закавказские народы часто меняли государственную принадлежность и даже место обитания, что относится также и к эрам. Эрети как часть Албании известна до конца XI века, но с X века она окончательно вошла в состав Грузии. Как отмечают грузинские ученые, и в частности Г.В. Цулая, к концу XI века по данным древнегрузинских источников под Эрети подразумевали всю Кахети.

Эры приняли активное участие в процессе объединения Грузии, а о военной мощи эров свидетельствуют соображения, выдвинутые видным грузинским историком Н.А. Бердзенишвили. По мнению этого ученого, этноним эри лег в основу грузинского термина в значении армии, войска – «эри». Один из главных грузинских аристократических титулов – эристави – буквально означает «глава (предводитель) эров». В грузинской феодальной иерархии этот титул занимал третье (после царей и мтаваров – владетельных князей) место и им обладали правители крупных провинций. Обладатель титула «эристави» был по должности командующим со своим военным знаменем, носил специфические одежды, обладал особыми регалиями в виде кольца, пояса и копья, а также ездил на коне особой породы.

Имеет смысл сопоставить некоторые топонимы Кахети (Эрети) с вайнахскими названиями. Так как в наши задачи не входит детализация военно-политической истории эров, которые в данном случае интересуют нас лишь в отношении их этнического облика, мы будем называть топонимы без комментариев к событиям, в связи с которыми они упоминаются.

В «Летописи Картли» читаем: «...пришел Халил арабиец, сын Изиды, и завоевал Армению, Картли и Эрети. Убил Ашота Куропалата в самой церкви в Гардабани...». Известно, что средневековые гардабанцы соответствовали нахоязычным цанарам (см. в данном сборнике статью «Забытая война забытого народа»). Вспомним, что гардабанцы (как жители княжества Гардаман) упоминались наряду с гаргарейцами в «Истории страны Алуанк»: «...от его (Арана) сына произошли племена Утийского, Гардаманского, Цовдейского, Гаргарского княжеств». Очевидно, здесь мы видим указание на этническое родство утиев, гардабанцев (цанаров), цовдейцев и гаргарейцев. Учитывая нахский этнический облик гаргарейцев и гардабанцев (цанаров), можно допустить, что и утии вместе с цовдейцами представляли собой нахские племена.

Далее в «Летописи Картли» упоминаются крепости Вежины, Гавази, Орчоби и Ариши в связи с войной хорепископа Квирике и абхазского царя Константина против эров, причем названные крепости располагались в Эрети (Кахети). Трудно сказать что-нибудь определенное про первые три названия, но что касается Ариши, то этот топоним широко распространен в Чечне и Ингушетии и в своей основе имеет слово аре (мн. ч. ареш) – «долина», «равнина», «поле» (ср. урартск. aṛi – «поле», а также многочисленные урартские топонимы с основой aṛ/aṛi).

Особый интерес представляет собой крепость Нахчеван в Кахети (Эрети), упоминаемая в связи с нападением на эту область царя Баграта IV (XI век). Этот топоним оформлен по типу некоторых закавказских названий, оканчивающихся на «ван» (Ереван, Ширван, Курдиван и т.д.). Мы уже упоминали, что армянское «ван» по мнению Гр. Капанцяна является транскрибированным урартским словом «э-бани», «биани» в значении «поселение», «город». Исходя из этих значений, Нахчеван буквально означает «город Нахче». Нахче, как известно,

самоназвание чеченцев. Отметим, что в древности и средневековье в различных регионах Закавказья и Передней Азии были известны четыре города с таким названием.

Эры упоминаются в грузинских источниках вплоть до конца XI века. Какова их дальнейшая судьба? Возможно, ответ на этот вопрос содержится в «Летописи Картли», в описании вторжения в 1068 году в Закавказье, в том числе и в Кахетию, турок-сельджуков во главе с султаном Алп-Арсланом: **«Спустя три года явился султан, обошел Рани (Албанию) и неожиданно вторгся в Эрети. Вельможи страны той были заодно с Багратам (грузинский царь Баграт IV) и преданы ему. В ту пору царем в Кахети (Эрети) был небогатый имуществом Ахсартан сын Гагика. Все (кахетинцы) побросали крепости свои и бежали на Кавказ».**

В древности географический термин «Кавказ» толковался в грузинской традиции не так широко как ныне. Этим названием обозначалась центральная часть Главного Кавказского хребта, а в более поздних описаниях – гора Эльбрус. Под кавказцами («кавказиане») подразумевались вайнахи. Поэтому выражение «бежали на Кавказ» мы должны понимать в том смысле, что эры ушли в центральную часть горных районов Северного Кавказа, на территорию древнего обитания вайнахов «от реки Ломеки (Терека) до пределов Кавказа на западе», как очерчивает территорию расселения предков чеченцев и ингушей «Жизнь картлийских царей».

Вряд ли мы должны полагать, что все нахоязычные обитатели Кахети (эры, цанары) ушли на Северный Кавказ. Во всяком случае, царевич Вахушти еще в XVIII веке отмечал, что кахетинцы считают вайнахов родственным себе народом. Он писал: **«Кахетинцы считают своими дзурдзуков, глигвов и кистин, а они не ведают об этом с того времени, как отпали».** Исследуя горские диалекты грузинского языка Восточной Грузии, Ф. Утургаидзе нашел подтверждение словам царевича Вахушти. В своей работе «Некоторые особенности горских диалектов грузинского языка» (Тифлис, 1966 г.) Ф. Утургаидзе отмечал глубокие связи этих диалектов с нахским языком. Это, по его мнению, вызвано не процессом заимствования, а является наследием нахского населения, обитавшего в древности в этом регионе, чей язык послужил субстратом (основой) при формировании нынешних горных диалектов грузинского языка.

V

Эры (hiri) снова появляются в письменных источниках в XV веке. В так называемом «Завещании Андуника», составленном в 1485 году, среди районов, находящихся в вассальной зависимости от аварских ханов, упоминается общество Хириссел, то есть, как полагают ученые, чеченцы общества Хири. Общество Хири (вариант произношения Кири) существует по сей день и расположено на правом берегу реки Шаро-Аргун.

В то же время название хири используется вайнахами для обозначения осетин.

Крупнейший ученый-иранист В.И. Абаев в своем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» отмечает, что самоназвание восточных осетин «ир» имеет местное, кавказское происхождение и связывает его с грузинским heri (эры) и вайнахским хири.

В вышедшей через год работе о лексических параллелях между осетинским и вайнахским языками В.И. Абаев, помимо прямых заимствований из вайнахского языка в осетинский, выделил обширный пласт слов, которые **"идут из общего для обоих языков местного, кавказского субстрата"**. И более определенно: **"по нашему убеждению... в осетинском имеются отложения, идущие из местных "субстратных" яфетических языков, родственных, по-видимому, чечено-ингушскому"; "не прямо из ингушского или чеченского, а из какого-то их предшественника"; "не как усвоенные из чечено-ингушского в осетинский или обратно, а как принадлежавшие тому местному языковому субстрату, на основе которого сформировались и чечено-ингушский и осетинский языки"; "ряд сходжений ведет от чеченского прямо к осетинскому, минуя**

ингушский. Мало того, некоторые из них связывают чеченский с западным, дигорским диалектом осетинского языка, минуя иранский. Все вместе это указывает на большую древность и глубину осетино-вайнахских связей".

Относительно двалов (южных осетин) грузинский ученый В.Н. Гамрекели после детального анализа всех имеющихся данных пришел к выводу, что «...двалы, будучи сначала (до языковой иранизации) обособленным иберокавказским племенем, ближе всего стояли к группе вайнахских племен, причем под вайнахскими следует понимать не современный чечено-ингушский народ, а те этнические единицы, из которых позже сложилась вайнахская народность».

Даже оставляя без внимания глубокие черты сходства антропологических типов, эпоса и фольклора, культуры и быта, архитектуры, мифологии и многих обычаев вайнахов и осетин, мы сегодня можем видеть, что эти народы с глубокой древности формировались в тесных этнических связях и взаимовлиянии. И вполне согласуется со всем этим то, что племя эров, не являясь «чисто вайнахским», а лишь находясь с последними в генетическом родстве, сыграло немаловажную роль в этногенезе осетин.

До XI века эры живут в Закавказье, с XV века они фиксируются на Северном Кавказе. Когда началось взаимодействие эров с предками осетин? На этот вопрос нам сегодня трудно ответить. Но взаимодействие это было длительным и у нас нет оснований говорить, что эры растворились в осетинской среде сразу же после своего появления на Северном Кавказе. Этнолог-кавказовед Н.Г. Волкова пишет: «Предельно скупы в источниках сведения об этнониме ирон – самоназвании восточной группы осетин. Непонятно, чем объяснить подобное обстоятельство, но источники вплоть до конца XVIII века не знают этого имени». По-видимому, этническое взаимодействие нахоязычных эров и ираноязычных предков осетин началось в конце XI – нач. XII вв. и завершилось в недавнее по историческим меркам время. Уточнение этих сроков и выявление сопутствующих деталей – дело будущего.

Кобанская культура и предки вайнахов

*«Относительно происхождения чеченцев
еще существует самая глубокая тьма. Их
считают древнейшими обитателями
Кавказского полуострова, которые сохранили
Первобытные обычаи и воинственный дух
Древних...» (Мориц Вагнер, 1848 г.)*

I

Отправной точкой наших рассуждений должен стать факт языкового и генетического родства вайнахов с древними хурритами и населением просуществовавшего до 590 года до н.э. царства Урарту (сами себя урартийцы называли халдами, свою страну – Биайни, а древние греки именовали их алародиями).

Впервые это родство стало предметом специального изучения в книге К.М. Туманова «О доисторическом языке Закавказья», изданной в 1913 году в Тифлисе. Несмотря на русское звучание фамилии, К.М. Туманов, как установил чеченский исследователь Лема Усманов, был выходцем из старинного грузинского княжеского рода и, получив блестящее европейское образование, обладал широким историческим кругозором. Живя и работая в Тифлисе, К.М. Туманов имел доступ к древним закавказским летописям, и это обусловило подробное и вдумчивое их использование грузинским исследователем.

Вкратце версия К.М. Туманова такова. Под мифическим первопредком кавказских народов Таргамосом, выведенным в своде древнегрузинских летописей «Картлис Цховреба», следует видеть какой-то древний могущественный народ, обитавший в Передней Азии (включая и Закавказье). Этим народом, по мнению К.М. Туманова, были урартийцы. В начале VI в. до н.э. царство Урарту пало под ударами враждебных держав и часть его жителей двинулась на север – в Центральное Закавказье и далее на Северный Кавказ. Путь продвижения таргамосиан-урартийцев отмечен топонимами, понимаемыми при помощи чеченского (вайнахского) языка. Из этого, как полагал К.М. Туманов, следует, что язык урартских клинописей родственен вайнахскому. Таким образом, мы по праву можем называть К.М. Туманова основоположником научной теории вайнахского и хуррито-урартского языкового и этнического родства.

В 1931 году вышла в свет работа немецкого ученого Иосифа Карста, посвященная древним языкам Средиземноморья. В ней, в частности, говорится: «Чеченцы не собственно кавказцы, но этнически и лингвистически резко отделяются от прочих народов Кавказа. Они – перемещенный на Кавказ отпрыск великого гиперборейско-палеоазиатского племени, которое простиралось от Турана через Северную Месопотамию и в Ханаан». В другой работе, уточняя, кого он подразумевал под «великим племенем», от которого произошли чеченцы, Иосиф Карст назвал язык последних «северным отпрыском праязыка, который некогда занимал гораздо более южную территорию, а именно в доармяно-алародийской Передней Азии». Выше уже отмечалось, что «алародии» – греческое название урартийцев. Таким образом, немецкий ученый считал чеченцев (вайнахов) потомками урартийцев (алародиев), переместившимися в силу каких-то исторических обстоятельств на Кавказ.

В последующие годы родство между вайнахами и хуррито-урартийцами на лингвистическом и историческом материале обосновали Ян Браун, Г.А. Климов, Ю.Д. Дешериев, И.М. Дьяконов, А.С. Чикобава, Р.М. Мунчаев, О.М. Джапаридзе, А.Ю. Милитарев, С.А. Старостин и другие ученые.

А.П. Новосельцев, резюмируя достижения ученых в этой области, писал, что «в наши дни окончательно решена этническая принадлежность урартов (алародиев), которые, как это основательно доказано, говорили на языке ныне исчезнувшей языковой группы (ближе всего к ней некоторые современные центрально-северокавказские языки – чеченский и ингушский)».

В академическом издании «Материалов по истории СССР» это родство получило следующую формулировку: «Урартский (как и хурритский) язык принадлежал к особой языковой семье, из современных языков наиболее близкими к ним являются некоторые языки Северного Кавказа (чеченский и ингушский)». Вайнахо-урартское родство как научно доказанный факт нашло свое отражение и в вузовском учебнике по истории (несуществующего уже) СССР: «...племена алародиев (или урартов), говорившие на несохранившемся до наших дней языке (из современных к нему наиболее близки чеченский и ингушский), еще в XIII в. до н.э. создали свой племенной союз». О родстве вайнахов с хурритами и урартийцами упоминает и немецкий ученый Г. Вильхельм в вышедшей в 1992 году в русском переводе книге «Древний народ хурриты».

Мы привели этот беглый перечень для того, чтобы читатель знал, что родство вайнахов с хуррито-урартами является основательно доказанным фактом серьезной исторической науки. И этот факт имеет узловое значение для дальнейших наших сопоставлений.

II

К северу от горы Казбек, на высоких террасах левого берега Гизельдон, расположился старинный осетинский аул Кобан. Весной 1869 года паводок Гизельдона разрушил берег у селения и местные жители обнаружили торчащие из земли человеческие кости и бронзовые вещи. Местный богатый землевладелец Хабош Кануков собрал некоторые из этих предметов и переправил их в Тифлис, в Кавказский музей. В 1876 году приехавший в Тифлис заведующий отделом древностей одного из московских музеев Г.Д. Филимонов обратил внимание на вещи из осетинского селения. В следующем году он отправился в Кобан, произвел там раскопки и убедился в существовании обширного древнего могильника. Раскрыв незначительную часть могильника, Филимонов определил найденные предметы как относящиеся безусловно к «доисторической культуре». Вслед за ним к аулу Кобан началось целое паломничество российских и западноевропейских ученых. Двое из них француз Эрнест Шантр и немец Рудольф Вирхов, после раскопок в 1880 году выпустили первые в западноевропейской научной литературе книги о кобанской культуре.

Стало ясно, что на Кавказе обнаружена блестящая культура древних эпох. Вещи, подобные кобанским, стали находить и в других местах Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечни и Ингушетии. Крупнейшие музеи мира развернули за этими находками настоящую охоту, тратя на их приобретение огромные суммы.

На археологическом съезде в Тифлисе в 1881 году выдающийся русский археолог граф А.С. Уваров уделил главное внимание находкам в Кобани и датировал их началом I тысячелетия до н.э.

«В чем причина, – задается вопросом специалист по древним культурам Я.В. Доманский, – несомненно заслуженно возникшей популярности впервые открытых памятников искусства далекого прошлого Кавказа? Чем объяснить пристальное внимание к нему ученых, любителей старины, коллекционеров, интерес широких кругов научной общественности, чем объяснить стремление многих музеев включить в свои собрания бронзовые вещи Кавказа? Почему довольно скоро после первых раскопок последовали серьезные труды как русских, так и иностранных исследователей, посвященные кавказским находкам?» И отвечает: «Восхищение этими вещами было всеобщим и лишь в малой степени объясняется быстро проходящими веяниями моды, воздействием кавказской экзотики, явно ощутимым тогда в России и в Западной Европе. Вещи из Кобана и другие подобные им вдруг извлеченные из

небытия предметы поразили исследователей художественным совершенством, свойственным к тому же не отдельным, а многим экземплярам, огромным числом, многообразием. Чрезвычайно оригинальные, самого различного назначения, своеобразных, часто удивительно стройных форм, безупречной выделки, изящные и нарядные, казавшиеся воплощением безукоризненного чувства гармонии – все эти изделия убедительно демонстрировали, какого поразительного расцвета достигла художественная обработка металла у древних племен Кавказа 2500-3000 лет назад».

Многие ученые после кобанских находок стали по-новому смотреть на развитие мировой истории. Французский ученый Бертран провозгласил решающее значение Кавказа в возникновении бронзовой культуры Европы. По мнению А.С. Уварова, «культура кавказских племен предшествовала многими веками культуре остальной Европы». Именно в этот период за европеоидной расой окончательно закрепилось название «кавказской», так как кавказские горцы были признаны древнейшими европеоидами («арийцами»).

Такова кобанская культура, о которой в вайнахской среде знают, к сожалению, лишь специалисты-историки. А ведь кобанская культура является важнейшей вехой в древней истории вайнахов и то, что наши предки создали эту прославленную культуру должно снова напомнить нам о седой древности нахской цивилизации.

III

В научной литературе далеко не сразу было признано, что племенами, создавшими кобанскую культуру, были предки вайнахов. Долгое время в кавказоведении господствовало мнение Я.А. Федорова, который вынес развитие протовайнахских племен за рамки распространения кобанской культуры, противопоставив их тем самым древнему населению Центрального Кавказа. По версии этого ученого, «племена кобанской культуры стали основой формирования северокавказских народностей – осетин, карачаевцев, балкарцев». Что касается самих кобанских племен, то их Я.А. Федоров считал предками адыгских народов – кабардинцев, адыгейцев, черкесов и т.д. Получалось, что предки адыгов создали кобанскую культуру, затем часть их смешалась с пришлыми иранскими и тюркскими племенами и в итоге на Кавказе появились осетины, карачаевцы и балкарцы.

На чем основывалось предположение Я.А. Федорова о том, что именно предки адыгов создали кобанскую культуру? Вот как он сам отвечал на этот вопрос: «К сожалению, нам неизвестен язык племен, обитавших в горах Северной Осетии во второй половине II тыс. до н.э., в пору бытования кобанской культуры. Теперь здесь говорят на осетинском языке, принадлежащем к восточно-иранской группе языков. Но в горах сохранились топонимы-реликты, не имеющие ничего общего с иранским языком. Больше того, ряд собственных названий осетинских племен – ир, туал, дигор также не имеет ничего общего с иранским языковым миром и, по мнению В.И. Абаева, представляют старые, доиранские этнические наименования». Дальше следует странный вывод: «А так как, по мнению подавляющего большинства ученых-кавказоведов, осетинский народ сформировался на коренном кавказском субстрате носителей кобанской культуры, то и самих кобанцев надо ввести в круг племен, генетически связанных с протоадыгами».

Действительно, В.И. Абаев, крупнейший специалист по иранским языкам, считает, что самоназвания различных групп осетин – ир, туал, дигор имеют местное, кавказское происхождение, но связывает их не с адыгами, а вайнахами. В частности, этноним ир/ирон он связал с вайнахским названием осетин *higi*. Сам этот этноним носило нахоязычное племя эров, о котором подробнее говорится в одной из статей в данном сборнике («Дорога эров»). Говоря о происхождении осетин, В.И. Абаев писал, что в осетинском языке множество слов «идут из общего для обоих языков местного, кавказского субстрата». «По нашему убеждению – отмечал этот ученый – в осетинском имеются отложения, идущие из местных "субстратных" яфетических языков, родственных, по-видимому, чечено-ингушскому»; «не

прямо из ингушского или чеченского, а из какого-то их предшественника»; «не как усвоенные из чечено-ингушского в осетинский или обратно, а как принадлежавшие тому местному языковому субстрату, на основе которого сформировались и чечено-ингушский и осетинский языки»; «ряд сходжений ведет от чеченского прямо к осетинскому, минуя ингушский. Мало того, некоторые из них связывают чеченский с западным, дигорским диалектом осетинского языка, минуя иранский. Все вместе это указывает на большую древность и глубину осетино-вайнахских связей». Таким образом В.И. Абаев, на которого ссылался Я.А. Федоров, действительно утверждает, что осетины, как народ, произошли от смешения пришлых ираноязычных племен с местными кавказскими племенами, но в качестве этих местных кавказских племен В.И. Абаев называет предков вайнахов, а не адыгов.

Выводы лингвиста В.И. Абаева подкрепляются выводами и крупнейшего российского антрополога В.П. Алексеева, который пишет: «Современные осетины физически являются не потомками пришлых алан, а потомками местных племен, говоривших ранее на одном из кавказских языков. Аланский суперстрат в языке и культуре осетин хронологически не уходит глубже эпохи раннего средневековья». В.П. Алексеев не уточняет, какой именно язык он подразумевает под «кавказским языком», но это становится ясно из вышеизложенных выводов лингвиста В.И. Абаева.

Об этнониме «дигор» в своей монографии «Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время» профессор В.Б. Виноградов писал: «Относительно этнонима «дигор», для которого я безусловно признаю кавказское происхождение, можно, опираясь на сумму историко-лингвистических данных, предложить... версию этимологии. Суффикс -р-, образующий форму «диг-о-р», по справедливому мнению В.И. Абаева есть показатель множественности, присущий многим языкам Кавказа, в том числе сванскому и ряду дагестанских. Как показали недавние исследования И.А. Арсаханова..., он присущ и нахским языкам (чеченскому, бацбийскому). В этом случае становится возможным предложить нахскую расшифровку этнонима «дигор». Диг/дик1/ в нахских языках означает «топор». Это односложное слово и своей семантикой, и морфологическими признаками относится к древнейшему слою языка. Стоит задуматься над тем, что этническое имя «дигор» и название территории «Дигория», имея протовайнахское происхождение, сродни тем топо- и этнонимам, что часто возникали на Кавказе, базируясь на производственном признаке или какой-либо характерной черте местной культуры /ср.: зирехгеран – кольчужники в Дагестане, пхьарчой – стрелки-лучники, чармой – кадушечники, кхийра – керамисты, ачара – железники и т.д. в Чечено-Ингушетии/. Это лишь гипотеза. Но она подкрепляется хорошо известным археологам обилием всевозможных каменных и бронзовых топоров, которые даже на фоне их всеобщей распространенности на Кавказе, в Дигории и смежных с ней районах являют совершенно особую массовость и вычурность форм в конце бронзового века».

Что касается юго-осетин (туалов или, по-грузински, двалов) грузинский ученый В.Н. Гамрекелли в своей объемной монографии «Двалы и Двалетия в I-XV вв. н.э.» пишет, что до их языковой иранизации в XV-XVI вв. н.э. они «ближе всего стояли к группе вайнахских племен», то есть утверждает, что еще 400-500 лет назад население Южной Осетии говорило по-вайнахски. Этноним «двалы/туалы» ученые выводят из нахского теонима «Дела», что типологически соответствует таким названиям как «халдини» («принадлежащие божееству Халди»), «маълхи» («солнечные», «принадлежащие солнцу») и т.д.

Осетинский ученый Б.В. Техов, крупнейший знаток кобанской культуры, в своей монографии «Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э.» пишет так: «Интересно отметить, что две главные реки на территории Южной Осетии – Большая и Малая Лиахви – носят название, объясняемое из вайнахских языков. Этот гидроним в более чистой форме сохранился в осетинском языке, где он передается Леуахи (Стыр Леуахи, Чысыл Леуахи). «Леуа» по-вайнахски – снег, ледник, а «хи» – вода. Значит – это снежная (ледниковая) вода.

Действительно, эти реки берут свое начало в вечных снегах, расположенных в высокогорных районах Южной Осетии. Этот гидроним (Леуахи) и некоторые другие топонимы свидетельствуют о пребывании на данной территории вайнахских племен».

Как мы видим из исследований ученых, на территории не только Северной, но и Южной Осетии до прихода туда ираноязычных предков осетин жили древние вайнахские племена. Что касается кабардинцев (адыгов), в которых Я.А. Федоров видел создателей кобанской культуры, то они оказались на месте своего нынешнего обитания, то есть в зоне распространения древней кобанской культуры, лишь в эпоху средневековья (в XIII-XIV веках. Кабардинские князья получили эти земли от контролировавших в ту пору равнины Предкавказья золотоордынских ханов, оттеснивших местное вайнахское население в горы. По словам российского кавказоведа Л.И. Лаврова «попытки... доказать значительно более древнее появление кабардинцев на нынешнем месте основаны на наивном использовании фольклора и на ...механическом перенесении поздно сложившихся расовых признаков в древние времена».

Таким образом, создателями кобанской культуры оказываются не адыги, пришедшие на Центральный Кавказ почти через два тысячелетия после исчезновения этой культуры, а предки вайнахов, чьи следы явственно различимы и в языке осетин, и в их самоназваниях, и в географических названиях обеих Осетий.

Вывод о том, что создателями кобанской культуры являются предки вайнахов, ныне занял прочные позиции в исторической науке. В частности, этот вывод как доказанный факт вошел в многотомное академическое издание «Археологии СССР», в котором именно нахские (вайнахские) диалекты признаны языком кобанских племен, часть которых послужила этнической базой (субстратом) формирования карачаевцев, балкарцев и осетин.

Резюме

В XIII в. до н.э. в районах Центрального Кавказа зарождается высокоразвитая кобанская культура (В.И. Козенкова), древние истоки которой отчетливо прослеживаются в Закавказье приблизительно с XVI в. до н.э. (Б.В. Техов). На Северном Кавказе эта культура охватывает ареал, ограниченный с востока Восточной Чечней, с запада – бассейном реки Кубань, с севера – районом Пятигорья и Кавказских минеральных вод, и с юга – Большим Кавказом (Я.А. Федоров). Кобанская культура просуществовала вплоть до V в. до н.э. (В.И. Козенкова).

На той территории, где в древности бытовала кобанская культура, ныне проживают вайнахи, осетины (северные и южные), кабардинцы, балкарцы, карачаевцы и некоторые горногрузинские этнические группы (хевсуры, пшавы, тушины и др.). Осетины, балкарцы и карачаевцы сложились в современные этносы в эпоху средневековья в результате слияния пришлых ираноязычных и тюркских племен с кавказскими (В.И. Абаев, И.М. Мизиев и др.). Кабардинцы переселились на место нынешнего обитания после монгольских походов – приблизительно в XIII-XIV вв. (В.И. Абаев, В.А. Кузнецов, Л.И. Лавров и др.). Следовательно, древнейшими обитателями ареала распространения кобанской культуры могли быть только прямые предки вайнахов.

Это подтверждается следующими фактами:

а) Северные осетины (иронцы, дигорцы), по мнению крупнейшего ученого-ираниста В.И. Абаева, имели своими предками какие-то древние вайнахские племена; их следы остались в языке, физическом облике, эпосе, обычаях, в башенной и погребальной архитектуре осетин. Что касается южных осетин (туальцев), то они сохраняли свой нахский этнический облик вплоть до XV века (В.Н. Гамрекели), и многие географические названия обеих Осетий до сих пор сохраняют вайнахское звучание (В.И. Абаев, Б.В. Техов и др.). Таким образом, та

территория, где ныне проживают осетины, в древности была занята родственными вайнахам племенами;

б) Известно, что «грузинированными племенами чеченского народа» (по выражению Н.Я. Марра) являются хевсуры, пшавы, тушины, мохевцы и другие грузинские горцы, многие из которых еще в XVIII-XIX вв. помнили о своем вайнахском происхождении (Вахушти Багратиони: «Кахетинцы считают своими дзурдзуков, глигвов и кистин, а они не ведают об этом с того времени, как отпали»).

Все упомянутые народы (вайнахи, осетины, карачаевцы, балкарцы, грузинские горцы, а также андийцы Дагестана, происходящие, по преданиям, от чеченцев), относятся к единому кавкасионскому антропологическому типу, что свидетельствует о генетическом единстве их древних предков (В.П. Алексеев, М.Г. Абдушелишвили, А.В. Шевченко и др.). По мнению многих антропологов, наиболее типичными, «эталонными» кавкасионцами являются вайнахи.

Такие ученые как В.И. Козенкова и целый ряд других на основе целого ряда данных считают кобанцев прямыми предками вайнахов. В своде древних грузинских летописей «Картлис Цховреба» указывается ареал расселения кавкасианцев (этим названием в грузинской исторической традиции обозначались все нахские племена, круг которых в древности был намного более обширным, чем ныне: кроме районов Закавказья (территория от Дидоэти до Сванети)), на Северном Кавказе нахи заняли земли «от реки Ломеки (Терека) на востоке до пределов Кавказа на западе», что в целом соответствует ареалу расселения кобанских племен.

Утверждения некоторых ученых о том, что вайнахи освоили равнины Предкавказья лишь в XV-XVI вв. являются конъюнктурными домыслами, далекими от объективных исторических данных. Предки вайнахов заселили и освоили северокавказские равнины по крайней мере около трех – трех с половиной тысячелетий назад и с тех пор только нашествия более многочисленных завоевателей заставляли их временно отступать в горы.

Чеченские этимологии

«ДЕЛА»

В чеченском языке теоним Дела настолько устойчив, что не вышел из религиозного лексикона даже в наши дни. «DELA» на-чеченском означает «Бог отцов». Слово «*dela*», по нашему мнению, распадается на два семантических корня: *de* – «отцов», «отцовский» и *ela* – «бог», «владыка», «повелитель». Ныне слово *ela* стало социальным термином в значении «князь», «господин», «повелитель», но даже сегодня некоторые чеченцы старшего поколения обращаются (во время молитвы – доа) к Всевышнему так: «*Than Veza Ela*», что значит «наш Великий Господин (*ela*)». Можно напомнить и о том, что чеченское слово «пророк» (эл-чи) буквально означает «Божий человек». Следовательно, религиозное значение слова *ela* сохранилось и по сей день.

Впрочем, обратившись к древним и современным восточным языкам, мы без труда обнаруживаем корень *el* (*il*, *al*) в значении «бог», «господин», что делает чеченский случай частью какой-то древнейшей сакральной традиции. Например, древние вавилоняне термин «бог» обозначали словом *ilu* (само название «Вавилон» происходит от словосочетания *Bav-ilu*, что значит «Врата божьи»); у жителей древнейшего сирийского города Эблы слово *el* обозначало «бог», у финикийцев *ili* – «бог», у арамейцев *el* – «бог»; у древних евреев *eli* – «бог»; даже в современном арабском языке священное имя нашего Творца – Аллах имеет в своей основе корень *al* – «бог».

Чеченское *ela*, ингушское *ala*, бацбийское *alu* в общем значении «повелитель», «господин», «бог» укладываются в этот ряд. Возможно, это слово в древние семитские языки попало из пранахского. Это соображение подкрепляется тем, что в нахских наречиях слово *ela* (*ala*) имеет надежную этимологию (объяснение смысла), связанную с глаголом «говорить», «повелеть», «сказать» – *ela*, *ala*, *olu* и т.д. То есть, слово *ela* («повелитель», «бог», «господин») имело первоначальное значение «повелевающий», «приказывающий» (Ю.Д. Дешериев).

Такая семантика соответствует кораническому и библейскому образу нашего Творца; например, в Святом Коране о Всевышнем говорится, что Он творит, создает словом, речением: «Он – творец небес и земли, а когда Он решит какое-нибудь дело, то только говорит ему: "Будь!" – и оно бывает» (Сура «Корова», аят 117). В Библии (в Новом Завете) Бог даже назван Словом: «Вначале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, 1,1). В иудейской Торе Бог также творит словом, повелением, речением: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет...; И сказал Бог: да будет твердь...; И сказал Бог: да соберется вода...; И сказал Бог: да произрастет земля зеленью...» (Бытие, 1:3-11).

Мы видим, что связь между понятием *ela* (*ala*) – «повелитель», «бог» и глаголом *ela*, *ala* «повелевать», «приказать», «сказать», отражает одну из сторон Божественной Мощи – способность творить повелением, речением. Поэтому у нас есть основания считать, что в семитские языки это слово (*ela*, *al*, *il*) попало из древненахского, в котором оно находит свое смысловое объяснение, отсутствующее в семитских.

Сказанное подкрепляется и тем, что слово *alai*, *alaini* в значении «повелитель», «господин» обнаруживается в древнейшем хурритском языке и в его диалекте – урартском, которые, по крайней мере с IV тысячелетия до н. э. были широко распространены в Междуречье, Сирии и Палестине, тесно соприкасаясь с древними семитскими языками и диалектами. И не только соприкасались, но и смешивались с последними (так, ассирийцы, как признают ведущие востоковеды И.М.Дьяконов, Б.Б.Пиотровский, Г.А.Меликишвили и др., произошли от смешения аккадцев-семитов с нахоязычными хурритами). Есть веские основания предполагать, что другой семитский народ – евреи – также представляют собой

результат смешения хурритских и западносемитских (финикийских) этнических компонентов.

Итак, теоним (имя бога) Dela означает «бог отцов». Интересно, что такое же словосочетание («бог отцов») очень часто встречается и на страницах Библии. Например: **«Бог отцов наших послал меня к вам»** (Исход, 3,13); **«...явился тебе Господь, Бог отцов их»** (Исход, 4,5) и т.д. Встречается это выражение и на страницах Священного Корана: **«Разве вы были свидетелями, когда предстала к Йакубу смерть? Вот, он сказал своим сынам: "Чему вы будете поклоняться после меня?" Они сказали: "Мы будем поклоняться твоему Богу и Богу твоих отцов, – Ибрахима, и Исмаила, и Исхака, – единому Богу, и Ему мы предаемся"»** (Сура "Корова", аят 133).

Любопытно, что финикийцы древнейшего своего бога, прародителя всех богов и людей Баала кафонского («кавказского», так как в восточных языках Каф – это Кавказ) называли «отцовским Илу». Учítывая, что ilu на финикийском означает «бог», это выражение так же звучит как «отцовский бог», «бог отцов». Таким образом, мы и здесь сталкиваемся с древнейшей традицией самых разных народов обозначать Единого Бога как «Бога отцов».

Подытоживая, можно сказать, что вайнахское слово Ела первоначально являлось одним из эпитетов Единого Бога и означало «Повелитель», «Творящий Словом, Речением», «Приказывающий». А словосочетание Dela («Бог отцов») свидетельствует об изначальном единобожии у чеченцев, как и у других древнейших народов, что согласуется со священными Писаниями монотеистических религий.

Таковы, вкратце, сведения, которые дает нам чеченский термин Dela.

«ЛОВЗАР»

*«Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались –
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелою шапку подбивают
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют – И гул лесной
Далече вторит их напевы...»
(А.С.Пушкин, «Тазит»).*

В «Чеченско-русском словаре» А.Г.Мациева слову «ловзар» дается такой перевод: «игра», «забава», «свадьба». Ловза – «играть», «развлекаться», «забавляться». Слово ловза распадается на два самостоятельных понятия: лов («терпеть», «выносить») и зие («испытывать»). Ас кем ца лов («Я не выношу самолета»), ас шело ца лов («я не выношу холода») и т.д., – так говорят чеченцы, когда хотят показать, что не терпят, не выносят что-то. Таким образом, слово «ловза» буквально обозначает «испытывать на терпение», «испытывать на выносливость».

Такие испытания были распространены у всех древних народов и в этнографической науке называются инициациями. Когда подросток достигал определенного возраста (у чеченцев – 15 лет) считалось, что ему нужно сдать своеобразный экзамен на выносливость, ловкость, храбрость, чтобы перейти в категорию мужчин и получить все права свободного человека, воина. Устраивались военно-спортивные соревнования, в ходе которых юноши

показывали быстроту, силу, меткость, умение владеть конем и оружием. Подобные соревнования описаны в романе Идриса Базоркина «Из тьмы веков». В начале XIX века, как это видно из приведенного нами отрывка поэмы А.С.Пушкина «Тазит», эти соревнования были в ходу и у чеченцев.

С развитием вооружения и методов войны условия спортивных игр и их оформление менялись. О том, как эти игры проходили в глубокую древность, можно судить по наблюдениям, проведенными учеными-этнографами среди примитивных племен Южной Америки, Океании и Африки. У этих племен главное внимание при испытании подростков уделяется способности терпеть боль. Описание обрядов инициации среди американских индейцев напоминает перечень изощренных пыток. Например, у бразильских индейцев подросткам прокалывали длинными шипами щеки и язык, нарезали на коже груди или спины продольные отверстия, через которые продевались ремни, на которых испытуемые подвешивались на ветвях деревьев. Было распространено испытание огнем, когда на ладони, плече или животе подростка разжигали маленький костер. После того, как подросток показал свою выносливость, ему давалось настоящее, «взрослое» имя на всю жизнь. Чеченское выражение «цӀе тилла», означающее одновременно «дать имя» и «увенчать огнем», является воспоминанием об испытаниях огнем, пройдя которые юноша получал вместо детского мужское имя.

Как мы видим, забавами и развлечениями ловзары стали далеко не сразу. Их традиционно проводили осенью, после уборки урожая. Юноша, пройдя испытание, получал право обзавестись своей семьей и, как хорошо известно, свадьбы проводились обычно осенью. Ловзары были комплексными праздниками – испытания доблести молодежи, уборки урожая, свадеб. Поэтому ловзар – еще и «свадьба».

«ОНДА»

А. Мацаев в составленном им «Словаре» переводит чеченское слово *onda* на русский как «крепкий», «твердый», «сильный», «прочный». В горных диалектах, более архаичных по сравнению с равнинными, легшими в основу чеченского литературного языка, это слово звучит как *anda*. Вообще замечено, что в древности чеченский язык был больше «акающим», нежели «окающим».

Onda (*anda*) означает в вольном переводе «то, из чего сделано небо». *An* – «небо», *da* – «делать», «творить». Оба эти слова имеют очень древнее происхождение, так как обнаруживаются еще в шумерских клинописных текстах, составленных более 5 тысяч лет назад. В шумерском (как и в вайнахском) *An* означало «небо», «божество неба», *a du* (*do*) – «делаю». В урартских текстах (в частности, в летописи царя Аргишти I, сына Менуа, высеченной на Ванской скале) мы неоднократно встречаем слово *andani* в значении «крепость», «укрепленный город». Любопытно, что в различных древних диалектах индоевропейцев-кельтов (например, в северо-ирландском диалекте) обнаруживается слово *ond* в значении «камень» (см. этимологический словарь М. Маковского).

Следует отметить, что слово *an*, которое в шумерском и вайнахском означает «небо», в древнеассирийском (аккадском) языке имеет неожиданный смысл – «железо» (это отмечено в трудах востоковеда Г.А. Меликишвили).

Теперь мы можем составить свой собственный небольшой словарь:

Чеченское слово *onda* (*anda*) – «крепкий», «твердый», «сильный», «прочный» («то, из чего сделано небо»);

Шумерское *an* – «небо» и *do* (*du*) – «делаю» (*da* – «делать»);

Урартское *andani* – «крепость», «укрепленный (город)»;

Кельтское *ond* – «камень»;

Ассирийское *an* – «железо».

Мы видим, что интересующая нас лексема в языках самых различных древних и современных народов проявляет себя в характерных значениях – «твердое», «прочное», «камень», «железо» и «небо». И на память приходит выражение «небесная твердь».

Древние предполагали, что небо сделано в виде свода из очень крепкого материала, «тверди». В Библии, например, сотворение неба описывается так:

«И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.

И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

И назвал Бог твердь небом» (*Бытие, 1:6-8*).

Здесь нашло отражение древнее представление о том, что существует два вида влаги: «небесная вода» (дождь) и «земная вода» (моря, реки и т.д.). Небо как бы разделило эти воды друг от друга твердым куполом. Когда идет дождь, в «небесной тверди» открываются специальные люки («окна») и через них на землю изливается «небесная вода», то есть дождь. Закрытие этих люков («окон») прекращает дождь. Такое представление отразилось в библейском описании Великого Потопа:

«В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились;

И лился дождь сорок дней и сорок ночей» (*Бытие 7: 11-12*).

В Библии не сказано, из какого материала был построен свод неба. Можно только предполагать, что это был очень прочный, крепкий материал, так как он назван «твердью» (от слова «твердый»). Ассирийцы считали этот материал железом и поэтому в их языке слово *an* («небо») означало одновременно и «железо». Видимо, этому в немалой степени послужило падение с неба железных метеоритов, которые могли быть восприняты как «осколки», отколовшиеся от «небесной тверди». У древних кельтов небо считали каменным (*ond*) – «камень». Что касается вайнахов, то их представления относительно «строительного материала» для неба отражены в любопытном мифе под названием «Пирьон» («Фараон»), который начинается так:

«Пирьон (некоторые называют его Пирьов) спорил с Богом. Где-то на краю света из латуни и меди Пирьон сделал своды в виде небес. По ним он с грохотом катал бочки и лил из них воду.

-- Я ли не могу греметь громом? Я ли не могу лить дождь? Я ли не являюсь богом? -- говорил он при этом".

Другой вайнахский миф из той же серии начинается несколько по-иному:

«Пирьон был царем. Это про него рассказывают, что он создал из меди подобие небес, лил оттуда воду и объявлял себя богом» («Могучий Пирьон и Муса» – из книги И. А. Дахкильгова «Мифы и легенды вайнахов»).

Итак, вайнахи с легкой иронией относились к мнению о том, что небо является «сплошной твердью», но все же называли медью или латунью материал, из которого охваченный манией величия фараон воздвиг свои «небесные своды».

Onda (*anda*) – «то, из чего сделано небо», «твердое», «прочное», «крепкое». Мы полагаем, что слово это, как и в кельтском, в древности означало не металлы, а камень, так как в представлениях наших далеких предков именно камень являлся универсальным материалом для изготовления самых прочных и твердых вещей и сооружений. И даже использование металлов, начавшееся позднее, не смогло вытравить из сознания и, следовательно, из языка восприятие камня как синонима крепости и твердости. Кроме того, мифы о сотворении неба, входящие составной частью в систему преданий о сотворении мира, появились на многие тысячелетия раньше знакомства древних людей с металлами и их свойствами, так что «создать небо» мифологизированное сознание наших пращуров могло только из камня. Ведь металлов в те времена в обиходе (а значит в сознании и языке) еще не было. И поэтому *onda* – «небесная твердь», «камень» – поныне служит в чеченском языке обозначением твердости, прочности, силы.

МОСТАГІ

Мы полагаем, что слово «мостагІ» делится на две части: мос («волосатый», «косматый») и тагІ/таг («человек»). Если наша расшифровка верна, то слово «мостагІ» появилось в глубочайшую древность, в доисторические времена.

Чеченское слово mas («волос», «перо») имеет надежные схождения в индоевропейских языках: ср.-перс. mesh («волосяной покров»); др.-нем. meisa «волосы»; др.-исл. meiss («волосы»); русск. мех («шерсть животного»); латышск. mats («длинный») и т.д. Что касается слова тагІ/таг («человек»), то его древность устанавливается наличием этого слова (tag – «человек», «мужчина») в хурритских клинописных текстах II тыс. до н.э. (архивы Аррапхи).

Итак, мостагІ – «косматый, волосатый человек». Понятно, что в таком смысле это древнейшее слово могло относиться лишь к дикарям, не стригушим волосы и бороды и, может быть, одетым в косматые шкуры животных. Примечательно, что древнегреческое слово варвар (barbar) по наиболее распространенному толкованию означает буквально «бородатый-бородатый» (с редупликацией). А древние финикийские мореходы, заплывавшие в африканские воды, «волосатыми людьми» называли горилл.

Конечно, это только предположение, но весьма вероятно, что словосочетанием «косматые, волосатые люди» обозначались неандертальцы, чьи тела были покрыты густой шерстью. А неандертальцы и в самом деле были смертельными врагами людей современного типа (кроманьонцев), которые, в конце концов» выжили своих диких предшественников с планеты. И те, и другие, как доказали ученые, обладали развитой речью, а понятия «волосы» и «человек», из которых сложено разбираемое нами слово, американский лингвист М. Сводеш в своем знаменитом «стословнике» отнес к древнейшей на земле, базовой лексике.

Тайпы и древние кланы мастеров

Это всего лишь гипотеза. Но тайна происхождения чеченских тайпов до сих пор не разгадана и, возможно, наше мнение в какой-то мере послужит ее разгадке.

Сегодня, благодаря трудам М. Мамакаева, С.-М. Хасиева, Я. Чеснова и других этнологов можно с уверенностью говорить о том, что чеченский тайп не является кровнородственным объединением, ведущим свое происхождение от одного общего предка. Но тогда что это такое – чеченский тайп? По каким признакам когда-то давным-давно наши предки объединились в сообщества – Варандой, Терлой, Беной, Гендергеной, Нашхой, Дишни, Билтой, Тумсой и т.д.? По признаку общего местожительства? Возможно. В чеченской тайповой номенклатуре обнаруживаются названия, явно составленные по территориальному (географическому) признаку. Например, БугIарой (бугI аре «бычья долина»), Мазархой (маз аре – «медоносная долина»), Мужахой (муж – «теплый источник»), Харахой и Харахой (хара – «пещера»), Хильдехьарой («пришедшие из-за реки»), Хьачарой (хьач аре – «сливовая долина»), Хихой («водники», «живущие у воды»), Шарой (ша – «ледник»), ЧПарамхой («живущие у рыбного озера») и т.д.

Однако наше внимание привлекают тайповые названия, составленные по производственному (профессиональному) признаку, по обозначению ремесел. Приведем некоторые примеры: Ачалой («железа люди», «люди, производящие железо»), Пхьарчой («кузнецы»), Нихалой («производители браги»), Пешхой («печники»), Дзумсой («производители двухколесных телег»), Хой («стражники», «охранники», «хранители»), Гилой («те, кто разводят верховых, боевых коней»), Сиркхой («мастера по эмали»), Чархой («токари», «станочники»), Шуоной («производители подносов, блюд»), ГПалай («строители жилых башен, дворцов»), БIавлой («строители боевых башен, замков»), Чармой («кадушечники, бондари») и т.д.

Создается впечатление, что в древности у чеченцев существовали ремесленные кланы, напоминающие средневековые европейские цеховые объединения. Однако больше типологического сходства у чеченских тайпов обнаруживается с древними хурритскими «димту» – этим словом обозначались башни, вокруг которых группировались различные ремесленные кланы, возглавляемые своими старейшинами и пользовавшиеся широкой автономией в рамках государства. Примечательно, что и у чеченцев бытует убежденность, что у каждого тайпа должна быть родовая гора и родовая башня, замок. Судя по «профессиональным» тайповым названиям, древние нахи обладали очень развитым и специализированным ремесленным производством, что в целом совпадает с богатейшей материальной культурой кобанских племен – предков вайнахов.

Однако необходимо рассмотреть еще один аспект этой проблемы. Суфийские братства (вирды) носят названия, составленные из тех или иных видов ремесел («ткачи», «плотники», «парфюмеры», «кузнецы», «чеканщики» и т.д.), и это обстоятельство дает нам еще одно направление для типологических сопоставлений. Нельзя исключать, что и чеченское «некъе» (сегмент тайпа, его элемент, буквально «путь») каким-то образом связано с суфийским термином «путь», которым обозначается школа того или иного посвященного устаза (учителя, наставника).

Суммируя сказанное, можно выдвинуть предположение, что генезис и тайпов, и вирдов, несмотря на разное социальное содержание этих ассоциаций, уходит в те времена, когда в жизни древних обществ лидирующее место занимали закрытые кланы мастеров, освоивших тонкости тех или иных ремесел и объединяемых в единое сообщество не только материальными интересами, но и специфическими обрядами. И названия профессий сохранились за этими кланами даже тогда, когда их функции вышли за узкие рамки той или иной ремесленной специализации и приобрели социальную (тайпы) и религиозную (вирды) значимость. Все это указывает на то, что чеченская тайповая система представляет собой

очень древнее, и при этом весьма сложное явление, далеко выходящее за рамки классического понимания родоплеменных отношений.

Разумеется, говоря о тайпах мы должны помнить, что они гораздо древнее вирдов, поскольку суфизм проник в чеченское общество сравнительно недавно – в конце XVIII столетия, тогда как тайпы – явление глубокой древности, что мы видели на примере хурритских «димту». Остается добавить, что термин «тайп», по всей видимости, имеет сугубо нахское происхождение и тесно связан с аналогично звучащим чеченским словом тайп – «тип», «вид», «разновидность».

Где находился Эдем?

1. Что говорит Библия?

Большинство людей полагает, что Эдем – это «небесный» рай. На самом деле Эдем – это название древнейшей страны или местности, где Бог (как свидетельствует Библия) насадил райский сад, в котором до грехопадения безмятежно обитали наши первопредки – Адам и Ева (мир им). Иными словами, Эдем представлял собою изобильную, благословенную Богом священную местность где-то на земле.

Библия говорит об этой стране и ее координатах так:

«И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке; и поместил там человека, которого создал.

И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

И золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.

Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш.

Имя третьей реки Хиддекель; она протекает перед Ассириею.

Четвертая река Евфрат» ("Бытие", 2:8-14).

Нельзя сказать, что Библия дает четкую локализацию Эдема, но сведения не настолько скудны, чтобы по ним нельзя было попытаться определить местоположение этой благословенной страны.

2. Восток

Библия говорит, что Эдем находился «на востоке». На востоке от чего? Естественным будет считать, что на востоке от современной Палестины, древнего Ханаана – того места, где составлялись библейские тексты. Ведь если бы мы прочли в древней летописи, написанной, к примеру, в Киеве, что какое-то место находилось «на востоке», то мы сразу подумали бы, что речь идет о местности к востоку от Киева.

Восток определяется очень легко: это та точка, где восходит солнце. Конечно, древние евреи никак не могли спутать восток с западом, или югом, или севером. Ведь восходящее солнце ежедневно напоминало им, в каком направлении лежит восток. Поэтому странными выглядят попытки некоторых современных исследователей «отыскать» Эдем где-то в Египте или Эфиопии. При этом они ссылаются на Библию, в которой четко сказано: Эдем находился на востоке (на востоке от Палестины, Ханаана). А Египет и Эфиопия находятся в противоположном направлении – на западе и юго-западе. Непонятно, зачем опираться на совершенно определенные указания Библии, если приходишь к противоположным выводам?

Кроме того, только идя на восток от Палестины, мы и придем к тем географическим пунктам, которые четко названы в Библии. Что это за пункты?

3. Ассирия, Хиддекель, Евфрат

С Ассирией и Евфратом все понятно. Ассирия – древнее государство в Месопотамии (Междуречье), которое просуществовало до 610 года до новой эры. Евфрат – река, вытекающая из Армянского Тавра, то есть, как еще называют эти горы, Малого Кавказа. Хиддекель, как известно, одно из древних названий реки Тигр, которая вытекает из тех же гор Малого Кавказа. Земли, лежащие между этими реками, и называют Междуречьем (Месопотамией). В ту эпоху, когда писались библейские тексты (I тысячелетие до новой

эры), река Тигр (Хиддекель) действительно протекала «перед Ассириею», а сама Ассирия являлась мощной державой, известной всему Ближнему Востоку.

Если две реки (Евфрат и Тигр) вытекали из Эдема, то сам Эдем находился где-то в направлении Кавказа – ведь эти реки берут свои истоки в горах Малого Кавказа.

Науке достоверно известно, что древнейшими жителями Армянского Нагорья (Малого Кавказа) являлись хурриты. Это подтверждают все историки-востоковеды, в том числе и армянские (Григорий Капанцян, Эмма Хачикян и др.) Кстати, слово «хур», ставшее основой самоназвания хурритов, как раз и означает «восток» (в противоположность слову сур – «запад», давшему название Сирии). Оба эти хурритских слова в том же значении до сих пор сохранились в чеченском и ингушском языках, являющихся потомками хурритских наречий.

4. Фисон и Хавила

В Библии названа река Фисон, как одна из рек Эдема. О ней говорится, что она *«обтекает всю землю Хавила, там где золото»*.

Комментаторы библейских названий утверждают, что «Фисон» по-древнееврейски означает «обилие воды» (см. «Библейская энциклопедия», М. 1990 г., стр.733). Любопытно, что в еврейском оригинале это название писалось как «хисон» (перепады «х» на «ф» типичны для многих языков, в том числе и вайнахских, где, к примеру, чеченское хорд – «море», ингуши произносят как форд). Не исключено, что основа «хи» в названии «хисон» каким-то образом связано с вайнахским словом хи – «вода», «река». Вероятность этой связи усиливается, если мы вспомним, что этот же формант обнаруживается и в древнем названии реки Тигр – «Хиддекель». Хурриты, как известно, называли Тигр «Аранцахи» – буквально «равнинная река», «река, текущая по равнине».

В любом случае, Библия указывает, что река Фисон/Хисон «обтекает землю Хавила», а большинство библейских комментаторов видит в этом названии какую-то местность на Кавказе («Библейская энциклопедия», стр.735). Следовательно, и река Фисон оказывается одной из кавказских рек (раз она течет по «земле Хавила», локализуемой исследователями на Кавказе).

5. Гихон

Четвертая река Эдема – Гихон. отождествление этой реки с чеченской рекой Гих (в русской транскрипции – Гехи) может быть встречено с недоверием. В таком случае, нелишним будет напомнить читателям ряд обстоятельств, связанных с этой рекой.

Чеченцы до сих пор всю равнину между Урус-Мартаном и Ачхой-Мартаном называют Гих-аре («Гехинская равнина»), и эта местность, самая густонаселенная в Чечне, иногда обозначается словом «Гих». К истокам этой реки вплотную примыкает горная область Нашах, признаваемая прародиной всеми коренными чеченскими и ингушскими тайпами. В эпоху имамата Шамиля вся равнинная часть Чечни (Малая Чечня) называлась Гехинским наибством, что является свидетельством большей, чем ныне, значимости области Гих-аре (или Гих) в жизни чеченцев. Село Гехи чеченцы называют «нана-Гих» («мать-Гехи»), как русские называют Киев «матерью городов русских».

По мере удаления в древность историко-географическое значение реки Гих резко усиливается. Так, византийский император Константин Багрянородный, живший в X веке, в своем историческом сочинении «Об управлении империей», упоминает реку Гехи наряду с Волгой, как две наиболее значительные реки Восточной Европы, хорошо известные и в самой Византии («Об управлении империй», М. 1999 г., стр.155). Один из ведущих кавказоведов В.П. Кобычев прямо отождествляет названную императором Константином реку «Гехи» с названием чеченской реки Гехи – Гих (см. «Кавказский этнографический сборник», вып. IX, М. 1989 г., стр.23-24).

Поэтому мы и считаем, что библейская река Гихон вполне может оказаться чеченской рекой Гих: ведь и все остальные «реки Эдема», упоминаемые в Библии, имеют свои истоки на Кавказе. И если в средние века реку Гехи не только знали в далекой Византии, но и оставили ее название рядом с названием Волги (Итиля), то в древности ее вполне могли упомянуть в одном ряду с такими реками как Евфрат и Тигр.

Как бы то ни было, библейская река Гихон может быть только одной из рек Кавказа, а на всем Кавказе лишь река Гих (Гехи) имеет полное созвучие с названием «эдемского» Гихона.

6. Эдем – «благословенное место»

Мы видим, что анализ библейских названий, связанных с местоположением Эдема, указывают на Кавказ как на страну, где находился «райский сад».

Слово «эдем» переводится с древнееврейского как «приятное, сладкое (место)». И если мы обратимся к сурам Корана, то убедимся, что Священное Писание мусульман называет Кавказ «благословенным местом» Итак, мы читаем:

«Мы послали Нуха к его народу, и сказал он: "О народ мой! Поклоняйтесь Аллаху, нет у вас другого божества, кроме Него, – разве вы не побоитесь?"

И сказал сонм, те из его народа, которые не веровали: "Это только человек, подобный вам, он хочет получить над вами преимущество. А если бы пожелал Аллах, Он, конечно, ниспослал бы ангелов, мы не слышали про это среди наших первых отцов. Это – только человек, в котором безумие, выждите с ним до некоторой поры".

Он сказал: "Господи, помоги мне за то, что они сочли меня лжецом!"

И Мы внушили ему: "Сделай ковчег на Наших глазах и по Нашему внушению, а когда придет наше повеление и закипит печь, то введи в него из всех по две пары и твою семью, кроме тех из них, о которых предшествовало Мое слово, и не говори со Мной о тех, которые были неправедны; поистине, они будут потоплены!

А когда утвердишься ты и те, кто с тобой, на судне, то скажи: "Слава Аллаху, который спас нас от людей несправедливых!"

И скажи: "Господи, останови меня в месте благословенном, Ты – лучший из поселяющих!"

Поистине, в этом – знамения и, действительно, мы испытываем» (*«Верующие», аят 23-30*).

Если мы вспомним, что пророк Нух (мир ему) после потопа сошел на землю именно на Кавказе (подтверждения этому есть и в Коране, и в Библии), то не только географические координаты, но и само название «Эдем», как обозначение «благословенного места», связывает его с Кавказом.

Мистический аспект чеченской истории

Ничего не может произойти без наличия определенного заряда энергии. Энергетика события первична по отношению к самому событию. Это – закономерность. Другая закономерность заключается в том, что определенному событию для его реализации необходима энергия соответствующего свойства. И наоборот: если мы наблюдаем событие определенного типа, то можно безошибочно определить, каким был характер энергии, запустившей данное событие. Перед грозой в атмосфере накапливается электрическая энергия. Наблюдая грозу, мы можем быть уверены в том, что до ее начала атмосфера была насыщена электричеством.

Электрическая энергия в атмосфере не гроза еще, а предвестница грозы, ее ЗНАМЕНИЕ. Такова сущность знамений. Они непосредственно предшествуют событию и несут в себе его энергетику. Умение распознавать знамения – это знание жесткой взаимосвязи между событием и запускаящей событие энергетикой. Однако необходимо отметить, что умение «читать» знамение – удел очень немногих людей. Объясняется это тем, что в цивилизованных обществах, которые и инициируют события общемировой значимости, утрачено умение создавать и хранить предметы, аккумулирующие в себе энергетику судьбоносных событий. Если данный предмет (очень часто – несущий в себе ярко выраженное и очевидное символическое значение) пребывает в целостности, значит, энергетика разрушительных событий не высвобождена. Если предметы-символы разрушены или утрачены, значит надо ждать несчастий.

Все устроено так, что покушение на символический предмет есть покушение на то, что этот предмет символизирует собой, и является точным индикатором, показывающим избыток «электричества в атмосфере», то есть – наличие в общественном организме чрезмерных доз отрицательной энергии, которая не может не вызвать «грозового события» или целой цепи бедственных событий. Между символом явления и самим явлением существует прямая ценностная и, более того, энергетическая связь. Разрушить или забыть символ – значит разрушить или забыть ценностную суть явления.

У чеченцев когда-то было три таких символических предмета: «къоман йай» («национальный котел»), «къоман тептар» («национальная хроника») и «къоман мухар» («национальная печать»). Все они хранились в Нашахе, в родовой башне Моцар (Моцархой), древнего клана, который был хранителем этих общенациональных чеченских реликвий.

Прежде чем говорить о судьбе этих реликвий, необходимо сказать, что они с собой символизировали. А также – когда они были созданы (точнее – воссозданы с более древних образцов).

Национальный котел нес в себе символ пространственного национального единения 63 коренных чеченских тайпов. На бронзовых полосах, которые были вертикально припаяны к внешней стороне котла, были выбиты названия этих 63 тайпов. По большим праздникам, в дни примирения кровных врагов или во время заседания Совета Страны (Мехк Кхел), котел выносился из боевой башни Моцар и в нем варилось мяса для коллективных трапез. Всегда – мясо быков. Котел – символ дружной семьи. Национальный котел символизировал, что чеченский народ является единой семьей братских тайпов, имеющих общую прародину в горах Нашаха.

Национальная хроника несла в себе символ единения всех поколений чеченцев во времени. Это был пергаментный манускрипт, на страницы которого различными системами письма заносились важнейшие события в жизни народа, описывалось его происхождение и родословные чеченских тайпов.

Национальная печать, которой скреплялись все важнейшие решения Совета Страны, символизировала собой сакральную связь чеченского народа, «народа пророка Ноя», с

вечностью, с заветом первопредков с Всевышним, которому должно было соответствовать любое постановление Мехк Кхела.

Итак, эти три предмета символизировали собой единство чеченского народа в пространстве («народ и страна»), единство во времени («мы и наши предки») и единство в священном обязательстве следовать завету с Всевышним пророка Ноя, которого чеченцы считают своим первопредком («народ и Завет»). Соответственно этим символическим значениям, потеря национального котла должна была быть воспринята как знамение потери пространственного единства народа; потеря национальной хроники – как знамение разрыва связи между поколениями, а потеря национальной печати – как знамение нарушения древнего сакрального завета с Творцом, богоотступничество.

Три названные реликвии были созданы и водворены на хранение в замок Моцар в XVI веке христианской эры, когда чеченцы неимоверными усилиями преодолели длившуюся более ста лет внутреннюю смуту и создали общенациональное управление – Совет Страны. При сохранении самой широкой «тайповой автономии», были упорядочены вопросы войны и мира, землевладения, функции и прерогативы светской и военной власти и т.д. Именно с этих пор чеченцы и на деле, и в этническом самосознании из конфликтовавших друг с другом клановых альянсов превратились в единую нацию – нохчи къам.

Это позитивное историческое явление было символически запечатлено в трех предметах-реликвиях. Пока эти предметы существуют в целостности и сохранности, бывшая разрушительная анархия не вернется и чеченцы останутся едиными в пространстве и во времени народом, верным священным нормативам завета, заключенного пророком-прапродителем с Всевышним. Эти нормативы нашли свою правовую кристаллизацию в своде первичных адатов («Нахчи-Иедал»).

Однако выше говорилось, что предметы-реликвии были не столько созданы в XVI веке, сколько воссозданы. В древнем урартском священном городе Ардини (Ардини по-чеченски и означает «священный»), наличествует символика священного котла. В ассирийских надписях город Ардини назывался Муцацир (Моцацир). Потомки урартийцев – чеченцы, свой котел хранили в замке Моцар.

Были у урартийцев и летописи (в частности, известна летопись царя Аргишти), и «государственная печать». Но это древняя история, которая требует самостоятельного изложения. Отметим только, что у чеченских предметов-реликвий бесспорно имелись древнейшие образцы.

Котел был разрушен по приказу имама Шамиля двумя чеченским наибам весной 1846 года. Наибы были представителями тайпов Нашхо и Дишни. Осознав содеянное, они начали обвинять в этом святотатстве каждый другого. Между ними завязалась вражда, и их потомков удалось примирить лишь в 30-е годы XX века. Знаменательно, что после разрушения котла военная удача покинула чеченцев. В войсках Шамиля начались раздоры, раздоры начались и между чеченцами. Разрушительная для единства народа энергия распрей проявилась в разрушении «национального котла», а затем породила трагическое событие: поражение в Кавказской войне.

Хроника исчезла через сто лет, когда в 1944 году чеченцев депортировали в Центральную Азию. Известен человек, который хранил «къоман тептар». Но этот человек, как и хранимая им реликвия, бесследно исчез где-то на бескрайних казахстанских просторах. Связь поколений – можем ли мы утверждать, что она не распалась, если именно с «казахстанского пленения» среди чеченцев появились свои «иваны не помнящие родства», появились удивительные личности, которые называют себя чеченцами, но не являются таковыми по духу и складу характера.

Печать сохранилась. Известно селение, где она хранится, и известна семья, которая ее хранит. А это очень много значит. Это значит, что чеченцы не прервали сакральную связь с вечностью и сохранили условия для нового воссоединения. Так можно трактовать это

знамение, если верить в знамения. Или можно не верить в знамения и прокладывать другие пути судеб.

Много странного происходит вокруг нас и в нас самих. Одни воспринимают это как предсмертную агонию, а другие – как муки рождения нового народа нохчи. Народа – победителя.

